

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры международного права, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фуллера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) (Тромсё, Норвегия)

Александр ГЕРРЕЙРО

доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета (Лиссабон, Португалия)

Душко ДИМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ

доктор юридических наук, профессор, и.о.заведующего кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, профессор кафедры административного и финансового права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анатолий Яковлевич КАПУСТИН

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ

доктор права, профессор международного права Пекинского технологического института, главный редактор Оксфордской онлайн-библиографии международного права (Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса (Массачусетс, США)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы по межпарламентским связям Азербайджан-Россия (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**Анна Ивановна ЕФИМОВА**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 107

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 25.03.2025 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № _____

Отпечатано в производственном отделе

Издательского дома МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтвская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2025

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Doctor of Laws, Professor, Honorable Lawyer of the Russian Federation, Professor of the International Law Department, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Laws, Professor, Honorable Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the International Law Department, RUDN University (*Moscow, Russian Federation*)

Adel I. Abdullin

Doctor of Laws, Professor, Head of the International and European Law Department, Kazan (Volga region) Federal University (*Kazan, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Doctor of Laws, Professor, UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with the Arctic University of Norway (*Tromsø, Norway*)

Duško Dimitrijević

Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics (*Belgrade, Serbia*)

Lothar Determann

Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law, The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Damir K. Bekyashev

Doctor of Laws, Professor, acting Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector, Professor at the Administrative and Financial Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir V. Ustinov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (*Rostov-on-Don, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexandre Guerreiro

Doctor of Laws, associated member of the Institute of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon
(Lisbon, Portugal)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

John Anthony Carty

PhD, Professor of International Law at Beijing Institute of Technology, Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law
(Oxford, Great Britain)

Anatoly Ya. Kapustin

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Rustam A. Kasyanov

Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws, Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association
(Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm
(Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary Relations Azerbaijan-Russia
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University
(Massachusetts, USA)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «**Moscow Journal of International Law**» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Proofreader – Xenia E. Poltevsckaya

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО	AIR LAW
<i>Вылегжанин А.Н., Баталов А.А., Абатурова В.А.</i> Особенности правового регулирования международных воздушных сообщений в Арктике	6 <i>Vylegzhanin A.N., Batalov A.A., Abaturova V.A.</i> Peculiarities of Legal Regulation of International Air Service in the Arctic
МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО	SPACE LAW
<i>Штодина И.Ю.</i> Концепция «правопорядка, основанного на правилах», применительно к космическому пространству	25 <i>Shtodina I. Yu.</i> The Concept of «Rules-Based Order» as applied to Outer Space
<i>Попова С.С.</i> Правовые лакуны в определении понятия «космический мусор»	39 <i>Popova S.S.</i> Legal Gaps in the Definition of Space Debris
<i>Орешенков А.М.</i> О коммерциализации присвоения природных ресурсов небесных тел	49 <i>Oreshenkov A.M.</i> On the Commercialization of the Appropriation of Natural Resources of Celestial Bodies
МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО	LAW OF THE SEA
<i>Мишальченко Ю.В., Довбуш Т.Н.</i> Некоторые актуальные проблемы международно-правового обеспечения морской безопасности	71 <i>Mishalchenko Y.V., Dovbush T.N.</i> Some Current Issues of International Legal Support for Maritime Security
<i>Говердовская Т.В., Старкова Л.М.</i> Правовое регулирование противодействия киберрискам в морском пространстве Каспийского региона в рамках обеспечения региональной безопасности	86 <i>Goverdovskaya T.V., Starkova L.M.</i> Legal Regulation of Counteracting Cyber Risks in the Marine Space of the Caspian Region within the Framework of Ensuring Regional Security
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW
<i>Лима Л.К., Дал Ри Дж. А.</i> Создание Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата как основы международного правового режима в области климата (1985–1992 гг.)	99 <i>Lucas Carlos Lima, Arno Dal Ri Jr.</i> The Establishment of the United Nations Framework Convention on Climate Change as the Basis of the International Climate Legal Regime (1985–1992)
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	HUMAN RIGHTS
<i>Дрыгина А.А.</i> Права человека: роль международного обычая в регулировании применения нелетального оружия	113 <i>Drygina A.A.</i> Human Rights: The Role of International Custom in Regulating the Use of Non-Lethal Weapons
МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО	INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW
<i>Бадави Х.</i> 25-я поправка и преемственность президентской власти: конституционный анализ в свете недавних дебатов	133 <i>Habib Al-Badawi</i> The 25th Amendment and Presidential Succession: A Constitutional Analysis in Light of Recent Debates

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-6-24>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 18.03.2025

Принята к публикации: 10.06.2025

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4838-2525

Александр Александрович БАТАЛОВ¹

Представительство Российской Федерации

при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)

Авеню дю Мюзе, 3617, Монреаль, H3G 2E1, Канада

alexbatalov2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9311-9822

Варвара Александровна АБАТУРОВА¹

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119002, Российская Федерация

vaabaturova@mid.ru

ORCID: 0009-0001-5575-4315

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЗДУШНЫХ СООБЩЕНИЙ В АРКТИКЕ

ВВЕДЕНИЕ. В достаточно обширной современной научной литературе по международному воздушному праву мало внимания уделено анализу особенностей международно-правового регулирования международных воздушных сообщений в Северном полярном регионе. Учитывая развитие международного транспортного сообщения и поиск путей повышения эффективности и безопасности полетов в конкретных частях нашей планеты, актуальным становится и анализ формирования предпосылок к выделению особого регионального международно-правового режима воздушного арктического

пространства на фоне роста объемов как внутрисударственных воздушных перевозок в арктических странах, так и трансграничного (трансполярного) авиасообщения. При этом содержание правового статуса гражданской авиации в Арктике соотносится с ключевой функцией международного воздушного права – обеспечения безопасного и эффективного воздушного движения, в том числе и в этом регионе. В контексте особых климатических, географических, политико-исторических условий развития стран Арктического региона авторы настоящей статьи анализируют сложившийся

¹ В настоящей статье излагается исключительно личное мнение авторов по исследуемым вопросам. Данное мнение и настоящая статья в целом никоим образом не должны рассматриваться в качестве отражения позиции любых учреждений и организаций, с которыми у авторов существовали или существуют трудовые, договорные или иные отношения.

международно-правовой режим регулирования международных воздушных сообщений над надземными и морскими районами Арктики, составляющими часть государственной территории, а также над пространствами Северного Ледовитого океана за пределами такой территории, при должном внимании к выявлению предпосылок формирования соответствующего регионального международно-правового режима.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Авторы проводят комплексный анализ применимых международных договоров, прежде всего Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. и соответствующих двусторонних соглашений Российской Федерации о воздушном сообщении, используя научные труды российских и зарубежных правоведов. Ввиду специфики предмета исследования – международных отношений государств Арктического региона по вопросам регулирования международного воздушного сообщения в Северном полярном регионе – авторы обращались к методам дедукиции и индукции, к формально-юридическим методам, особенно при сопоставлении применимых договорных норм, документов Международной организации гражданской авиации и национальных нормативных актов арктических государств по вопросам осуществления гражданской авиации в воздушном пространстве Арктики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье охарактеризована специфика сложившегося правового режима международных воздушных сообщений в Арктике; проведен сравнительно-правовой анализ регулирования международных воздушных сообщений в Арктическом регионе до и после принятия Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. с описанием ее стержневых норм, применимых к авиации в Арктике; проанализированы соответствующие двусторонние международные соглашения Российской Федерации с акцентом на толкование содержащихся в них положений о регулировании трансполярных международных воздушных сообщений; исследованы другие применимые акты, в том числе документы

Международной организации гражданской авиации (ИКАО); в частности, обозначено международно-правовое значение стандартов ИКАО, а также региональных аэронавигационных планов, включая такие планы для Североамериканского и Европейского регионов.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. По итогам проведенного исследования авторами сделан вывод о том, что способствовать повышению качества регулирования международного воздушного сообщения в Арктике мог бы соответствующий региональный международный договор. Такой формат сотрудничества арктических и неарктических государств был бы эффективен при условии наличия волеизъявления арктических государств; при согласовании соответствующего международного договора следовало бы учитывать, в частности, опыт работы арктических государств по заключению Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г. Для Российской Федерации с ее огромным транзитным потенциалом, в том числе в части предоставления обслуживания воздушного движения по трансполярным маршрутам, становление такого уточненного международно-правового режима регулирования международных воздушных сообщений в Арктике могло бы быть перспективным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктика, ИКАО, международное воздушное право, международные воздушные сообщения, международная гражданская авиация, регулирование трансполярных воздушных полетов, Чикагская конвенция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Выегжанин А.Н., Баталов А.А., Абатурова В.А. 2025. Особенности правового регулирования международных воздушных сообщений в Арктике. – Московский журнал международного права. № 2. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-6-24>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

AIR LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-6-24>Research article
UDC: 341
Received 18 March 2025
Approved 10 June 2025**Alexander N. VYLEGZHANIN**

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Alexander A. BATALOV²

Representation of the Russian Federation to International Civil Aviation Organization (ICAO)
3617, Avenue du Musee, Montreal, Canada, H3G 2E1
alex batalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

Varvara A. ABATUROVA²

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskiy Bul'var, Moscow, Russian Federation, 119002
vaabaturova@mid.ru
ORCID: 0009-0001-5575-4315

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL AIR SERVICES IN THE ARCTIC

INTRODUCTION. *In the rather extensive modern scientific research on international air law less attention is paid to the analysis of the peculiarities of international legal regulation of international air services in the northern polar region. Considering the development of international transport communication and the search for ways to improve the efficiency and safety of flights in specific parts of our planet, the analysis of prerequisites for the identification of a special regional international legal regime of the Arctic airspace is needed in light of the increasing scale of interstate airflights in the Arctic countries and transboundary (including transpolar) air transportation in the region.*

Meanwhile, the content of the legal status of civil aviation in the Arctic correlates with the key principle of international air law – the organization of safe and efficient air traffic in this area. In the context of the special climate, geographical, political and historical circumstances of the development of the countries of the Arctic region, the authors of this paper analyze the existing international legal regime governing international air services over the terrestrial and maritime areas of the Arctic States, which form parts of their territory, as well as over the Arctic Ocean beyond this part. The paper also indicates the preconditions for the formation of a corresponding regional international

² This article contains exclusively personal opinion of the authors. This opinion and this article as a whole, must not be attributed to any institutions and entities, with which the authors were affiliated or are currently affiliated through any form of employment or other contractual relationships.

legal regime.

MATERIALS AND METHODS. The authors conduct a comprehensive analysis of applicable international treaties, including first and foremost the Convention on International Civil Aviation of 1944 and relevant bilateral air services agreements of the Russian Federation, using the research works of the Russian and foreign legal publicists. Due to the specificity of the subject of the article – international relations of the Arctic States on the regulation of international air services in the North Polar region – the authors applied methods of deduction and induction, as well as formal legal methods, especially while comparing the applicable treaty rules, and the documents of the International Civil Aviation Organization (ICAO) and national legislation of the Arctic States on the issues of civil aviation in the Arctic airspace.

RESEARCH RESULTS. The specific nature of the existing legal regime of international air traffic in the Arctic is described in the paper; a comparative legal analysis of the regulation of international air traffic in the Arctic region before and after the adoption of the 1944 Convention on International Civil Aviation with a review of its key rules applicable to air navigation in the Arctic; the relevant bilateral international agreements of the Russian Federation are considered with focus on interpretation of their provisions on the regulation of transpolar international air communications; other applicable legal acts are examined, including documents of the ICAO.

1. Введение

Согласно Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция) воздушное сообщение – это «любое регулярное воздушное сообщение, осуществляемое воздушными судами с целью общественных перевозок пассажиров, почты или груза»³; понятие «международное воздушное сообщение» означает воздушное сообщение, которое осуществляется «через воздушное пространство над территорией более, чем одного государства»⁴ (ст. 96 Чикагской конвенции).

Толкуя ст. 96 Чикагской конвенции в обычном значении терминов, используемых в ней, можно было бы констатировать, что к международным

DISCUSSION AND CONCLUSION. Based on the results of the research, the authors have suggested that a regional multilateral international treaty might contribute to the increase of the quality of regulation of international air services in the Arctic. Such a format of cooperation of the arctic and non-arctic States would be effective provided that all the arctic States express their relevant common will and might take into account the work on the relevant international treaty, in particular, the negotiations between the arctic states on the Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic, 2011. For the Russian Federation with its huge transit potential, including that relating to the provision of air traffic services on transpolar routes, the formation of such update international legal regime for the regulation of international air routes in the Arctic is of particular importance.

KEYWORDS: Arctic, ICAO, international air law, international air services, international civil aviation, regulation of transpolar air flights, Chicago Convention

FOR CITATION: Vylegzhanin A.N., Batalov A.A., Abaturova V.A. Peculiarities of Legal Regulation of International Air Service in the Arctic. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-6-24>

The authors declare the absence of conflict of interest.

воздушным сообщениям относятся только регулярные авиаперевозки пассажиров, почты и грузов. Такой подход государств – участников Чикагской конвенции к определению понятия «международные воздушные сообщения» объясняется тем, что в период ее разработки и принятия доля нерегулярных общественных перевозок пассажиров и грузов на авиатранспортном рынке была относительно невелика, и с точки зрения международно-правового регулирования такие перевозки практически не учитывались. Однако в современных документах ИКАО под термином «воздушные сообщения» понимаются как регулярные, так и нерегулярные сообщения, осуществляемые воздушными судами с целью «общественных перевозок»⁵. При этом

³ Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г. ICAO Doc. 7300/9. 9-е изд. 2006.

⁴ Там же.

⁵ Руководство по регулированию международного воздушного транспорта. ICAO Doc. 9626. 2-е изд. 2004.

каждый из этих видов воздушных сообщений обладает своими особенностями [Баталов 2008].

В соответствии с определением Совета ИКАО регулярное международное воздушное сообщение представляет собой серию полетов, которая характеризуется следующим: а) полет осуществляется через воздушное пространство над территорией более чем одного государства; б) он осуществляется воздушными судами с целью перевозки пассажиров, почты или груза за вознаграждение, причем каждый полет доступен для любого лица; и в) при осуществлении полетов выполняются перевозки между одними и теми же двумя или более пунктами либо в соответствии с опубликованным расписанием, либо рейсами настолько регулярными или частыми, что они представляют собой явную систематическую серию⁶. Согласно документу ИКАО, нерегулярное воздушное сообщение отличается от регулярного прежде всего тем, что оно выполняется «либо на специальной основе, либо на регулярной, но сезонной основе; не подпадая под обязательства общественного обслуживания, например, требования об осуществлении рейсов в соответствии с опубликованным расписанием независимо от коэффициента загрузки; с большей эксплуатационной гибкостью в отношении выбора аэропортов, часов выполнения полетов и других эксплуатационных и связанных с обслуживанием требований по сравнению с регулярными перевозками; при условии получения разрешения или путем направления предварительного уведомления в отношении каждого рейса или серии рейсов в страну начала или назначения перевозки или из нее, а также в обе стороны»⁷. Наиболее распространенным видом таких сообщений являются нерегулярные перевозки с использованием зафрахтованного воздушного судна (чартерные перевозки)⁸. Несмотря на различия между регулярными и нерегулярными международными

воздушными сообщениями, они обладают двумя общими признаками: 1) осуществляются через воздушное пространство над территорией более чем одного государства; 2) осуществляются с целью коммерческих (за плату) перевозок пассажиров, грузов и почты.

В пятом издании учебника МГИМО под редакцией Ф.И. Кожевникова⁹, в учебнике МГУ под редакцией Г.И. Тункина¹⁰, в двухтомнике по международному воздушному праву Академии наук СССР¹¹ отмечена значимость коммерческого фактора при осуществлении воздушных сообщений: они осуществляются за вознаграждение. В таком контексте, как подчеркнуто, «некорректно относить к международным воздушным сообщениям, например, трансграничный полет делегации государства; или полет воздушного судна с целью поиска и спасания, даже если при этом пересечена государственная граница; или полет собственника судна в его личных целях, в том числе в другую страну; или научно-исследовательский полет и т. п. ... подобные перевозки не являются перевозками в юридическом смысле, носящими коммерческий характер (выполняемыми на платной основе)» [Баталов 2008].

Итак, согласно Чикагской конвенции под международными воздушными сообщениями понимаются не сами по себе воздушные передвижения летательных аппаратов над территориями двух или более государств, а такие международные полеты воздушных судов, которые выполняются для осуществления перевозок пассажиров, почты, багажа и грузов с коммерческими целями. Вопросы правового режима воздушного пространства, статуса воздушного судна и его экипажа, аэронавигационного обеспечения международных полетов, строго говоря, выходят за рамки темы правового регулирования воздушных сообщений. Тем не менее обозначение указанных общих правовых вопросов в контексте

⁶ Политика и инструктивный материал в области регулирования международного воздушного транспорта. ICAO Doc. 9587. 3-е изд. 2008. С. 1-14.

⁷ Руководство по регулированию международного воздушного транспорта. ICAO Doc. 9626. 3-е изд. 2018. П. 7.2. С. IV-7-2.

⁸ Там же. IV-7-1.

⁹ Задорожный Г.П. Международное воздушное право. – *Международное право. Учебник*. Отв. ред. Ф.И. Кожевников. М.: Междунар. отношения. 1987. С. 220-230.

¹⁰ Мовчан А.П. Международное воздушное право. – *Международное право*. Отв. ред. Е.Т. Усенко. М.: Юрид. лит. 1982. С. 442-459.

¹¹ Международное воздушное право. Книга 1. Отв. ред. А.П. Мовчан. М.: Изд-во «Наука». 1980. С. 20 и др.

данной статьи также представляется необходимым для полноты научного анализа правового режима воздушных сообщений в воздушном пространстве Арктического региона.

Правовой режим воздушных сообщений на *универсальном* уровне определен рядом многосторонних конвенций, стержневой из которых считается уже цитированная Чикагская конвенция¹². Исследование *регионального* уровня современного регулирования отношений государств в области международных воздушных сообщений, по сути, находится в настоящее время на начальной стадии, хотя в юридической науке уже обозначены формы такого сотрудничества, особенно в целях обеспечения безопасности полетов, расследования авиационных происшествий, выявления компетенции региональных международных институтов, вовлеченных в такое сотрудничество¹³.

В продолжение данного вектора исследований в настоящей статье рассматривается специфика сложившегося правового режима международных воздушных сообщений в Арктике – над надземными и морскими районами арктических государств, составляющими часть их территории, а также над пространствами Северного Ледовитого океана за пределами государственной территории¹⁴. Выбор этой темы обусловлен не только известными констатациями неуклонного роста международных полетов в Северном полярном регионе и особыми рисками, связанными с полетами в полярных

районах, что отмечено в специальной литературе¹⁵; но также и с разными доктринальными оценками правового режима воздушного пространства над районами Северного Ледовитого океана, анализ которых был предложен профессором В.Л. Лахтиным еще в 1928 г. [Лахтин 1928:35-37]. Некоторые из таких оценок не соответствуют применимым в настоящее время положениям Чикагской конвенции.

Соответственно, в настоящей статье после введения упоминается о разных толкованиях норм международного права, применимых к регулированию международных отношений в сфере воздушной навигации в Арктике до принятия Чикагской конвенции. В третьем разделе статьи исследуются те нормы Чикагской конвенции, которые применяются арктическими государствами для регулирования международных воздушных сообщений в Северном полярном регионе. Четвертый раздел статьи посвящен анализу двусторонних соглашений Российской Федерации о международных воздушных сообщениях, прежде всего с целью толкования тех их норм, которые применимы к регулированию полетов в Арктике. В пятом разделе рассматриваются другие применимые источники международного права; в шестом поставлен вопрос о целесообразности разработки регионального соглашения о правовом режиме международных воздушных сообщений в Арктике. В заключении авторами кратко сформулированы результаты исследования.

¹² Кроме нее, в научной литературе к таким конвенциям относят: Конвенцию о международном признании прав на воздушное судно 1948 г. и Протокол по авиационному оборудованию к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. (согласно ст. XXIII заменяет указанную Конвенцию 1948 г. в части, касающейся воздушных судов и авиационных объектов); Конвенцию об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности 1952 г.; Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.; Конвенцию для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г.; Конвенцию для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. (согласно ст. 55 имеет преимущественную силу перед аналогичной Конвенцией 1929 г.); Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г. и др. См.: Словарь международного воздушного права. Отв. ред. М.Ю. Малеев. М.: Международные отношения. 1988. С. 1 и сл.

¹³ См. подробнее: [Environmental Security in the Arctic Ocean 2013: 371-441]; [Баталов 2021:40-69].

¹⁴ В целом о статусе Арктики, об особенностях правового режима деятельности в этом регионе см. подробнее: Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия. В 3 т. Т. 3. Применимые правовые источники. Под общ. ред. И.С. Иванов. 2013. М.: Аспект Пресс. 662 с.; [Vylegzhanin 2020:251-266].

Как показано в этих исследованиях, не существует договорно-согласованного между всеми арктическими государствами определения понятия «Арктика». На уровне международно-правовых доктрин наиболее цитируемым определением «Арктики» является следующее: «Полярная область планеты Земля, находящаяся к северу от параллели 66°33' с.ш. (Северного полярного круга)». См.: Арктическая правовая энциклопедия. Под общ. ред. академика РАН А.В. Торкунова, профессора А.Н. Вылегжанина. М.: Аспект Пресс. 2024. 22 с.; [Арктический совет: статус и деятельность ... 2021:7-8].

¹⁵ См. подробнее: [Тупчиенко 2014].

2. Международно-правовая литература о режиме воздушных сообщений в Северном полярном регионе (до принятия Чикагской конвенции)

В современной научной литературе по международному воздушному праву (в отличие от названной монографии профессора В.Л. Лахтина 1928 г.) нет исследований правового регулирования международной гражданской навигации в Северном полярном регионе. Между тем трансполярные (пересекающие воздушное пространство над Северным полярным регионом)

воздушные сообщения требуют, в силу отмеченной выше специфики Арктического региона, уточненного регулирования и, соответственно, более предметной научно-правовой экспертизы.

В международных документах по воздушному праву, как ниже будет показано, кроме термина «трансполярные маршруты» (“transpolar routes”), используется также термин «кроссполярные маршруты» (“cross-polar routes”). И те, и другие маршруты, судя по контексту документов, пересекают Северный полярный круг, только первые – с запада на восток и в обратном направлении; а вторые – с юга на север и обратно (рис. 1).

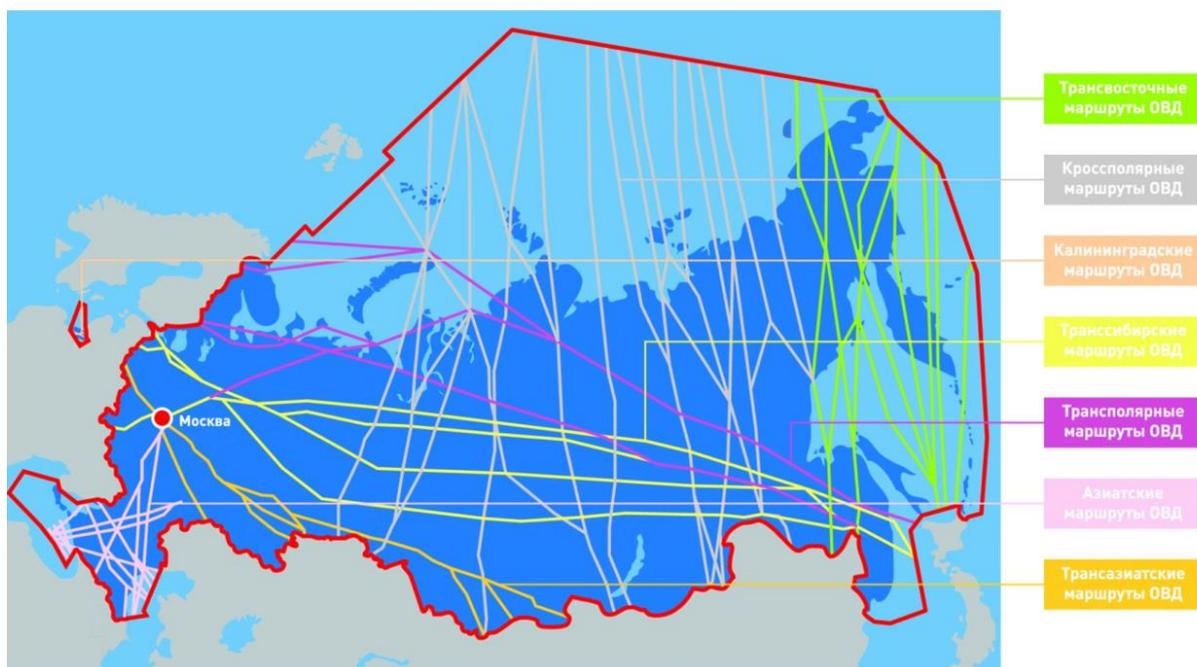

Рис. 1. Транзитная система маршрутов, проходящих через воздушное пространство Российской Федерации¹⁶

Значимостью именно воздушной навигации над Северным Ледовитым океаном и его морями профессор В.Л. Лахтин [Лахтин 1928:1 и сл.] и профессор Смедал [Smedal 1931:1 и сл.] объясняли необходимость ясного обозначения правового положения Арктики в целом, принимая во внимание уникальность естественных характеристик этого региона.

Международно-правовой статус арктических пространств характеризуется сосуществованием универсального, регионального

и двустороннего уровней правового регулирования соответствующих отношений между государствами¹⁷. Как уже отмечалось, региональный уровень регулирования межгосударственных отношений в Арктике представлен не только договорами арктических государств, но и давно сложившимися нормами международного обычного права [Вылегжанин 2015:52 и сл.; Жудро 2018:1 и сл.]. В контексте изложенного существенным представляется вопрос: формируется ли в настоящее время особый

¹⁶ Глоссарий. Трассы воздушные. Официальный историко-информационный портал «Аэронавигация в России». URL: <https://ovdrf.ru/glossary?letter=T> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁷ Арктическая правовая энциклопедия. С. 22 и сл.

региональный международно-правовой режим воздушного пространства Арктического региона в первую очередь в части регулирования международных воздушных сообщений в Северном полярном регионе? Такие маршруты, как и транссибирские, играют, прежде всего, огромную «транзитную» роль, сокращая эксплуатационные издержки, особенно для иностранных авиакомпаний [Бордунов 2007:126].

Актуальность выявления элементов «правового регионализма» в международно-правовом регулировании воздушных перевозок в Арктике подтверждается и в таком российском документе, как «Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г.». Здесь в качестве одного из перспективных направлений развития российского экспорта транспортных услуг предусмотрены услуги, связанные с использованием российского воздушного пространства для полетов воздушных судов иностранных авиакомпаний по трансполярным трассам¹⁸. Обладая значительным транзитным потенциалом, являясь связующим звеном в международном транспортном коридоре «Север – Юг», трансполярные воздушные перевозки также способствуют развитию транспортного комплекса Российской Федерации в части обеспечения грузовых перевозок по «международным транспортным коридорам, проходящим через Россию». Это вносит вклад в достижение цели 3 («Увеличение объема и скорости доставки грузов, в том числе транзитных, и развитие мультимодальных логистических технологий»), в частности, в рамках задачи 10 («Ускоренное развитие участков международных транспортных коридоров, проходящих через Россию») и задачи 19 («Эффективное обслуживание внешней торговли Российской Федерации, развитие экспорта транспортных услуг, развитие международного сотрудничества»)¹⁹.

Актуальность рассматриваемой темы подтверждается и динамикой развития транспортной сети в Арктическом регионе. В частности, если обратиться к статистическим данным, опубликованным на официальном сайте Федерального агентства воздушного транспорта (Росавиации), то с 2012 г. наблюдается рост количества трансполярных маршрутов (табл. 1). В период с 2012 по 2019 гг. отмечается положительная тенденция в фактическом использовании таких маршрутов. Заинтересованность в эксплуатации соответствующих воздушных трасс проявляют авиаперевозчики, в том числе из Республики Индии, Канады, Китайской Народной Республики, Республики Кореи, Республики Сингапура, Соединенных Штатов Америки и Королевства Тайланда²⁰.

Таблица 1
Данные по фактическому выполнению полетов по трансполярным маршрутам России за период с 2012 по 2022 гг.²¹

Год	Трансполярные маршруты России (шт.)	Фактически выполненные маршруты (шт.)
2012	9	11 214
2013	14	12 565
2014	16	12 759
2015	18	15 083
2016	18	16 612
2017	19	18 672
2018	19	20 386
2019	19	19 968
2020	19	7 366
2021	19	9 091
2022	19	1 961 (данные за январь и февраль)

В начале XX в. профессор В.Л. Лахтин констатировал целесообразность признания «неограниченного суверенитета» пяти арктических прибрежных государств (на тот период – СССР,

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 г. № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года»).

¹⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (ред. от 06 ноября 2024 г.) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года».

²⁰ Госкорпорация по ОрВД. Кроссполярные трассы России становятся все более привлекательными для зарубежных авиакомпаний. 2008. URL: <https://gkovd.ru/press-centre/publications/2008/krosspolyarnye-trassy-rossii-stanovyatsya-vse-bolee-privlekatelnymi-dlya-zarubezhnykh-aviakompaniy/> (дата обращения: 04.03.2025).

²¹ Данные по фактическому выполнению полетов по кросс-полярным маршрутам. – *Официальный интернет-ресурс Федерального агентства воздушного транспорта (Росавиации)*. URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-organizacii-ispolzovanie-vozdushnogo-prostranstva-intensivnost-vozdushnogo-dvizhenija-v-vozdushnom-prostranstve-dannye-krosspolyarnym/> (дата обращения: 04.03.2025).

США, Канады, Королевства Дании и Королевства Норвегии) над воздушным пространством в пределах их «полярных секторов». Под такими секторами ученый понимал «пространства, или так называемые районы тяготения, заключенные между береговой линией каждого из полярных государств и продолженными до Северного полюса меридианными границами» [Лахтин 1928:35-37]. Одно из обоснований такого подхода имело экономико-экологический характер: прежде всего, практическая невозможность реализации свободы полетов только над той частью Северного Ледовитого океана, которая по общему международному праву квалифицируется как «открытое море»; само понятие «открытое море» долгое время рассматривалось как совершенно не подходящее для ледовых условий Арктики²².

Впоследствии, однако, вступившая в силу Чикагская конвенция (ст. 1 и 2) подтвердила, что лишь над своей территорией государства обладают «полным и исключительным суверенитетом на воздушное пространство» (но не за пределами государственной территории). А территория прибрежного государства на море не простирается далее установленной международным правом ее предельной ширины (в настоящее время – 12 морских миль). Чикагская конвенция предписывает, что «правилами, действующими над открытым морем, будут правила, устанавливаемые согласно настоящей Конвенции», а не законодательством лишь конкретного государства. Соответственно, воля государств – ее участников²³ – состоит в том, что ни одно из пяти арктических прибрежных государств не обладает суверенитетом над воздушным пространством в пределах его сектора в Северном Ледовитом океане, даже если меридианные границы этого сектора обозначены международными договорами. Соответственно, правовой режим воздушного пространства над Арктикой (в самой общей его характеристике) – «комбинированный»:

соответствующее прибрежное арктическое государство осуществляет суверенитет над его материковой частью; над его островами и скалами в Арктике; над его внутренними водами (в том числе над историческими водами); над его территориальным морем; а в воздушном пространстве за пределами государственных морских границ, в том числе над районами исключительной экономической зоны прибрежного арктического государства, наличествует, в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенция 1982 г.), «свобода полетов»; причем свобода полетов не только гражданских самолетов, но также и военных летательных аппаратов²⁴. Обращение именно к Конвенции 1982 г. связано с тем, что формирование нормы о свободе полетов над открытым морем шло в рамках международного морского права. Впервые эта норма на универсальном договорном уровне была обозначена в ст. 2 Конвенции об открытом море 1958 г. [Бордунов, Котов, Малеев 1988:52]. Это не означает, что свобода полетов над открытым морем является абсолютной. Свобода полетов над районами открытого моря в Северном Ледовитом океане – как и в любой иной части воздушного пространства над поверхностью Мирового океана – регулируемая. Это регулирование нацелено на обеспечение безопасности международной гражданской авиации. На практике такое регулирование выражается, прежде всего, в обозначении в воздушном пространстве *районов полетной информации* (РПИ), в пределах которых обеспечивается соответствующим государством полетно-информационное обслуживание и аварийное оповещение²⁵. В таком регулируемом формате РПИ в арктическом воздушном пространстве Российской Федерации – самом большом по площади в Арктическом регионе – контролируемые; иными словами, любая деятельность пользователей этого воздушного пространства «требует направления

²² Как отмечено, «осуществление навигации в этих районах (в арктических морях) с помощью ледоколов больше выглядит, как движение напролом по замерзшему морю, чем свободное плавание» [Жудро 1974:152].

²³ К началу 2025 г. в Чикагской конвенции участвуют все пять арктических прибрежных государств: Канада (13 февраля 1946 г.), Королевство Дания (28 февраля 1947 г.), Королевство Норвегия (5 мая 1947 г.), Российская Федерация (15 октября 1970 г.), США (9 августа 1946 г.). См.: ICAO. Convention on International Civil Aviation Signed at Chicago on 7 December 1944. URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/List%20of%20Parties/Chicago_EN.pdf (accessed date: 02.01.2025).

²⁴ В Конвенции 1982 г. участвуют четыре из пяти арктических прибрежных государств. США, не будучи участником этого международного договора, рассматривают большинство ее норм (в том числе о свободе полетов над открытым морем) юридически обязательными в качестве обычных норм международного права.

²⁵ Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации. Правила полетов. С. 1-9. 11-е изд. 2012.

диспетчерских заявок или уведомлений, получения соответствующих разрешений» [Травников 2014:98]. Районы полетной информации представляют собой основные элементы разграничения воздушного пространства, в рамках которых осуществляется обслуживание воздушного движения на основании региональных авиационных соглашений, упоминающихся в Приложении 11 к Чикагской конвенции [Котов 1987:10-11].

3. Применимость к воздушному пространству над Арктикой Чикагской конвенции

Конвенция 1982 г., как было отмечено, подтвердила лишь в общем плане свободу полетов над открытым морем (распространяющуюся и на воздушное пространство над исключительной экономической зоной), ранее предусмотренную в ст. 1 и 2 Конвенции об открытом море 1958 г. Предметнее же международный порядок универсального регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью гражданской авиации, закреплён в Чикагской конвенции. Учитывая указанный выше неоднородный правовой режим морских пространств (и, соответственно, разный режим воздушного пространства над государственной морской территорией и над морскими районами за пределами такой территории), начальный вопрос состоит в уточнении правового режима аэронавигационного обслуживания полетов над районами исключительной экономической зоны и открытого моря в Северном Ледовитом океане. Упомянутая ст. 12 Чикагской конвенции косвенно наделяет ИКАО устанавливать правила, которые будут действовать в районе открытого моря. Данные правила устанавливаются в форме международных

стандартов, принимаемых Советом ИКАО и содержащихся в Приложении 2 («Правила полетов») к Чикагской конвенции. При этом в отношении полетов над открытым морем указанные международные стандарты применяются без каких-либо исключений, и государства – участники Чикагской конвенции не вправе принимать какие-либо правила или практику, отличную от них²⁶. Таким образом, как отметил профессор Ю.Н. Малеев, ст. 12 Чикагской конвенции «устанавливает запрет на действие в открытом море какого-либо иного общего режима полетов, кроме устанавливаемого в соответствии с конвенцией» [Малеев 1986:120]. Приложением 2 к Чикагской конвенции предусмотрено: «При полете над теми участками открытого моря, в отношении которых какое-либо Договаривающееся государство, в соответствии с региональными аэронавигационными соглашениями, приняло на себя ответственность за обеспечение обслуживания воздушного движения», такое обслуживание обеспечивается специально назначенным органом по обслуживанию воздушного движения²⁷.

В свою очередь, информация о том, какое государство несет ответственность за предоставление аэронавигационных средств и служб в пределах конкретных зон, содержится в *региональных аэронавигационных планах* (РАНП), действующих в отношении соответствующих аэронавигационных регионов ИКАО. Существующая структура включает в себя следующие регионы: 1) регион Африки и Индийского океана (AFI); 2) регион Азии (ASIA); 3) Карибский регион (CAR); 4) Европейский регион (EUR); 5) Ближневосточный регион (MID); 6) Североамериканский регион (NAM); 7) Североатлантический регион (NAT); 8) Тихоокеанский регион

²⁶ В отличие от жестко обозначенных международных стандартов ИКАО, действующих в отношении полетов над открытым морем, применение иных международных стандартов ИКАО предоставляет большую свободу усмотрения («гибкость») соответствующим государствам. В частности, даже после вступления такого международного стандарта в силу государство – член ИКАО, испытывающее практические трудности с его внедрением, вправе полностью или частично не придерживаться его положений, либо при необходимости принять национальные правила, полностью или частично не соответствующие этому стандарту, при условии уведомления ИКАО о таких отклонениях в соответствии со ст. 38 Чикагской конвенции. В том же случае, если государство не направляет указанное уведомление в адрес ИКАО, предполагается, что оно продолжает «молчаливо» соглашаться с международным стандартом и обязано соблюдать его. Что же касается международных стандартов, устанавливающих правила полетов над открытым морем, то в контексте ст. 12 Чикагской конвенции они не предоставляют какого-либо дискреционного отношения для государств-членов ИКАО, действуя без исключений и не предполагая возможности государствам индивидуально заявлять об отклонении от них в соответствии с названными выше положениями ст. 38 Чикагской конвенции.

²⁷ Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации. Правила полетов. 11-е изд. 2024. П. 2.1.2. С. 2-1.

(РАС); 9) Южноамериканский регион (SAM)²⁸. Для целей аэронавигации в воздушном пространстве Арктического региона практическое значение имеют положения РАНП для региона Европы (EUR ANP) и РАНП для региона Северной Америки (NAM ANP).

С учетом порядка принятия РАНП и их изменения статус этого документа продолжает оставаться дискуссионным в международно-правовой науке. Несмотря на то, что некоторыми зарубежными правоведами РАНП отнесены к межгосударственным соглашениям, юридически обязательным [см., напр.: Van Antwerpen 2008:162], при толковании положений Чикагской конвенции и самого РАНП однозначно сделать такой вывод не представляется возможным. В частности, в первых изданиях РАНП при описании этих документов предусматривалось, что в них «содержатся рекомендации, которые правительства могут использовать в процессе планирования предоставления своих аэронавигационных средств и служб...»²⁹. Дополнительным источником, подтверждающими рекомендательный характер РАНП для государств соответствующего региона, является разработанный в рамках ИКАО документ «Директивы региональным аэронавигационным совещаниям и правилах процедуры их проведения»³⁰. К этому же выводу можно прийти при анализе процедуры утверждения РАНП. Генеральный секретарь ИКАО и Аэронавигационная комиссия (АНК) наделены правами по определению содержания и принятию окончательных решений в отношении поправок к РАНП³¹.

Несмотря на то, что РАНП не является международным договором в смысле Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., эти региональные планы оказывают существенное влияние на регулирование международной аэронавигации. Региональные аэронавигационные планы служат связующим звеном между стандартами и рекомендуемой практикой ИКАО, с одной стороны, и национальными

планами государств и реальными результатами их внедрения на национально-законодательном уровне, а также применимыми документами ИКАО – с другой [Баталов 2020:75-76].

Иерархия правовых актов, под регулирование которых попадет эксплуатация воздушных маршрутов в Арктике, признается, в частности, авиационными властями США. Со ссылкой на п. 91.703 главы 14 свода федеральных нормативных актов США (Title 14 of the Code of Federal Regulations) 4 октября 2023 г. принят рекомендательный по своей юридической природе циркуляр № 91-70С «Эксплуатация воздушного пространства океанов и удаленных материковых районов» (Oceanic and Remote Continental Airspace Operations). Этот документ, разработанный Федеральной авиационной администрацией США (Federal Aviation Administration), предусматривает, что операторы воздушных судов, совершающие полеты над открытым морем, должны следовать правилам, закрепленным в Приложении 2 к Чикагской конвенции, а также Дополнительным региональным правилам (ICAO Doc. 7030)³². Согласно Федеральной авиационной администрации, Приложение 2 к Чикагской конвенции детально описывает «глобальные» процедуры транспортной коммуникации, при этом более конкретные предписания содержатся в Правилах аэронавигационного обслуживания «Организация воздушного движения» (ICAO Doc. 4444), «если иное не предусмотрено в региональных аэронавигационных соглашениях», описание которых содержится в Дополнительных региональных правилах (ICAO Doc. 7030)³³. Данные региональные соглашения определяются как «обязательные регуляторы». Описывая порядок полетов в полярных районах, рассматриваемый циркуляр рекомендует в качестве источников информации использовать: Сборники аэронавигационной информации (Aeronautical Information Publication) Исландии, Канады и России; коммерческие карты для Восточной Европы и Евразии (Commercial charts

²⁸ Директивы региональных аэронавигационных совещаний и правила процедуры их проведения. Добавление 1. Историческая справка об аэронавигационных районах ИКАО. ICAO Doc. 8144-AN/874-6. 1991. С. 25-26.

²⁹ См., напр.: Аэронавигационный план. Европейский регион. Том I. С. 0-1. ICAO Doc. 7754. 2001.

³⁰ Международное воздушное право. Книга 1. Отв. ред. А.П. Мовчан. 1980. М.: Издательство «Наука». С. 98.

³¹ Там же.

³² Federal Aviation Administration. Advisory Circular. Oceanic and Remote Continental Airspace Operations. 91-70C. 2023. П. 2.3.3. Р. 2-4 URL: https://www.faa.gov/regulations_policies/advisory_circulars/index.cfm/go/document/information/documentID/1042213 (accessed date: 23.12.2024).

³³ Там же. П. 2.4.3.2.3. С. 2-6.

for Eastern Europe and Eurasia); соответствующее канадское Руководство для обозначенных авиамаршрутов (Canadian Designated Airspace Handbook)³⁴. Отдельных предписаний о «трансполярных полетах» в циркуляре, впрочем, не предусмотрено.

Отметим, что среди пяти «специальных районов осуществления полетов (Special Areas of Operation)» выделен «Северный полярный район (North Polar Area)», в пределах которого непосредственно и совершаются трансполярные воздушные сообщения³⁵.

4. Применимые двусторонние международные договоры Российской Федерации и иные двусторонние документы

Двусторонние договоренности соответствующих государств о воздушном сообщении необходимы. Статья 6 Чикагской конвенции предусматривает, что регулярные международные воздушные сообщения осуществляются над территорией или на территорию государства – участника только по специальному разрешению (или иному волеизъявлению) данного государства и в соответствии с условиями такого разрешения.

В приложениях к двусторонним соглашениям о воздушном сообщении Российской Федерации (именно в примечаниях к таблице маршрутов) содержится стандартное положение, согласно которому «выполнение любых полетов по Транссибирскому, Трансполярному и Трансазиатскому маршрутам в воздушном пространстве Российской Федерации является предметом отдельной договоренности между авиационными властями государств Сторон». Обращает на себя внимание тот факт, что добавление такого положения свойственно двусторонним соглашениям лишь последних двадцати пяти лет³⁶: например, с Эфиопией от 28 июля 2023 г., с Лаосской Народно-Демократической Республикой от

26 сентября 2017 г. (здесь делается ссылка на Глобальный аэронавигационный план, опубликованный ИКАО в документе Doc. 9750-AN/963); с Королевством Камбоджа от 24 ноября 2015 г.; с Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка от 26 марта 2012 г.; с Республикой Сербией от 21 октября 2011 г.; с Исламской Республикой Пакистан от 12 мая 2011 г. (сделана ссылка на документ ИКАО Doc. 9750); с Турецкой Республикой от 12 мая 2010 г. (уточняется, что такие маршруты должны совершаться в соответствии с упомянутыми в соглашении принципами, регулирующими эксплуатацию договорных авиалиний); с Республикой Филиппины от 1 декабря 2009 г.; с Алжирской Народной Демократической Республикой от 19 февраля 2008 г.; с Королевством Саудовской Аравии от 11 февраля 2007 г.; с Республикой Корея от 13 марта 2003 г.; с Венгерской Республикой от 20 декабря 2002 г.; с Греческой Республикой от 6 декабря 2001 г.; с Эстонской Республикой от 7 июля 2000 г.; с Республикой Индией от 21 декабря 1998 г.

Соглашение с Французской Республикой от 2 июля 2001 г. отличается от перечисленных выше международных договоров. Во-первых, в нем указаны конкретные пункты назначения, перевозки между которыми осуществляются по «Транссибирскому и/или Трансполярному и/или Трансазиатскому маршрутам». Во-вторых, в приложении к этому международному договору уточнены типы перевозок назначенными авиапредприятиями по перечисленным выше маршрутам, которые должны составлять предмет отдельных договоренностей между авиационными органами власти государств сторон соглашения – «с посадкой или без посадки с некоммерческими целями на территории Российской Федерации».

Соглашения, заключенные ранее, не содержали отдельных положений о регулировании трансполярных воздушных сообщений. В качестве примеров можно привести международные

³⁴ Federal Aviation Administration. Advisory Circular. Oceanic and Remote Continental Airspace Operations. 91-70 C. 2023.

³⁵ Там же. П. В.1. С. В-1.

³⁶ Исключениями являются международные договоры, которые не содержат указания на необходимость заключения дополнительной договоренности по эксплуатации, в том числе по установленным трансполярным маршрутам: напр., с Боливарианской Республикой Венесуэла (от 26 ноября 2008 г.), с ОАЭ (от 10 сентября 2007 г.), с Республикой Кубой (от 7 января 2007 г.), с Восточной Республикой Уругвай (от 29 июня 2002 г.), с Республикой Польшей (от 26 июля 2002 г.), с Республикой Македонией (от 22 марта 2001 г.), с Канадой (от 18 декабря 2000 г.), со Специальным административным районом Гонконг Китайской Народной Республики (от 22 января 1999 г.).

договоры с такими государствами, как Монголия (от 8 сентября 1997 г.) и Исландия (от 11 декабря 1998 г.).

Особого внимания заслуживает анализ российско-американского договорного регулирования трансполярных полетов. В соответствии с межправительственным российско-американским соглашением о воздушном сообщении от 14 января 1994 г.³⁷ предусматриваются конкретные договоренности о порядке воздушных полетов по авиамаршрутам, установленным в приложениях к этому соглашению. Процедура внесения изменений в данные приложения отлична от той, которая предусмотрена для целей внесения изменений в само соглашение. Каждое из четырех приложений содержит следующую клаузулу: «Стороны договорились о проведении консультаций за шесть месяцев до истечения срока его действия с тем, чтобы определить, будут ли положения настоящего Приложения сохранены или изменены. Этот Раздел не изменяет любых других положений Соглашения, касающихся проведения консультаций или прекращения действия настоящего Соглашения». Такая формулировка клаузулы позволяет оперативно адаптировать порядок регулирования воздушного сообщения, отраженный в приложениях, исходя из научного и торгово-экономического сотрудничества государств и сложившегося уровня дипломатических отношений, без задействования относительно сложной процедуры внесения изменений непосредственно в «тело» самого соглашения. В этом контексте особый интерес представляет Приложение 4, в котором определена недельная частота рейсов, с которой «авиапредприятия США могут осуществлять беспосадочный пролет и совершать остановку с некоммерческими целями между пунктами в Европе и странами Азиатско-Тихоокеанского региона по установленным воздушным трассам». Аналогичное положение касается установленных воздушных трасс между пунктами в Европе и Индийского полуострова³⁸. Дальнейшие

изменения в российско-американское Соглашение 1994 г. вносились «Меморандумами о консультациях (Memorandum of Consultations)», подписанными *ad referendum* посредством парафирования.

Меморандум о консультациях от 12-13 февраля 2009 г. (п. «С» раздела 2 Приложения IV) предусматривает положение о трансполярных полетах: назначенные авиапредприятия США наделяются правом использовать «Трансевразийские и (или) кроссполярные маршрутные линии (Transeast and/or Crosspolar ATS routings)», утвержденные для международных перевозок в количестве 975 рейсов в неделю между пунктами в США и пунктами в Тихоокеанском регионе, на Дальнем Востоке и в Азии³⁹. В Меморандуме о консультациях от 13-14 февраля 2013 г. в аналогичном пункте частота рейсов в неделю увеличена до 1073⁴⁰.

5. Другие применимые международно-правовые источники

К правовым документам, применяемым к регулированию трансполярных воздушных полетов, относится «Оперативный план действий в чрезвычайных ситуациях по организации воздушного движения в Арктическом регионе» (Air Traffic Management Operational Contingency Plan for the Arctic area). Этот документ представляет собой руководство, особенно полезное для авиапредприятий, летных экипажей, осуществляющих воздушные перевозки в Арктике. «Оперативный план», являясь диспозитивным документом, ссылается на следующие акты ИКАО, как юридически обязательные, так и рекомендательные: применимые Приложения к Чикагской конвенции; Правила аэронавигационного обслуживания «Организация воздушного движения» (PANS-ATM – ICAO Doc. 4444); «Дополнительные региональные правила ИКАО» (Regional Supplementary Procedures) (ICAO Doc. 7030). В целом данные документы

³⁷ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки о воздушном сообщении от 14 января 1994 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/52163/ (дата обращения: 23.12.2024).

³⁸ Там же.

³⁹ U.S. Department of State. U.S.-Russia Memorandum of Consultations of February 13, 2009. URL: <https://2009-2017.state.gov/e/eb/rls/othr/ata/r/rs/119763.htm> (accessed date: 23.12.2024).

⁴⁰ U.S. Department of State. U.S.-Russia Memorandum of Consultations of February 14, 2013. URL: <https://2009-2017.state.gov/e/eb/rls/othr/ata/r/rs/205175.htm> (accessed date: 23.12.2024).

по своему правовому содержанию идентичны тем, которые регулируют полеты в воздушном пространстве над морем. В п. 2.2 «Оперативного плана» указаны те районы полетной информации, на которые распространяется его действие и которые в силу этого можно рассматривать как РПИ «Арктического региона» для целей уточнения правового режима соответствующего воздушного пространства: Эдмонтон (Edmonton, Канада); Рейкьявик Океанический (Reykjavik Oceanic, Исландия); Фукуока (Fukuoka, Государство Япония); Бодо Океанический (Bodo Oceanic, Королевство Норвегия); Магадан и Мурманск (Magadan и Murmansk, Российская Федерация); Анкоридж Арктический (Anchorage Arctic, США).

Указанный выше документ – это результат деятельности «Рабочей группы поставщиков обслуживания воздушного движения по кросс-полярным трансвосточным маршрутам» (Cross Polar Trans-East Air Traffic Management Providers Working Group; CPWG). Функционируя с 2006 г., CPWG заменила «Российско-американскую координационную группу по управлению воздушным движением» (Russian American Coordinating Group for Air Traffic Control), одним из достижений которой стало согласованное обозначение трансвосточных кросс-полярных маршрутов через воздушное пространство России. Данная группа, однако, не собиралась с конца 2003 г., что и послужило причиной создания альтернативной институциональной российско-американской структуры – CPWG⁴¹. В работе CPWG участвуют представители не только российских и американских авиационных властей – Федерального агентства воздушного транспорта (Росавиации) (Российская Федерация) и Федеральной авиационной администрации (США), – но также и соответствующие представители властей Канады, Исландии, Королевства Норвегии, Финляндской Республики, Королевства Дании. Участвуют в работе CPWG и представители неправительственной организации – Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА), иностранных авиапредприятий (Delta

Airlines, United Airlines, American Airlines, FedEx, UPS, Atlas Air, Cathay Pacific, Eva Air, Air Canada, China Southern, Singapore Airlines, Air India, Air China и NetJets), а также организаций, предоставляющих навигационные базы данных. В сентябре 2021 г. состоялось совещание CPWG, в котором приняли участие и российские представители⁴².

Актами «мягкого» права ИКАО, регулирующими трансполярную аэронавигацию, являются документы созданной в 2007 г. «Руководящей группы по трансрегиональному воздушному пространству и поддержке систем организации воздушного движения» (Trans-Regional Airspace and Supporting ATM Steering Group; TRASAS). Эта руководящая группа была учреждена по результатам совместной деятельности Европейского/Североатлантического, Азиатского/Тихоокеанского и Североамериканского/Центральноамериканского/Карибского региональных бюро ИКАО.

1 февраля 2001 г. Российская Федерация объявила о вводе в эксплуатацию системы трансполярных авиационных трасс, которые пересекают акваторию Северного Ледовитого океана. Это результат работы (с 1998 по 2001 гг.) «Координационной группы высокого уровня по транс-азиатским, транссибирским и кросс-полярным маршрутам» (Informal Trans-Asia/Trans-Siberia/Cross-Polar Routes High-Level Steering Group; ITASPS) под председательством Президента Совета ИКАО. В данную группу входили, кроме представителей Российской Федерации, также специалисты Исландии, Канады, Китайской Народной Республики, Монголии, Королевства Норвегии, США, Финляндской Республики, Федеративной Республики Германии, Японии. В том же году во время 33-й сессии Ассамблеи ИКАО было признано, что открытие таких маршрутов не только окажет положительное влияние на состояние окружающей среды, но и принесет выгоды пассажирам, время полетов которых между пунктами Северной Америки и Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона значительно сократится. Такая значимая констатация

⁴¹ Federal Aviation Administration. Cross Polar Work Group (CPWG). URL: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ato/service_units/mission_support/ato_intl/cross_polar (accessed date: 23.12.2024).

⁴² ФГУП «Госкорпорация по ОрВД» приняло участие в 30-м международном совещании по кросс-полярным и трансвосточным маршрутам (CPWG/30). 2021. URL: <https://gkovd.ru/news/novosti-goskorporatsii/fgup-goskorporatsiya-po-orvd-prinyalo-uchastie-v-30-m-mezhdunarodnom-soveshchanii-po-krosspolyarnym/> (дата обращения: 23.12.2024).

была закреплена в резолюции Ассамблеи ИКАО А33-13 «Использование кроссполярных маршрутов» (Use of cross-polar routes). Преамбула данной резолюции предусматривает, что использование кроссполярных маршрутов должно быть открыто для всех воздушных судов государств – сторон Чикагской конвенции в соответствии с ее положениями (“the use of cross-polar routes shall be open for aircraft of all Contracting States in accordance with the provisions of the Convention on International Civil Aviation”). Государствам, которые предоставляют авиационные услуги и соответствующую инфраструктуру, необходимо стремиться достичь максимальной степени скоординированного планирования, увеличения возможностей этой инфраструктуры. Ассамблея ИКАО запросила Совет принять меры, необходимые для мобилизации имеющихся ресурсов государств, международных организаций, а также финансовых институтов, в целях обеспечения динамичного развития новых воздушных трасс. В качестве приоритета деятельности Совета обозначен также мониторинг развития новой инфраструктуры международных авиатрасс с использованием трансполярных маршрутов и «в случае необходимости» разработка рекомендаций, связанных с ее «эксплуатацией и развитием»⁴³.

В 2007 г. во время 36-й сессии Ассамблеи ИКАО Российская Федерация представила рабочий документ А36-WP/144, в котором предлагалось в резолюцию Ассамблеи, касающейся кроссполярных маршрутов, добавить положение о продолжении работы Совета в качестве координатора и инициатора организации межрегиональной деятельности по функционированию кроссполярных трасс, являющихся частью трансрегионального воздушного сообщения, и модернизации систем организации воздушного движения (“to maintain its coordinating role and support initiatives in the organization of inter-regional activities related to the operation of the international trans-regional airways structure using cross-polar routes, and to the modernization of ATM systems that support these routes”). С учетом

представленной позиции российской стороны в результате работы 36-й сессии была принята резолюция Ассамблеи ИКАО А36-14⁴⁴, заменяющая принятую на 33-й сессии, охарактеризованную выше. В новой резолюции Ассамблеи ИКАО добавлено (четвертым пунктом) цитированное выше положение в формулировке делегации Российской Федерации. Если проследить содержание последующих резолюций, принятых Ассамблеей ИКАО, то вопрос об уточнении правового режима воздушных сообщений в Арктике больше не рассматривался. По состоянию на июнь 2025 г. на официальном сайте ИКАО опубликованы лишь резолюции, принятые до 41-й сессии Ассамблеи 2022 г. включительно.

Дополнительно отметим, что в соглашениях арктических государств, затрагивающих вопросы воздушных сообщений в Арктике, нет четких дефиниций терминов «кроссполярные» и «трансполярные» авиационные маршруты. При толковании названных документов правоведы иногда используют эти понятия как взаимозаменяемые, иногда – как взаимодополняемые лексические единицы.

6. Мыслимо ли соглашение арктических государств о правовом положении международных воздушных сообщений в Северном полярном регионе?

Суровые метеорологические условия, особенности физических характеристик воздушного пространства над Арктикой, уникальная природа Северного полярного региона, необходимость согласованного юридического учета арктическими государствами этих специальных факторов обозначают предпосылки для возможного формирования регионального международно-правового регулирования сотрудничества арктических государств по вопросам, касающимся воздушных сообщений и авиации в целом в данном регионе. Неким ориентиром здесь могут быть успешные переговоры арктических государств и, как результат, заключение в 2011 г. регионального международного

⁴³ ICAO: Resolutions Adopted at the 33rd Session of the Assembly. P. 39. URL: https://www.icao.int/Meetings/AMC/MA/Assembly%2033rd%20Session/plugin-resolutions_a33.pdf (accessed date: 23.12.2024).

⁴⁴ ИКАО: Резолюции, принятые на 36-й Сессии Ассамблеи. С. 50. URL: https://www.icao.int/Meetings/AMC/MA/Assembly%2036th%20Session/A36_res_prov_ru.pdf (дата обращения: 23.12.2024).

договора – *Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г.*⁴⁵

В соответствии с Соглашением 2011 г. для координации в области авиационного и морского поиска и спасания в Арктике ее пространства (наземное и воздушное) разграничены на поисково-спасательные районы (ст. 3). Стороны Соглашения – восемь арктических государств – членов Арктического совета (Королевство Дания, Исландия, Канада, Королевство Норвегия, Российская Федерация, Финляндская Республика, Королевство Швеция) при осуществлении поисково-спасательных операций в Арктике «в качестве основы» используют Чикагскую конвенцию и Международную конвенцию по поиску и спасанию на море 1979 г. В качестве *lex specialis* Соглашение 2011 г. предусматривает, в частности, что: поисково-спасательные операции, проводимые на территории стороны, «включая воздушное пространство» над ней, осуществляются «в соответствии с законами и правилами этой Стороны»; поисково-спасательные операции, проводимые в арктических зонах Сторон, границы которых установлены Соглашением 2011 г., осуществляются в порядке, предусмотренном данным международным договором, при координации и сотрудничестве Сторон в соответствии с ним.

В изложенном контексте представляет также интерес *Соглашение о совместном финансировании некоторого аэронавигационного обслуживания в Гренландии 1956 г.*, измененное в 1982 и 2008 гг. (ICAO Doc. 9585-JS/681; Соглашение 1956 г.)⁴⁶. Согласно п. 1 ст. II данного международного договора Правительство Дании «предоставляет, обеспечивает и поддерживает

бесперебойное и эффективное обслуживание, соблюдая при этом максимальную экономию, и, насколько это практически возможно, в соответствии с применимыми Стандартами, Рекомендуемой практикой, процедурами и техническими требованиями» ИКАО. При этом по п. 1 ст. III Генеральный секретарь ИКАО наделен правом «осуществлять общий контроль за обеспечением обслуживания и может в любое время организовать проверку обслуживания, в том числе любого оборудования, используемого для предоставления данного обслуживания». Финансирование реализуется в пропорциях тех аэронавигационных выгод, которые государства – участники Соглашения 1956 г. получают от обслуживания. Согласно п. 1 ст. IV Соглашения 1956 г., «эта пропорциональная доля определяется для каждого Договаривающегося правительства на каждый календарный год по числу пролетов между Европой и Северной Америкой, любая часть которых расположена к северу от 45° с. ш. между 15 и 50° з. д., совершенных в этом году его гражданскими воздушными судами». По состоянию на начало 2025 г. двадцать четыре страны являются участниками названного международного договора, в том числе Российская Федерация (с 31 августа 1988 г.)⁴⁷. Аналогичное международное соглашение было заключено по аэронавигационному обслуживанию Исландии (ICAO Doc. 9585-JS/682)⁴⁸. По состоянию на начало 2025 г. двадцать пять государств участвуют в данном международном договоре, в том числе Российская Федерация (с 31 августа 1988 г.)⁴⁹.

Указанные международные договоры были заключены в связи со следующими обстоятельствами. На конференции по обслуживанию Североатлантического маршрута, состоявшейся

⁴⁵ Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике от 12 мая 2011 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50135/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20007d77765b9cf6fcf3799bf07c5715ed25e9575add4d9b8e6e63ecec4d453a3c6080bd66efd1430004bd5121a7528b2f7a6e19eb007028da1a9329cf11852d0c3ad68c041bf4dc6c678209df89d3fa422fb20fff974fc8c61 (дата обращения: 04.03.2025).

⁴⁶ Соглашение о совместном финансировании некоторого аэронавигационного обслуживания в Гренландии (1956), измененное в 1982 и 2008 гг. ICAO Doc 9585. 2010. URL: https://www.icao.int/publications/Documents/9585_ru.pdf (дата обращения: 25.12.2024).

⁴⁷ ICAO: The Agreement on the Joint Financing of Certain Air Navigation Services in Greenland (1956) as Amended in 1982 and 2008. URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/List%20of%20Parties/JF-Green2008_EN.pdf (accessed date: 25.12.2024).

⁴⁸ Соглашение о совместном финансировании некоторого аэронавигационного обслуживания в Гренландии (1956), измененное в 1982 и 2008 гг. ICAO Doc. 9586. 2010. URL: http://storage.mstuca.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/6331/9586_ru.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 25.12.2024).

⁴⁹ ICAO: The Agreement on the Joint Financing of Certain Air Navigation Services in Iceland (1956) As Amended in 1982 and 2008. URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/List%20of%20Parties/JF-Ice2008_EN.pdf (accessed date: 25.12.2024).

в Дублине в 1946 г., государства приняли рекомендацию, что ввиду совершаемых беспосадочных трансатлантических перелетов в высоких широтах, попадающих в район полетной информации Исландии, а также особых метеорологических условий Исландия должна создать зональный центр управления в Рейкьявике и обеспечивать определенные телекоммуникационные и метеорологические услуги для Североатлантического региона. Вместе с тем в ходе данной конференции Исландия выступила с заявлением о недостаточности у нее финансовых и иных ресурсов для исполнения рекомендации; соответственно, в мае 1947 г. со ссылкой на ст. 69–71 главы XV Чикагской конвенции Исландия запросила у ИКАО финансовую и техническую помощь в целях осуществления услуг по управлению воздушным движением, коммуникаций и предоставлению метеорологических данных. Удовлетворение запроса было одобрено Советом ИКАО [Ruwantissa, Abeyratne 1998:7].

Эффективность описанных выше международных механизмов содействия управлению воздушным движением в северных широтах подтверждается и тем, что в 2024 г. в рамках работы Комитета по совместной поддержке Совета ИКАО⁵⁰ рассматривался вопрос о замене устаревших средств связи и радионавигационного оборудования на Фарерских островах, в Гренландии (Королевство Дании) и в Исландии.

Описанные примеры успешной международно-правовой политики арктических государств (Дании и Исландии) позволяют считать возможным привлечение аналогичной финансовой поддержки для оснащения и расширения инфраструктуры обслуживания международных воздушных сообщений в Северном полярном регионе в целом.

7. Заключение

Существенное дополнение уже существующих правовых механизмов регулирования государствами международных воздушных сообщений региональным международным договором, уточняющим коммерческие аспекты деятельности в Арктике воздушного транспорта, а также

современные технические вопросы аэронавигации в данном регионе, могло бы стать значимым прогрессивным шагом в развитии международного воздушного права. Достижение согласия между арктическими государствами относительно подобного регионального многостороннего договора позитивным образом отразилось бы на обеспечении безопасности полетов в этом сложном (с точки зрения аэронавигации) регионе, способствовало бы большей экономической эффективности и упорядоченности международных воздушных сообщений, маршруты которых проходят в воздушном пространстве Северного полярного региона.

Более полувека назад профессор Г.И. Тункин констатировал, что «без сотрудничества, как правило, нельзя создать норму международного права, которая могла бы рассчитывать на всеобщее признание. Государства путем взаимных уступок пытаются прийти к согласованному решению, приемлемому для участников. Этот процесс в большинстве случаев весьма трудный и медленный, но совершенно необходимый» [Тункин 2000:186]. Приведенная научная констатация продолжает, конечно же, оставаться актуальной. Обоснованное в настоящей статье научное предложение о сотрудничестве арктических государств с целью создания регионального международно-правового механизма регулирования международных воздушных сообщений в Арктике имело бы весомые позитивные практические последствия. Но они возможны лишь при соответствующем волеизъявлении арктических государств, при их активном взаимодействии. При этом критически важно обеспечить полноценное участие в механизме такого сотрудничества именно Российской Федерации, имеющей самое большое по площади воздушное пространство над ее государственной территорией в Арктике, через которое проходят удобные трансполярные маршруты, позволяющие авиаперевозчикам иностранных государств в несколько раз сократить свои эксплуатационные расходы при полетах, например, из Северной Америки в Азию и в обратном направлении, да и не только. Попытки привнести в Арктику геополитические разногласия,

⁵⁰ Один из шести постоянных комитетов Совета ИКАО. Кроме него, существуют: Авиатранспортный комитет, Финансовый комитет, Комитет по людским ресурсам, Комитет по техническому сотрудничеству и Комитет по незаконному вмешательству (Правила процедуры постоянных комитетов Совета. ICAO. Doc. 8146-C/930/6. 2011).

возникшие в других регионах, ущемить интересы России при совершенствовании правового регулирования международных воздушных сообщений в Арктике лишь наносят вред востребованному процессу прогрессивного развития международного воздушного права, приводят к

понижению эффективности реализации ранее созданных применимых международно-правовых норм, не позволяют надлежаще решать современные проблемы воздушных сообщений в Арктике.

Список литературы

1. *Арктический совет: статус и деятельность. Доклад No67/2021*. Под ред. А.Н. Вылегжанина. 2021. Москва: НП РСМД. 94 с.
2. Баталов А.А. 2008. *Современное международно-правовое регулирование воздушных сообщений: теория и практика*. Под ред. Л. Н. Шестакова. Москва: ИКД «Зерцало-М». 224 с.
3. Баталов А.А. 2020. Вспомогательные процессы образования норм международного воздушного права: актуальные вопросы теории и практики. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 64-80.
4. Баталов А.А. 2021. Региональное сотрудничество в области безопасности полетов: международно-правовые вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 40-69.
5. Бордунов В.Д., Котов А.И., Малеев Ю.Н. 1988. *Правовое регулирование международных полетов гражданских воздушных судов*. Москва: Наука. 209 с.
6. Бордунов В.Д. 2007. *Международное воздушное право: Учебное пособие*. Москва: Научная книга. 464 с.
7. Вылегжанин А.Н. 2012. Региональный уровень правового регулирования отношений государств в Арктике (комментарий). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 270-297.
8. Жудро А.К., Джавад Ю.Х. 1974. *Морское право*. Москва: Транспорт. 384 с.
9. Жудро И.С. 2018. *Исторические правооснования России в Арктике: современная концепция защиты*. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. 325 с.
10. Котов А.М. 1987. *Правила управления воздушным движением над открытым морем. Министерство гражданской авиации*. Москва: Воздушный транспорт. 56 с.
11. Лахтин В.Л. 1928. *Права на северные полярные пространства*. Москва: Литиздат Народного Комиссариата по Иностранным Дела. 48 с.
12. Малеев Ю.Н. 1986. *Международное воздушное право: Вопросы теории и практики*. Москва: Международные отношения. 238 с.
13. Травников А.И. 2014. *Правовой режим воздушного пространства. Аэронавигация и безопасность. Монография*. Москва: Проспект. 224 с.
14. Тункин Г.И. 2000. *Теория международного права*. Москва: Зерцало. 416 с.
15. Тупчиенко В.А. 2014. *Возрождение транспорта Арктики. Полярная авиация: Монография*. Москва: Тривант. 328 с.
16. *Environmental Security in the Arctic Ocean*. Ed. by P.A. Berkman, A.N. Vylegzhanin. 2013. Springer Science + Business Media Dordrecht. 459 p.
17. Ruwantissa I., Abeyratne R. 1998. The Proposed International Aeronautical Monetary Fund – Legal and Practical

- Implications. – *Journal of Air Transportation World Wide*. Vol. 3. Issue 1. P. 1-11.
18. Smedal G. 1931. *Acquisition of Sovereignty Over Polar Areas*. Norway: J. Dybwad. 143 p.
 19. Van Antwerpen N. 2008. *Cross-Border Provision of Air Navigation Services with Specific Reference to Europe*. Kluwer Law International. 306 p.
 20. Vylegzhanin A.N. 2020. Constant and Changing Components of the Arctic Regime. – *The Arctic and World Order*. Eds. By K. Spohr, D. Hamilton. Brookings Institute. P. 251-266.

References

1. *Arkticheskij sovet: status i dejatel'nost'. Doklad No67/2021*. Pod red. A.N. Vylegzhanin. [Arctic Council: Status and Activities. Report No67/2021. Ed. by A.N. Vylegzhanin]. Moscow: NP RSMD. 2021. 94 p. (In Russ.)
2. Batalov A.A. *Sovremennoe mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vozdušnyh soobshhenij: teorija i praktika [Present-day international legal regulation of air services: theory and practice]*. Ed. by P.A. Berkman. 2008. Moscow: IKD «Zertsalo-M». 224 p. (In Russ.)
3. Batalov A.A. *Regional'noe sotrudnichestvo v oblasti bezopasnosti poletov: mezhdunarodno-pravovye voprosy [Regional cooperation in the field of flight safety: international legal issues]*. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2021. № 4. S. 40-69.
4. Batalov A.A. *Vspomogatel'nye processy obrazovaniya norm mezhdunarodnogo vozdušnogo prava: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [The subsidiary rule-making processes in international air law: current issues of theory and practice]*. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2020. № 4. P. 64-80. (In Russ.)
5. Bordunov V.D., Kotov A.I., Maleev Ju.N. *Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnyh poletov grazhdanskih vozdušnyh sudov [Legal Regulation of International Flights of Civil Aircraft]*. Moscow: Nauka. 1988. 209 p. (In Russ.)
6. Bordunov V.D. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo: Uchebnoe posobie [International Air Law. Textbook]*. Moscow: Nauchnaja kniga. 2007. 464 p. (In Russ.)
7. *Environmental Security in the Arctic Ocean*. Ed. by P.A. Berkman, A.N. Vylegzhanin. Springer Science + Business Media Dordrecht. 2013. 459 p.
8. Kotov A.M. *Pravila upravlenija vozdušnym dvizheniem nad otkryтым morem. Ministerstvo grazhdanskoj aviacii [Regulations for air traffic control over the high seas. Ministry of Civil Aviation]*. Moscow: Vozdušnyj transport. 1987. 56 p. (In Russ.)
9. Lahtin V.L. *Prava na severnye poljarnye prostranstva [Rights over the Arctic]*. Moscow: Litizdat Narodnogo Komissariata po Inostrannym Delam. 1928. 48 p. (In Russ.)

10. Maleev Ju.N. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo: Voprosy teorii i praktiki [International Air Law: Issues of Theory and Practice]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1986. 238 p. (In Russ.)
11. Ruwantissa I., Abeyratne R. The Proposed International Aeronautical Monetary Fund – Legal and Practical Implications. – *Journal of Air Transportation World Wide*. 1998. Vol. 3. Issue 1. P. 1-11.
12. Smedal G. *Acquisition of Sovereignty Over Polar Areas*. Norway: J. Dybwad. 1931. 143 p.
13. Travnikov A.I. *Pravovoj režim vozdušnogo prostranstva. Aeronavigacija i bezopasnost'. Monografija [Legal regime of air airspace. Aeronavigation and Safety. Monography]*. Moscow: Prospekt. 2014. 224 p. (In Russ.)
14. Tunkin G.I. *Teorija mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]*. Moscow: Zercalo. 2000. 416 p. (In Russ.)
15. Tupchienko V.A. *Vozrozhdenie transporta Arktiki. Poljarnaja aviacija. Monografija [Revival of Arctic Transportation. Polar aviation. Monography]*. Moscow: Trovant. 2014. 328 p. (In Russ.)
16. Van Antwerpen N. *Cross-Border Provision of Air Navigation Services with Specific Reference to Europe*. Kluwer Law International. 2008. 306 p.
17. Vylegzhanin A.N. Constant and Changing Components of the Arctic Regime. – *The Arctic and World Order*. Eds. By K. Spohr, D. Hamilton. Brookings Institute. 2020. P. 251-266.
18. Vylegzhanin A.N. Regional'nyj uroven' pravoregulirovaniya otnoshenij gosudarstv v Arktike (kommentarij) [Regional Level of Legal Regulation of State Relations in the Arctic (commentary)]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2012. № 1. P. 270-297. (In Russ.)
19. Zhudro A.K., Dzhavad Ju.H. *Morskoe pravo [Law of the Sea]*. Moscow: Transport. 1974. 384 p. (In Russ.)
20. Zhudro I.S. *Istoricheskie pravoosnovaniya Rossii v Arktike: sovremennaja koncepcija zashhity [Historic Entitlements of Russia in the Arctic: Modern Concept of Protection]*. Arhangel'sk: Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet imeni M.V. Lomonosova. 2018. 325 p. (In Russ.)

Информация об авторах**About the Authors****Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Александр Александрович БАТАЛОВ

кандидат юридических наук, Представитель Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)

3617, Авеню дю Мюзе, Монреаль, H3G 2E1, Канада

alexatalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

Варвара Александровна АБАТУРОВА

атташе, Правовой департамент, Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная площадь, 32/34, Москва, 119002, Российская Федерация

vaabaturova@mid.ru
ORCID: 0009-0001-5575-4315

Alexander N. VYLEGZHANIN

Doctor of Laws, Professor, Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Alexander A. BATALOV

Candidate of Law Sciences, Representative of the Russian Federation to International Civil Aviation Organization (ICAO)

3617, Avenue du Musee, Montreal, Canada, H3G 2E1

alexatalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

Varvara A. ABATUROVA

attaché, Legal Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskiy Bul'var, Moscow, Russian Federation, 119002

vaabaturova@mid.ru
ORCID: 0009-0001-5575-4315

Ирина Юльевна ШТОДИНА

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0522-5324

КОНЦЕПЦИЯ «ПРАВОПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ», ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОСМИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ

ВВЕДЕНИЕ. В современном международном праве известную популярность получила идея о замене существующих принципов международного права, зафиксированных в первую очередь в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН), «правопорядком, основанном на правилах». Само употребление этого термина вызывает резкую критику в международном сообществе в связи с невозможностью дополнительно установить содержание этого термина, его правовую основу и возможность его изменения. Вместе с тем в отношении международного космического права (МКП) применение «правопорядка, основанного на правилах», зачастую пытаются представить как одну из возможностей дополнить образовавшиеся правовые лакуны в международном космическом праве положениями указанного «правопорядка».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье анализируются как доктринальное понимание содержания термина «правопорядок, основанный на правилах», так и применимость его для создания новых источников международного космического права, пересмотра и дополнения уже имеющихся правовых норм. Предметом анализа являются материалы иностранной юридической прессы, статьи в юридических журналах и интернете. Помимо данных науки международ-

ного права, также используются научные категории философии, политологии и экономики. В исследовании использовались исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод системного анализа и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Успешное развитие международного космического права, приведение его действующих норм в соответствии с требованием времени зависит в первую очередь от общего желания участников исследования и использования космического пространства обновления всего имеющегося правового «каркаса» действующих норм МКП.

Такое обновление возможно как путем выработки новых универсальных договоров в этой области международных отношений, так и путем принятия норм мягкого права, которые, при их всеобщем признании и одобрении, со временем могут стать универсальными нормами МКП. Отказ от уже действующих договоров, прежде всего Договора 1967 г., вряд ли будет способствовать сохранению и упрочению уже имеющегося правопорядка в космосе. Тем более, выработанный правовой порядок в исследовании и использовании космоса не должен и не может быть замещен неопределенными правовыми идеями, отражающими позицию меньшинства государств.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В исследовании обосновывается вывод о том, что попытки замены императивных норм международного права положениями «правопорядка, основанного на правилах», обречены на провал. В первую очередь потому что неясно правовое наполнение упомянутого термина, возможность изменения положений, составляющих этот правопорядок. Кроме того, только принятие общих универсальных норм в области международного права может служить залогом стабильности и обеспечения равных интересов участников международных отношений. В области МКП попытки восполнения образовавшихся правовых лагун применением положений «правопорядка, основанного на правилах», тем более бесперспективны, так как, по сути, они создают односторонние преимущества для стран, уже активно и на протяжении значительно периода осваивающих космическое пространство. Попытки заменить или расширительно истолковать нормы действующего МКП подрывают сложившийся правопорядок в космосе. Замена универсальных норм в области исследования и использования космоса национальным законодательством, региональными актами не способна решить создавшиеся проблемы в космическом законодательстве, хотя рекомендации международных межправительственных организаций

и руководящие принципы могут служить примером норм мягкого права, способных со временем стать нормами МКП. Основной задачей является сохранение и упрочение того правопорядка, который создавался и действовал в космическом праве на протяжении десятилетий. Новые технические достижения, расширение круга участников космической деятельности, проблемы экологии ставят на повестку дня новые правовые задачи, но их решение возможно только при равном учете интересов всех участников космических правоотношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «правопорядок, основанный на правилах», нормы международного космического права, Договор 1967 г., нормы национального права, Соглашения «Артемиды», нормы мягкого права, космический мусор, обеспечение безопасного движения в космосе

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Штодина И.Ю. 2025. Концепция «правопорядка, основанного на правилах», применительно к космическому пространству. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 25–38. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-25-38>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

SPACE LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-25-38>

Irina Yu. SHTODINA

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
llc48@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0522-5324

Research article
UDC: 341
Received 19 March 2025
Approved 9 June 2025

THE CONCEPT OF “RULES-BASED ORDER” AS APPLIED TO OUTER SPACE

INTRODUCTION. In contemporary international law, the idea of replacing the existing principles of international law, primarily enshrined in the UN Char-

ter, with a “rules-based order” has gained popularity. The very use of this term is strongly criticized in the international community due to the impossibility to

establish the content of this term, its legal basis and the possibility of its change. However, with regard to international space law (ISL), the application of the “rules-based order” is often attempted to be presented as an opportunity to supplement the legal gaps in international space law with the provisions of the said “legal order”.

MATERIALS AND METHODS. The article analyzes both the doctrinal understanding of the content of the term “rules-based order” and its applicability to the creation of new sources of international space law, revision and supplementation of existing legal norms. The subject of the analysis is the materials of the foreign legal press, articles in legal journals and the Internet. In addition to the data of the science of international law, the scientific categories of philosophy, political science and economics are also used. Historical, formal-legal, comparative-legal method and the method of system analysis, etc. were used in the study.

THE RESEARCH RESULTS. The successful development of international space law and the harmonization of its existing norms with the requirements of the time depends, first of all, on the common desire of participants in the exploration and use of outer space to update the entire existing legal “framework” of the existing norms of the ISL.

Such updating is possible both through the elaboration of new universal treaties in this area of international relations and through the adoption of soft law norms, which, if universally recognized and approved, could eventually become universal norms of the ISL. Rejection of already existing treaties, primarily the 1967 Treaty, is unlikely to contribute to preserving and strengthening the existing legal order in outer space. Moreover, the established legal order in space exploration and use should not and cannot be replaced by vague legal ideas reflecting the position of a minority of states.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The study substantiates the conclusion that attempts to replace peremptory norms of international law with the provisions of “rules-based order” are, in fact, doomed to

failure. First of all, because the legal content of the mentioned term and the possibility of changing the provisions constituting this legal order are not clear. In addition, only the adoption of general universal norms in the field of international law can serve as a guarantee of stability and ensuring equal interests of the participants in international relations. In the field of the ISL, attempts to fill the legal gaps created by the application of the provisions of the “rules-based order” are all the more unpromising, since, in fact, they create unilateral advantages for countries that have already been actively and for a considerable period of time developing outer space. Attempts to replace or broadly interpret the norms of the current ISL undermine the existing legal order in outer space. Replacing universal norms in the field of space exploration and use with national legislation and regional acts cannot solve the problems created in space legislation, although recommendations of international intergovernmental organizations and guidelines can serve as examples of soft law norms that can eventually become norms of the ISL. The main task is to preserve and strengthen the legal order that has been created and has been in force in space law for decades. New technical achievements, expansion of the range of participants in space activities, and environmental problems put new legal tasks on the agenda, but their solution is possible only with equal consideration of the interests of all participants in space legal relations.

KEYWORDS: rules-based order, norms of international space law, Outer Space Treaty 1967, norms of domestic law, Artemis Accords, soft law norms, space debris, ensuring safe traffic management in space

FOR CITATION: Shtodina I. Yu. The Concept of «Rules-Based Order» as Applied to Outer Space. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 25–38. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-25-38>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Термин «правопорядок, основанный на правилах», его правовое содержание и наполнение

Термин «правопорядок, основанный на правилах», (rules-based order) часто употребляется в исследованиях по международному праву (МП) [Вылегжанин, Нефедов, Воронин, Магомедова,

Зотова 2021:35]. Причем в отечественных исследованиях и заявлениях высших должностных лиц особенное внимание уделяется тому, что, собственно, невозможно доподлинно установить, что же подразумевается под этим правопорядком и составляет его основу. В каких правовых документах изложены эти правила, кто их установил и не возникает ли некоторого

диссонанса по поводу того, кто и как эти правила уполномочен изменять? Как отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин, «...на площадке Валдайского клуба мы с вами не раз говорили о тех сдвигах – серьезных, больших сдвигах, которые уже произошли и происходят в мире, о тех рисках, которые связаны с деградацией мировых институтов, с размыванием принципов коллективной безопасности, с подменой международного права так называемыми правилами – хотел сказать, понятно кем придуманными, но, пожалуй, и это неточно – вообще непонятно кем придуманными, на чем основаны эти правила, что внутри этих правил»¹.

Иное дело – зарубежные правовые исследования по данному вопросу. Налицо полное согласие по поводу того, что «правопорядок, основанный на правилах», уже заменил или, вернее, подменил понятие императивных принципов международного права, составляющих правовую основу взаимоотношений государств. [Lauterpacht 2000:1-470]

Собственно, идея замены универсально-международного права и его основополагающих принципов присутствует и в работах юристов, относящихся к Флетчеровской школе права и дипломатии (Fletcher School of Law and Diplomacy), и в работах юристов-международников, относящихся к Йельской школе (Нью-Хейвен (New Haven), например, профессора В.М. Рисмана [Reisman 2005:15-30], профессора Г. Хасина [Hasin 2023:385-430] и т. д. Идея состоит в том, что следует отказаться от понятия универсальности международного права и МП как системы права. Практика может изменить или даже отменить договорную норму. Если норма права достаточно часто нарушается, то она утрачивает свою силу и превращается в «бумажное правило». Однако нормы *jus cogens* не могут быть отменены даже в случае их нарушения или на основании того, что несколько государств (каков бы ни был их статус) придерживаются иной правовой позиции.

Не менее деструктивной является идея или концепция существования двух параллельных автономных форм или типов МП. Такая новая форма МП является якобы плодом «демократизации» и «приватизации» МП. Право суще-

ствует в двух формах – применяемое судами и другими формальными институтами МП – это так называемое *state-made law* и вторая форма – *media-made law* [Верещетин 2009:43-51].

Первая форма образуется через договоры и обычаи, а вторая – под воздействием средств массовой информации, которые активно влияют на политически значимые слои общества, через них на правительства крупных демократических государств, создавая нормативные установки, определяющие какое поведение государств демократично, а какое – нет. Вот этот внегосударственный правотворческий процесс профессор В.М. Рисман и характеризует как демократизацию и приватизацию, демонстрирующую возросшую роль частного сектора, воздействие технической революции на МП, глобализацию, развитие систем массовых коммуникаций и других факторов международной жизни [Reisman 2005:15-30].

По мнению ученых Йельской школы, эти два типа права несовместимы, и старое право, основанное на обязательных нормах, неизбежно отомрет. Таким образом, выходит, что новое МП, основанное на использовании средств массовой информации, формирует подход, согласно которому следует руководствоваться только мнением, существующим в каждый данный момент в стране, претендующей на мировое господство. Что касается всех остальных стран, то им просто следует смириться с новыми правилами игры, которые, само собой, будут установлены на основе силы [Borgen 2007:331-362]. По сути, эта концепция права, ориентированного на политику, разрушает всю систему МП [Верещетин 2009:47]. Кроме того, практические действия Соединенных Штатов Америки опираются сегодня как раз на такое видение и понимание МП и на концепцию «правового плюрализма». Ничего нового в этой концепции нет, это квинтэссенция работ О. Эрлиха, который еще в XX в. развивал теорию, согласно которой наряду с официальным правом государства, применяемым судами, есть еще и более важное «живое право», опирающееся на исторические события, обычаи, нравы, ценности, в том числе религиозные. Само же право растворяется среди остальных регуляторов общественной жизни и утрачивает свою специфичность [Ehrlich 1936].

¹ Владимир Путин обозначил приоритеты политики России на заседании Валдайского клуба. – Информационный портал Свердловской области. URL: <https://све.рф/news/18139> (дата обращения: 1.05.2025).

Основываясь на этой концепции, профессор О. Ясуаки предлагает разработать теорию, согласно которой нормы поведения могут быть идентифицированы в МП вне зависимости от положений ст. 38 Статута Международного суда ООН. Новые нормы должны быть более гибкими и менее обязательными, скорее, нормы убеждения, чем принуждения. Однако сам автор не может определить источники такого нового права. Остается заметить, что все же долгосрочный мировой порядок не может быть установлен путем системного разрушения его основополагающих принципов [Yasuaki 2006:151-189].

2. Роль «правопорядка, основанного на правилах», в возможной адаптации МКП к современным актуальным запросам в использовании космоса

Применительно к такой отрасли международного права, как МКП, где велики правовые лакуны и множество ключевых вопросов еще требуют своего решения, идет активный поиск инструментов, способных содействовать правовому решению таковых [Krieger, Nolte 2016:2637-2646]. Может ли в качестве таких инструментов быть использована концепция правопорядка, основанного на правилах?

Так, П. Мартинес (Кейптаунский Университет), бывший исполнительный директор Всемирного Фонда Безопасности (Secure World Foundation)², руководивший в 2011–2018 гг. рабочей группой Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС ООН, Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, COPUOS³) определяет, что в целях установления «порядка, основанного на правилах», нужно использовать обязательные и необязательные инструменты, такие как международные договоры, национальное законодательство, руководящие принципы, принципы и стандарты, поскольку разработанный свод норм международного космического права просто

не в состоянии решить многие вопросы, возникающие в связи с быстрыми темпами развития глобальной космической области [Martinez 2022:67-87]⁴.

Безусловно, за последние десятилетия значение космических систем возросло, они являются частью инфраструктуры многих стран, обеспечивая экономический рост, безопасность человека и окружающей среды [Weinzierl 2018:173-192]. Космические системы мониторят погоду, обеспечивают рациональное использование природных ресурсов, навигацию, связь и т. д. Они помогают решить проблемы изменения климата, предсказания и борьбы с последствиями стихийных бедствий, вносят вклад в достижение целей устойчивого развития. Значение и роль космических систем, очевидно, будет возрастать и в дальнейшем.

Однако интенсификация использования человеком космоса ставит на повестку дня все новые значимые вопросы, решить которые, используя имеющиеся договоры по космосу, не представляется возможным. К ним относятся, например, проблема, связанная с перенасыщенностью орбит действующими и отработанными частями космических объектов. Дальнейший рост числа таких объектов предсказуем, ведь снижается цена производства объектов; становятся легкодоступными готовые коммерческие компоненты, сокращается время, необходимое для создания таких объектов; становится более широким доступ к финансированию коммерческой космической деятельности – все это создает возможности для выхода на арену многочисленных новых коммерческих игроков. Важным становится обеспечение равных условий для всех «игроков», равного доступа к космическому домену [Kessler, Cour-Palais 1978:2637-2646].

Вместе с тем на февраль 2025 г. сеть космического наблюдения отслеживала около 30 тыс. космических объектов более 10 см и только 32% от этого числа составляли космические аппараты, как исправные, так и нефункциональные⁵.

² Secure World Foundation: Promoting Cooperative Solutions for Space Sustainability. URL: <https://swfound.org/about-us/our-team/> (accessed date: 1.05.2025).

³ COPUOS: Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/index.html> (accessed date: 1.05.2025).

⁴ ГА ООН: Группа правительственных экспертов по мерам транспарентности и укрепления доверия в космосе, A/68/189. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/755155?v=pdf> (дата обращения: 1.05.2025).

⁵ IADC: Report on the Status of the Space Debris Environment. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2025/aac_105c_12025crp/aac_105c_12025crp_10_0_html/AC105_C1_2025_CRP10E.pdf (accessed date: 1.05.2025).

Для отслеживания этого мусора используются в том числе оптические датчики, обнаруживающие обломки по отраженному солнечному свету. Пока все системы слежения за мусором являются наземными, но возможно и появление таких систем слежения космического базирования [Pardini, Anselmo 2021:11-22].

Кроме того, в космосе остается большое количество мусора менее 10 см. Эти обломки не каталогизируются и не отслеживаются, но они могут нанести значительный ущерб⁶. Уже приняты некоторые меры для ограничения роста таких обломков, но их явно недостаточно [Hasin 2021:1073-1159]. И эта проблема напрямую связана с отсутствием договорного запрета на противоспутниковые системы, предназначенные для уничтожения спутников путем запуска высокоточной ракетой, запущенной с земли. Ряд государств уже разработал и испытал противоспутниковые системы прямого наведения, способного уничтожить спутники на орбите. Использование такого оружия ведет к росту космического мусора. По данным американских исследователей, в 2021 г. испытание систем прямого наведения было проведено Российской Федерацией (ноябрь 2021 г.), что привело к очередному увеличению обломков, которые будут находиться на орбите долгое время⁷. Вместе с тем проблема состоит в том, что противоспутниковые системы не ограничиваются только кинетическим оружием, но и включают менее заметные действия с использованием мощных лазеров, электромагнитных помех, кибератак и некинетических мер, которые не могут разрушить или навсегда вывести из строя спутник-мишень, но имеют временные и обратимые последствия. Применение таких систем нельзя идентифицировать как атаку и с уверенностью приписать другой стороне [Britt 2024:80-85].

Стоит напомнить, что первое столкновение спутника со спутником произошло в 2009 г., когда неактивный спутник Космос-2251 столкнулся со спутником связи Иридиум-33 на высоте 781 км, образовав облако обломков (1 800 фрагментов размером более 10 см), 1 393 обломка все еще находятся на орбите⁸. В начале апреля 2021 г. произошло опасное сближение спутника группировки One Web со спутником группировки Старлинк (Starlink) компании SpaceX⁹. Не меньшую озабоченность вызывает и применение противокосмических систем, создающих обломки, ведь они уничтожают спутник как прямым попаданием, так и подрывом боеголовки в непосредственной близости от объекта. Кроме того, это может быть и перехват с прямым попаданием. Все это создает большое количество обломков [Burke-White, Williams 2025:23]. Испытания противоспутниковых систем прямого наведения проводились и СССР, и США с 1960-х по 1980-е гг. Затем такие испытания прекратились до 2000-х гг., возобновились Китаем в 2007 г., США в 2008 г., Индией в 2019 г., Россией в 2021 г. Среди опасных маневров в космосе можно отметить и так называемое затенение спутника или несогласованное сближение с ним. В июле 2021 г. министр обороны США объявил о «принципах ответственного поведения в космосе», принятых в одностороннем порядке на себя США, а в 2022 г. К. Харрис заявила, что США воздержатся от проведения испытания кинетического оружия в космосе¹⁰.

Если проблеме орбитального космического мусора уделяют заслуженное внимание в международно-правовых исследованиях, то вопросы, связанные с появлением на небесных телах огромного количества нефункционирующих объектов, и борьбы с этим явлением, гораздо реже обсуждаются в научных исследованиях.

⁶ Роскосмос указал на угрозу доступу в космос из-за роста числа объектов от 1 см на орбите. – ТАСС. URL: <https://tass.ru/kosmos/18362601> (дата обращения: 1.05.2025).

⁷ Минобороны признало испытания противоспутниковой ракеты. – *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/11/16/896082-minoboroni-priznalo-ispitaniya-protivosputnikovoi-raketi> (дата обращения: 1.05.2025).

⁸ Космический бум. Два спутника столкнулись над Сибирью. – *Газета.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2009/02/12/2940869.shtml> (дата обращения: 1.05.2025).

⁹ SpaceX and OneWeb Spar over Satellite Close Approach. – *Space News*. URL: <https://spacenews.com/spacex-and-oneweb-spar-over-satellite-close-approach/> (accessed date: 1.05.2025).

¹⁰ К. Харрис заявила об отказе США от испытаний противоспутникового оружия. – ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14407481> (дата обращения: 1.05.2025).

Между тем, сейчас, когда эра освоения космоса вступает в новую фазу, связанную с планируемым долгосрочным присутствием государств на небесных телах (проект Международной лунной исследовательской станции International Lunar Research Station, ILRS и миссии Chandrayaan¹¹), проблема появления на небесных телах нефункционирующих объектов стоит весьма остро. Например, общее количество отходов на Луне составляет более 181 тонн. По данным NASA, в марте 2022 г. искусственный техногенный объект столкнулся с Луной, в результате столкновения образовались два кратера диаметром 16 и 18 метров. При столкновении на поверхности Луны образовались тысячи обломков [Milanov 2024:3177-3185]. Информация же о рисках, связанных с образованием таких обломков, минимальна. Неудача российской миссии «Луна-25» привела к образованию на поверхности этого небесного тела космического мусора, потенциально опасного для последующих миссий на Луну¹². Присутствует и риск ядерного загрязнения Луны. Так, американские миссии «Аполлон», которые несли комплекты радиоизотопных тепловых генераторов с плутониевым топливом, оставили их на Луне. Предпринятые миссии «Луноход» также способствовали ядерному загрязнению Луны, так как использовали радиоизотопный термогенератор с полониевым топливом. Нельзя не упомянуть и о том, что на Луне уже проводились спорные научные эксперименты, приведшие к непредсказуемым последствиям для возможных будущих научных исследований. Примером такой миссии может служить миссия спутника-импактора NASA Lunar Crater Observation and Sensing Satellite (LCROSS), известная как «лунная бомбардировка NASA». Целью бомбардировки было определение наличия воды в одном из кратеров Луны. По мнению ученых, проект был реализован крайне инвазивно и без должного учета негативного влияния на лунную среду [Milanov 2024:3177-3185]. Представляется, что подобные эксперименты должны проводиться как минимум после соответствующих консультаций с государствами – основными игроками на рынке

космических исследований, также имеющих планы по исследованию Луны. Кроме того, такое преднамеренное столкновение, осуществленное NASA, вполне вероятно может быть истолковано и как прямое нарушение ст. IV Договора по космосу. Эксперимент не дал сведений о наличии воды в кратерах, но вызвал загрязнение кратера обломками спутника-импактора. Исследование небесных тел и космического пространства не должно быть сопряжено с их засорением и загрязнением. Реализация этой задачи должна начинаться с национальных мер в этой области. Это касается, например, и перехода от используемых токсичных видов ракетного топлива к более экологичным видам¹³.

Проведение таких экспериментов, уничтожающих ресурсы и создающих огромное количество отходов, ставит вопрос и о срочной необходимости принятия обязательных многосторонних соглашений с целью установить, наконец, правовое содержание термина «космические отходы», определить должный стандарт заботы или хотя бы точное общее понимание такого стандарта среди государств-участников освоения космоса, ввести общее понятие «вины» за подобные действия.

Имеющиеся положения пяти договоров по космосу пока не могут дать ответы и на другие вопросы, например, о том, что такое «вредное загрязнение»? Что подразумевается под формулировкой «должный учет соответствующих интересов всех других государств – участников Договора» (ст. IX Договора по космосу 1967 г.)? Какие именно изменения в окружающей среде Земли могут считаться неблагоприятными в результате «привнесения взвешенного вещества» (ст. IX Договора)? Между тем такие вопросы приобретают все большую актуальность. Некоторые ученые справедливо ставят вопрос об опасности загрязнения космической среды микроорганизмами с Земли, хотя в Договоре 1967 г. речь шла только об опасности «вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки взвешенного вещества» (ст. IX Договора 1967 г.). [Robinson 2006:388-397]

¹¹ Chandrayaan-3 (лунная станция). – TADVISER. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Chandrayaan-3_\(лунная_станция\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Chandrayaan-3_(лунная_станция)) (дата обращения: 1.05.2025).

¹² ЛУНА-25. – ИКИ (Институт космических исследований Российской Академии Наук). URL: <https://iki.cosmos.ru/research/missions/luna-25#:~:text=«Луна%2D25»%20—%20проект,«Луна%2DГлоб»> (дата обращения: 1.05.2025).

¹³ Ракеты «Ангара» и «Союз-2» станут основой средств выведения на орбиту аппаратов Минобороны. – RG.ru. URL: <https://rg.ru/2011/06/01/angara-anons.html> (дата обращения: 1.05.2025).

Увеличение частных компаний в освоении и колонизации небесных тел только добавляет остроты изложенной проблеме. Необходим жесткий контроль за деятельностью частных субъектов, ведь частные лица не ориентированы на сохранение других секторов экономики или научных проектов, поэтому их деятельность должна быть определена не аморфными положениями «правопорядка, основанного на правилах», не нормами *soft law* или национального права, а обязывающими положениями международных соглашений. Необходима транспарентность в том, что касается планов частных компаний по освоению небесных тел, поскольку некоторые, уже озвученные проекты в этой области не могут не вызывать обеспокоенности. Так, И. Маск публично поделился своими планами о бомбардировке Марса и использовании ядерного оружия для трансформирования планеты¹⁴.

На сегодняшний день приходится констатировать, что «концепция ответственного поведения» еще не имеет четкого юридического определения, а, скорее, является площадкой для дискуссий, часто используемой для политизации и продвижения конкретных интерпретаций МП, не всегда разделяемой всеми странами. Все вышеизложенное делает космос более сложным и динамичным доменом с проблемами управления и безопасности. Задача космического права – создать и поддержать такой международный правопорядок в космосе, который бы соответствовал его быстрым темпам развития и базировался бы на положениях международных соглашений.

На сегодня основными площадками для выработки норм космического права являются: 1) КОПУОС ООН в Вене; 2) Конференция по

разоружению (КР) в Женеве; 3) Генеральная Ассамблея ООН и два ее Комитета – Комитет по разоружению и международной безопасности (1-й Комитет) и Комитет по специальным политическим вопросам и вопросам деколонизации (4-й Комитет); а также 4) Международный союз электросвязи (МСЭ). Такое разделение полномочий имеет и плюсы, и минусы: с одной стороны, позволяет сосредоточиться на конкретных вопросах, с другой – создает проблемы координации при решении межсекторных вопросов.

Помимо разработки пяти договоров по космосу, за период с 1958 г. по 2022 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла более 136 резолюций по исследованию и использованию космоса. Есть еще ряд значимых документов¹⁵:

– Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора 2007 г.¹⁶;

– Рамки обеспечения безопасного использования ядерных источников энергии в космическом пространстве 2009 г.¹⁷;

– Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности Комитета по использованию космического пространства в мирных целях 2019 г.¹⁸

Юридический подкомитет также обсуждает вопросы управления космическими ресурсами. В поле зрения КОПУОС ООН и его подкомитетов находятся и вопросы управления движением и нормы безопасности в космосе.

Международный союз электросвязи занимается распределением радиочастот, но утилизация и пополнение спутниковых группировок не относится к его ведению или к ведению какого-либо иного международного органа¹⁹. Вне правового поля зрения остается и оценка несущей

¹⁴ How Elon Musk's plans for Mars threaten Earth. – *Bulletin of the Atomic Scientists: Mars Attacks*. URL: <https://thebulletin.org/2025/03/mars-attacks-how-elon-musks-plans-to-colonize-mars-threaten-earth/> (accessed date: 1.05.2025).

¹⁵ United Nations Office for Outer Space Affairs: Documents and Resolutions Database. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/documents-and-resolutions/search.jsp?&view=resolutions> (accessed date: 1.05.2025).

¹⁶ ООН: Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml (дата обращения: 1.05.2025).

¹⁷ Пересмотренный проект рамок обеспечения безопасного использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. А/АС.105/С.1/L.292/Rev.2. URL: https://www.unoosa.org/pdf/limited/c1/AC105_C1_L292Rev2R.pdf (дата обращения: 1.05.2025).

¹⁸ ООН. Управление по вопросам космического пространства: Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности Комитета по использованию космического пространства в мирных целях 2019 г. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2021/stspace/stspace79_0_html/st_space79R.pdf (дата обращения: 1.05.2025).

¹⁹ ITU: Committed to connecting the world. URL: <https://www.itu.int/en/Pages/default.aspx#/ru> (accessed date: 1.05.2025).

способности орбит, что ставит под вопрос реализацию провозглашенного в МКП принципа справедливого доступа к орбитам.

При всей значимости принимаемых руководящих правил и принципов остается вопрос об их обязательности и всеобщности применения пока они не обрели статус норм права.

Другой острой проблемой, не нашедшей еще своего правового решения, является запрет на размещение оружия в космосе. Становится все более очевидным, что Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., и Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 г. совершенно недостаточны и не могут воспрепятствовать размещению других видов оружия (кроме ядерного) в космосе. Ряд государств (в первую очередь Россия и Китай) выступают за разработку и принятие юридически обязывающих инструментов; другие государства (среди них США) выступают за необязывающие, добровольные правила поведения. В связи с расхождением мнений по этому вопросу осталась без продвижения Проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве (ДПРОК) 2008 г., при этом главным аргументом США против принятия соглашения было отсутствие надежных средств проверки и «предпочтение» интересам коспонсоров проекта договора [Britt 2024:80-85].

Какие еще спорные вопросы, кроме упомянутых выше, осложняют выработку возможного текста соглашения?

1. До сих пор нет всеобщего понимания того, что есть «космическое оружие» [Imhof 2019:203-241].

2. Существующие космические системы могут быть оснащены оружием без нарушения принципа нераспространения оружия в космосе.

3. Атаки «земля – космос» не подпадают под определение термина «космические вооружения».

4. Нет способа проверить, было ли такое оружие уже размещено в космосе, а опора на односторонние заявления может иметь

дестабилизирующий эффект. Например, государство может проводить одностороннюю оценку действий другого государства по размещению вооружений в космосе и, основываясь на такой оценке, само приступить к размещению вооружений, мотивируя это тем, что оно-де реагирует на действия другого государства.

Таким образом, разворачивается классический сценарий, когда односторонние действия другого государства оцениваются остальными участниками как агрессивные или угрожающие, заставляя участников повышать градус противостояния [West 2025:7].

Шагом вперед можно считать создание в декабре 2021 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН Рабочей группы открытого состава по уменьшению космических угроз путем принятия норм, правил и принципов ответственного поведения²⁰. В апреле 2022 г. США заявили о том, что они не будут проводить испытания противоспутниковых ракет прямого наведения, такое же обязательство приняла на себя и Канада [Martinez 2022:76].

Перечислив угрозы, существующие на настоящий момент в области исследования и использования космоса, встает вопрос об обеспечении эффективного порядка, в котором международное право и международные институты соответствовали бы своему назначению, и такие институты должны быть достаточно гибкими, чтобы сохранять актуальность в глобально меняющейся действительности.

В связи с тем, что коммерческие компании начинают доминировать в космической экосистеме, возрастает заинтересованность коммерческих пользователей в обеспечении гибкого правопорядка, например, уже сегодня увеличение пользователей привело к необходимости решения проблемы управления космическим движением. Все еще обсуждается вопрос о том, должна ли такая система управляться «снизу вверх» или «сверху вниз». Скорее всего, должны сочетаться два варианта.

Космическая среда становится перегруженной, и объекты уже не будут двигаться по стабильным кеплеровским орбитам, вполне предсказуемым и не требующим предварительного уведомления о маневрах. Потребуются более

²⁰ ГА ООН: Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Проект доклада A/AC.105/L.331/Add.3. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2022/aac_105/aac_105_331add_3_0_html/AC105_L331Add03R.pdf (дата обращения: 1.05.2025).

сложные системы уведомления о маневрах, а автономные системы предотвращения столкновений будут играть все большую роль. Необходимы согласованные действия операторов и согласованные правила движения по орбитам – точно так, как на Земле действуют согласованные правила дорожного движения. Очевидно, что такая выработанная система управления движения будет сочетать и национальные, и международные элементы. В руководящих принципах КОПУОС ООН по космической устойчивости уже есть некоторые элементы такого регулирования, но их недостаточно.

Что касается мусора, то мы уже наблюдаем то, что пройден тот естественный рубеж, когда скорость истощения за счет атмосферного сопротивления будет достаточной для предотвращения дальнейшего роста космического мусора. Поэтому неотъемлемой частью системы нового космического правопорядка станет развитие национального законодательства по борьбе с мусором. Операции по обслуживанию на орбите, дозаправка космических объектов, сборка и изготовление космических объектов, ставит вопросы о юридическом обеспечении таковых. Отсутствие международных норм или хотя бы обязательных руководящих принципов ведет к разработке таких правил коммерческим сектором. Примером такой успешной деятельности коммерческих пользователей может служить Консорциум для выполнения операций по сближению и обслуживанию (КОНФЕРС, Consortium for Execution of Rendezvous and Servicing Operations, CONFERS²¹). Консорциум уже разработал ряд принципов и практик для операций сближения и обслуживанию на орбите – все они кодифицируются Международной организацией по стандартизации (ИСО, International Organization for Standardization, ISO²²) затем они через КОПУОС ООН могут быть распространены для всеобщего внедрения.

Какие еще соображения должны влиять на скорейшую модернизацию космического законодательства и пути достижения таковой,

помимо обозначенных выше проблем, не находящих своего разрешения в рамках действующей правовой базы в МКП?

1. Космос стал доступен для освоения для разнообразных инвесторов – венчурных фондов и компаний, так в 2021 г. в космосе уже действовали 449 компаний²³. Вливание денежных средств способствует коммерческому освоению космоса, но не все инвесторы осознают в полной мере, что их деятельность способна повлиять на безопасность и устойчивость космической среды, а также не все государства осознают свою ответственность за деятельность частных компаний в космосе. Как на Земле, в рамках Целей устойчивого развития 2015–2030 (ЦУР²⁴), коммерческие компании обладают ключевыми рычагами для достижения целей ЦУР, так и в космосе компании должны понимать, что прибыльность их деятельности должна быть связана с устойчивостью.

2. Все сложнее принимать решения в рамках КОПУОС ООН в форме консенсуса. Очевидно, что такая форма принятия решений нуждается в реформировании, если задачей является реальная выработка значимых нормативно-правовых документов. Количество пользователей увеличивается – сейчас это более 100 государств. По крайней мере, 85 стран имеют хотя бы один спутник на орбите. У каждой страны свои национальные приоритеты и задачи, часто трудные к согласованию, что делает принятие решений консенсусом почти недостижимым.

3. Многосторонние форумы служат для выработки определенных правил поведения, которые с течением времени могут перерасти в обычаи и стать источником права, или хотя бы создать условия для переговоров, но колеса многосторонних форумов вращаются медленно, еще медленнее, чем государственных акторов. Совсем противоположная тенденция у частного сектора, который проводит мысль, что ожидать каких-либо решений от многосторонней системы выработки решений не приходится. Такая система выработки правил поведения не способна

²¹ CONFERS: Fostering the Satellite Servicing Industry. URL: <https://satelliteconfers.org> (accessed date: 1.05.2025).

²² ИСО: Глобальные стандарты для надежных товаров и услуг. URL: <https://www.iso.org/ru/home.html> (дата обращения: 1.05.2025).

²³ Space Investment Quarterly Report. – Space Capital. URL: <https://www.spacecapital.com/quarterly> (accessed date: 1.05.2025).

²⁴ ООН: Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 1.05.2025).

двигаться «со скоростью актуальности». Но для выработки правил нужны усилия всего международного сообщества, а не группы единомышленников. Неудача Европейской службы внешних связей (European External Action Service, EEAS²⁵) по многостороннему применению Международного Кодекса поведения в космической деятельности (МКПД, International Code of Conduct for Outer Space Activities²⁶), разработанного вне рамок ООН с 2008 по 2015 г., это ярко продемонстрировала. Вместе с тем, следует отметить, что Европейский союз продолжает рассматривать космос как важный стратегический домен для развития экономики, безопасности и обороны Европейского союза и предполагает предпринимать дальнейшие усилия по согласованию и принятию во второй половине 2025 г. «Европейского космического акта» (EU Space Act²⁷), призванного создать общие правила обеспечения безопасности движения в космосе и обеспечению безопасности космической деятельности в целом.

Другой пример – Соглашения Артемиды (Artemis Accords²⁸), подписанные 30-ю национальными космическими агентствами. Всесторонний международно-правовой анализ сути Соглашений уже неоднократно был предпринят отечественными специалистами в области космического права [Абашидзе, Черных 2022:158-180; Галицкая 2022:130-140; Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2021:155-172], поэтому, не ставя своей целью подробный правовой анализ упомянутых соглашений, кратко отметим, что цель, первоначально заявленная NASA, состояла в развитии устойчивого присутствия человека на Луне и установлении принципов для управления гражданским исследованием космоса. В ходе правовой дискуссии о природе и значении Соглашений многие государства прежде всего те, кто придерживаются традиционного толкования положений ст. 2 Договора 1967 г. заявляли, что Соглашения – это попытка односторонней, не всеми разделяемой интерпретации Договора 1967 г., особенно, в отношении добычи

космических ресурсов и создание альтернативного пути для развития односторонней практики освоения космических ресурсов.

Вместе с тем на критику Соглашений Артемиды, как противоречащих, по сути, пониманию ст. II Договора 1967 г., ученые Нью-Хейвенской школы международного права возражают, что все происходящее со стороны США и их союзников в отношении космических ресурсов является лишь внесением «поправок путем интерпретации» в положения Договора о космосе 1967 г. Более того, профессор Г. Хазин приходит к выводу, что либо Договор 1967 г. будет развиваться путем толкования, либо будет устаревать в процессе [Martinez 2022:67-85].

3. Заключение

Таким образом, не универсальные (с точки зрения участия в таковых государствах) пути урегулирования нынешних космических проблем чаще всего вызывают возражения. Созданный после Второй мировой войны международный правопорядок, конечно, испытывает сейчас наивысшее напряжение с момента его создания, поэтому ряд исследователей делает вывод о необходимости создания более сильной, сетевой, инклюзивной и эффективной многосторонней системы по исследованию и использованию космоса, способной адаптироваться к глобальным вызовам, но отвечающей целям и принципам ООН.

Конечно, первоочередная задача состоит в универсализации пяти Договоров по космосу в первую очередь в отношении тех государств, которые еще не участвуют в них.

Помимо этих договоров, все же, следует обратить внимание на согласование и внедрение стандартов и руководств по наилучшей практике безопасных и устойчивых космических операций. Они могут быть кодифицированы в стандартах, принципах поведения, руководящих принципах поведения, хотя и не имеющих обязательной силы международного договора

²⁵ EU: The Diplomatic Service of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/_en (accessed date: 1.05.2025).

²⁶ Draft of the International Code of Conduct for Outer Space Activities. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/space_code_conduct_draft_vers_31-march-2014_en.pdf (accessed date: 1.05.2025).

²⁷ Aerospace: What will the EU Space Act's New Regulations Mean for the Industry? URL: <https://aerospace.org/kickstage/what-will-eu-space-acts-new-regulations-mean-industry> (accessed date: 1.05.2025).

²⁸ NASA: Principles for a Safe, Peaceful, and Prosperous Future in Space. URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (accessed date: 1.05.2025).

на первоначальном этапе, но тем не менее могущих быть включенными в национальные системы лицензирования и в коммерческие контракты, как это произошло с руководящими принципами КОПУОС ООН по предупреждению образования космического мусора и руководящими принципами долгосрочной устойчивости космической деятельности. Этот процесс со временем может привести к появлению норм ответственного поведения в космосе и к общему пониманию безответственного поведения.

В то же время нельзя не видеть, что в настоящее время космическая деятельность все в большей степени осуществляется частными субъектами, а развитие космического права начинает все больше зависеть от обслуживания интересов коммерческих субъектов в космическом пространстве. Вместе с тем интересы таких коммерческих компаний не могут и не должны превалировать над интересами всех стран и человечества в целом.

В свою очередь, инвесторы-миллионеры не намерены ждать, когда правительства или многосторонние институты договорятся об общих правилах управления космической деятельностью, и склонны подменять нормативное международно-правовое регулирование в использовании космоса национальными актами или нормами мягкого права, руководствами и инструкциями. Избежать конфликта интересов «частного и публичного» в освоении космоса можно не только путем активизации международного сообщества в выработке и принятии универсальных международных соглашений, отвечающих потребностям времени и являющихся обязательными для всех участников освоения космического пространства, но и противодействием размыванию созданной нормативно-правовой базы в области исследования космоса.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х., Черных И.А. 2022. Политика и законодательство США в области освоения природных ресурсов небесных тел (международно-правовые аспекты). – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. Т. 13. № 1. С. 158-180.
2. Верещетин В.С. 2009. О некоторых концепциях в современной доктрине международного публичного права. – *Международные отношения и право: взгляд в XXI век*. Сборник статей под ред. С.В. Бахина. Санкт-Петербург. С. 43-51.
3. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р., Алексеев М.А. 2021. Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов Луны и других небесных тел. – *ГИАБ. Горный информационно-аналитический бюллетень*. № (3-1). С. 155-172.
4. Вылегжанин А.Н., Нефедов Б.И., Воронин Е.Р., Магомедова О.С., Зотова П.К. 2021. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 35-60.
5. Галицкая Н.В. 2025. Космическое право на распутье коммерческой экспансии космического пространства. – *Евразийская Интеграция: Экономика, право, политика*. Т. 19. № 1. С. 130-140.
6. Borgen Ch.J. 2007. Whose Public, Whose Order? Imperium, Region, and Normative Friction. – *The Yale Journal of International Law*. Vol. 32. P. 331-362.
7. Britt B. 2024. The PPWT and Ongoing Challenges to Arms Control in Space. – *JFQ* 113. Vol. 2 P. 80-85.
8. Burke-White W., Williams B.G. 2025. Geopolitical Ambitions and Rule Contestations in Space Governance. – *CIGI Papers*. № 1. 23 p.
9. Ehrlich E. 1936. *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Translated by W.L. Moll. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 507 p.
10. Hasin G. 2021. Confronting Space Debris Through the Regime Evolution Approach. – *International Law Studies*. Vol. 97. P. 1073-1159.
11. Hasin G. 2023. From "Space Law" to "Space Governance": A Policy-Oriented Perspective on International Law and Outer Space Activities. – *Harvard International Law Journal*. Vol. 64. № 2. P. 385-430.
12. Imhof P. 2019. L'utilisation Militaire de L'espace Extra-atmosphérique est-elle Licite Selon le Droit International Public? – *Revue Québécoise de droit international*. Vol. 32. № 2. P. 203-241.
13. Kessler D.J., Cour-Palais B. G. 1978. Collision Frequency of Artificial Satellites: The Creation of a Debris Belt, *Journal of Geophysical Research*. – *Space Physics* 83. No. A6. P. 2637-2646.
14. Krieger H., Nolte G. 2016. The International Rule of Law – Rise or Decline? Points of Departure. – *KFG Working Paper Series*. № 1. 25 p.
15. Lauterpacht H. 2000. *The Function of Law in the International Community*. New Jersey: The Lawbook Exchange Ltd. 470 p.
16. Martinez P. 2022. Rules-based Order in Outer Space: The Role of International Law and Institutions. – *SAIS Review*. Vol. 42. № 1. P. 67-87.
17. Milanov A. 2024. International Legal Regulation and Management of Space Waste on Celestial Bodies. – *Journal of Ecohumanism*. Vol. 3. № 4. P. 3177-3185.
18. Pardini C., Anselmo L. 2021. Evaluating the Impact of Space Activities in Low Earth Orbit. – *Acta Astronautica*. Vol. 184. P. 11-22.
19. Reisman W.M. 2005. *The Democratization of Contemporary International Law*. – *Making Processes and the Differentiation of Their Application*. W. Rüdiger, V. Röben (eds). Developments of International Law in Treaty Making. Berlin; Heidelberg; New York: Springer. P. 15-30.

20. Robinson G. 2006. Forward Contamination of International Space and Celestial Bodies: Risk Reduction, Cultural Objectives and the Law. – *German Journal of Air and Space Law (ZLW)*. Vol. 55. № 380. P. 388-397.
21. Weinzierl M. 2018. Space, the Final Economic Frontier. – *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 32. № 2. P. 173-192.
22. West J. 2025. Geneva, We Have a Problem: Space Diplomacy Goes Nuclear. – *Centre for International Governance Innovation. Policy Brief*. № 203. P. 1-10.
23. Yasuaki O. A. 2006. *Trans civilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-First Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts*. Macdonald and Johnston (eds), Towards World Constitutionalism. Issues of the Legal Ordering in the World Community. Netherlands: Brill NV. P. 151-189.
11. Krieger H., Nolte G. The International Rule of Law – Rise or Decline? Points of Departure. – *KFG Working Paper Series*. 2016. № 1. 25 p.
12. Lauterpacht H. *The Function of Law in the International Community*. New Jersey: The Lawbook Exchange Ltd. 2000. 470 p.
13. Martinez P. Rules-based Order in Outer Space: The Role of International Law and Institutions. – *SAIS Review*. 2022. Vol. 42. № 1. P. 67-87.
14. Milanov A. International Legal Regulation and Management of Space Waste on Celestial Bodies. – *Journal of Ecohumanism*. 2024. Vol. 3. № 4. P. 3177-3185.
15. Pardini C., Anselmo L. Evaluating the Impact of Space Activities in Low Earth Orbit. – *Acta Astronautica*. 2021. Vol. 184. P. 11-22.
16. Reisman W.M. *The Democratization of Contemporary International Law. – Making Processes and the Differentiation of Their Application*. W. Rüdiger, V. Röben, (eds). Developments of International Law in Treaty Making. Berlin; Heidelberg; New York: Springer. 2005. P. 15-30.

References

1. Abashidze A.H., Chernyh I.A. Politika i zakonodatel'stvo SShA v oblasti osvoenija prirodnyh resursov nebesnyh tel (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [United States policy and legislation on the exploration of natural resources of celestial bodies (international legal aspects)]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. 2022. Vol. 13. № 1. P.158-180. (In Russ.)
2. Borgen Ch. J. Whose Public, Whose Order? Imperium, Region, and Normative Friction. – *The Yale Journal of International Law*. 2007. Vol. 32. P. 331-362.
3. Britt B. The PPWT and Ongoing Challenges to Arms Control in Space. – *JFQ* 113. 2024. Vol. 2 P. 80-85.
4. Burke-White W., Williams B.G. Geopolitical Ambitions and Rule Contestations in Space Governance. – *CIGI Papers*. 2025. № 1. 23 p.
5. Ehrlich E. *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Translated by W.L. Moll. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1936. 507 p.
6. Galitskaya N.V. Kosmicheskoe pravo na rasput'e kommercheskoj jekspansii kosmicheskogo prostranstva [Space Law at the Crossroads of Commercial Expansion of Outer Space]. – *Evrazijskaja Integracija: Ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]*. 2025. Vol. 19. №1. P. 130-140. (In Russ.)
7. Hasin G. Confronting Space Debris Through the Regime Evolution Approach. – *International Law Studies*. 2021. Vol. 97. P. 1073-1159.
8. Hasin G. From "Space Law" to "Space Governance": A Policy-Oriented Perspective on International Law and Outer Space Activities. – *Harvard International Law Journal*. 2023. Vol. 64. № 2. P. 385-430.
9. Imhof P. L'utilisation Militaire de L'espace Extra-atmosphérique est-elle Licite Selon le Droit International Public? – *Revue Québécoise de droit international*. 2019. Vol. 32. № 2. P. 203-241.
10. Kessler D.J., Cour-Palais B. G. Collision Frequency of Artificial Satellites: The Creation of a Debris Belt, *Journal of Geophysical Research*. – *Space Physics* 83. 1978. No. A6. P. 2637-2646.
17. Robinson G. Forward Contamination of International Space and Celestial Bodies: Risk Reduction, Cultural Objectives and the Law. – *German Journal of Air and Space Law (ZLW)*. 2006. Vol. 55. № 380. P. 388-397.
18. Vereshhetin V.S. O nekotoryh koncepcijah v sovremennoj doktrine mezhdunarodnogo publichnogo prava [On some concepts in the modern doctrine of public international law]. – *Mezhdunarodnye otnoshenija i pravo: vzgljad v XXI vek [International relations and law: a look at the XXI century]*. Sbornik statej pod red. S.V. Bahina. Sankt-Peterburg. 2009. P. 43-51 (In Russ.)
19. Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Alekseev M.A. Mezhdunarodno-pravovye perspektivy ispol'zovanija prirodnyh resursov Lunny i drugih nebesnyh tel [International legal prospects for using natural resources of the moon and other celestial bodies]. – *GIAB. Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten' [MIAB. Mining Inf. Anal. Bull.]*. 2021. № (3-1). P. 155-172.
20. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. Ponjatie «porjadok, osnovannyj na pravilah» i mezhdunarodnoe parvo [The Term "Rules-Based International Order" in International Legal Discourses]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international Law]*. 2021. № 2. P. 35-60. (In Russ.)
21. Weinzierl M. Space, the Final Economic Frontier. – *Journal of Economic Perspectives*. 2018. Vol. 32. № 2. P. 173-192.
22. West J. Geneva, We Have a Problem: Space Diplomacy Goes Nuclear. – *Centre for International Governance Innovation. Policy Brief*. 2025. № 203. P. 1-10.
23. Yasuaki O.A. *Trans civilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-First Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts*. Macdonald and Johnston (eds). Towards World Constitutionalism. Issues of the Legal Ordering in the World Community. Netherlands: Brill NV. 2006. P. 151-189.

Информация об авторе**Ирина Юльевна ШТОДИНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ilc48@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0522-5324

About the Author**Irina Yu. SHTODINA**

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

ilc48@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0522-5324

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-39-48>

Исследовательская статья
УДК: 341.229
Поступила в редакцию: 04.04.2025
Принята к публикации: 20.06.2025

Светлана Сергеевна ПОПОВА

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119991

popova@sra.msu.ru

ORCID: 0000-0003-4594-668X

ПРАВОВЫЕ ЛАКУНЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР»

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена проблеме определения понятия «космический мусор» с точки зрения двух концепций: концепции безопасности и концепции собственности. Целью статьи является обоснование необходимости разработки единого определения «космический мусор» и формулирование предложений по устранению правовых лагун в определении указанного понятия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основывается на публикациях отечественных и зарубежных специалистов по космическому праву, Договоре по космосу 1967 г., Руководящих принципах Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора, стандартов по сокращению космического мусора, законодательстве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки (США), регулирующем космическую деятельность, проектах нормативных актов, направленных на обеспечение безопасности космической деятельности и сокращение космического мусора. Основные методы, использованные при подготовке статьи: метод сравнительного анализа, аналогии, логический метод, описания, обобщения, сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное исследование позволило выявить различия в определении понятия «космический мусор» с точки зрения концепций безопасности и собственности; отмечено, что отсутствие единого понимания космического мусора в ближайшем будущем может привести к неблагоприятным последствиям. Сделан вывод, что

для обеспечения безопасности космической деятельности точное определение понятия «космический мусор» не критично, однако, концепция собственности требует уточнения критериев космического мусора, чтобы реализовать возможность очистки околоземного пространства и поверхности небесных тел от антропогенного загрязнения. Предложено сформулировать определение космического мусора в рамках концепции права собственности.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Обсуждение проблематики ведется в комитете Организации Объединенных Наций (ООН) по использованию космического пространства в мирных целях, на других международных и национальных площадках. Несмотря на все усилия научного сообщества, универсальное определение понятия «космический мусор», которое бы учитывало все особенности и виды космического мусора, не выработано. Национальные юрисдикции предпринимают попытки сформулировать собственное определение «космического мусора», чтобы позволить своим резидентам осуществлять новые виды космической деятельности (удаление космического мусора, переработка космического мусора на орбите, ремонт спутников на орбите и др.), занимая соответствующие сектора космической экономики. В работе разграничены подходы к определению понятия «космический мусор» через призму концепций безопасности и собственности, сформулированы предложения по формализации понятия «космический мусор» с точки зрения концепции собственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: космический мусор, космическая деятельность, правовое регулирование, космические объекты, безопасность космической деятельности, собственность, космический артефакт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова С.С. 2025. Правовые лакуны в определении понятия «кос-

мический мусор». – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-39-48>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-39-48>

Research article
UDC: 341.229
Received 4 April 2025
Approved 20 June 2025

Svetlana S. POPOVA

Lomonosov Moscow State University

27, build. 4, Lomonosovskij Ave., Moscow, Russian Federation, 119991

popova@spa.msu.ru

ORCID: 0000-0003-4594-668X

LEGAL GAPS IN THE DEFINITION OF SPACE DEBRIS

INTRODUCTION. *The article is devoted to the problem of defining the concept of "space debris" from the point of view of two concepts: the concept of safety and the concept of property. The aim of the article is to substantiate the importance of developing a unified definition of space debris and to formulate proposals for eliminating legal gaps in the definition of space debris.*

The research is based on publications by Russian and foreign specialists in space law, the 1967 Outer Space Treaty, the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space Guidelines on Space Debris Mitigation, space debris reduction standards, Russian and US legislation regulating space activities, and draft regulations aimed at ensuring the safety of space activities and space debris reduction. The following methods were employed in the preparation of the article: the comparative analysis method, the analogy method, the logical method, the description method, the generalisation method, and the comparative legal method.

RESULTS. *The research conducted has enabled the identification of discrepancies in the definition of the concept of 'space debris' from the perspectives of security and property; it is posited that the absence of a consolidated understanding of space debris in the near future may result in deleterious consequences. It is*

concluded that the precise definition of the concept of space debris is not critical for ensuring the safety of space activities; however, the concept of property requires clarification of space debris criteria in order to realise the possibility of cleaning the near-Earth space and the surface of celestial bodies from anthropogenic pollution. It is proposed that the definition of space debris be formulated within the context of the property concept.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The analysis demonstrates the relevance of the chosen topic, and the discussion of the problems is carried out in the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, on other international and national platforms. Despite the efforts of the scientific community, a consensus remains elusive regarding a universally accepted definition of 'space debris'. National jurisdictions make attempts to formulate their own definition of 'space debris' in order to allow their residents to carry out new types of space activities, occupying the relevant sectors of the space economy. The paper distinguishes approaches to defining the concept of 'space debris' through the prism of security and property concepts, and formulates proposals for formalizing the concept of 'space debris' from the perspective of the property concept.*

KEYWORDS: *space debris, space activities, legal regulation, space objects, safety of space activities, property, space artefact*

FOR CITATION: Popova S.S. Legal Gaps in the Definition of Space Debris. – *Moscow Journal of In-*

ternational Law. 2025. No. 2. P. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-39-48>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В первом десятилетии 2000-х гг. деятельность в космосе стали осуществлять не только государства, но и частные компании. В связи с ростом числа участников деятельности, осуществляемой в космическом пространстве, в том числе из-за коммерциализации космической деятельности, вопросы безопасности приобретают особое значение. Один из них – обеспечение безопасности спутников и космических полетов, в том числе пилотируемых, в связи с физическим загрязнением околоземного космического пространства космическим мусором. Наибольшая масса космического мусора находится на низких околоземных орбитах (ниже 2 000 км, см. табл. 1) [Макаров 2019:7]¹.

Таблица 1

Количество космического мусора, находящегося на околоземной орбите²

Размеры объектов космического мусора	2019 г.	2021 г.	2024 г.
более 10 см	29 000	36 500	40 500
от 1 до 10 см	750 000	1 000 000	1 100 000
менее 1 см	166 000 000	130 000 000	130 000 000

Засоренность околоземной орбиты будет только расти, в том числе в связи с увеличением «спутниковых созвездий», включающих

в себя большое количество малых космических аппаратов. Поэтому все чаще звучат призывы к охране околоземной орбиты и Земли от космического мусора. Предлагаемые решения весьма разнообразны: ионное удаление мусора с орбиты, спутники – искатели отходов, космический гарпун, роботизированная рука³, «ноль мусора»⁴, новая 18-я цель устойчивого развития [Napper, Thompson, Bentley et al. 2025] и др.

Отмечается не только рост засоренности космического пространства, но и опасность причинения ущерба на поверхности Земли. Согласно наблюдениям Европейского космического агентства (ЕКА) спутники и части ракет возвращаются на Землю примерно раз в неделю⁵. Поэтому риск причинения ущерба на поверхности Земли, а, следовательно, и перспективы межгосударственных споров также возрастают.

Разграничение ответственности государств и частных субъектов космической деятельности за образование космического мусора, его удаление и причинение ущерба требует уточнения понятия «космический мусор». Единое легальное понятие космического мусора (space debris, orbital debris⁶, space junk) отсутствует как на международном, так и на национальном уровне. В доктрине международного космического права также не сформирован единый подход к определению космического мусора, на что неоднократно указывалось в публикациях [Якушева, Агапова 2022:101].

¹ ESA: ESA's Space Environment Report 2023. URL: https://www.esa.int/Space_Safety/ESA_s_Space_Environment_Report_2023 (дата обращения: 15.02.2024).

² Составлена автором на основе данных ЕКА. URL: https://www.esa.int/Space_Safety/Space_Debris/Space_debris_by_the_numbers (дата обращения: 22.03.2025).

³ Woodall T. How harpoons, magnets and ion blasts could help us clean up space junk. – *Popular Science*. URL: <https://www.popsci.com/space/space-garbage-clean-up/> (дата обращения: 25.02.2025).

⁴ ESA: The Zero Debris Charter. URL: https://www.esa.int/Space_Safety/Clean_Space/The_Zero_Debris_Charter (дата обращения: 25.02.2025).

⁵ ESA: Aeolus: a Historic end To a Trailblazing Mission. URL: https://www.esa.int/Applications/Observing_the_Earth/FutureEO/Aeolus/Aeolus_a_historic_end_to_a_trailblazing_mission (дата обращения: 15.02.2024); ESA: ESA's re-entry predictions // URL: <https://reentry.esoc.esa.int/home> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ Прим.: в ISO 24113:2023 (Space systems – Space debris mitigation requirements) термин orbital debris («орбитальный мусор») указан как устаревший. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/ru/#iso:std:iso:24113:ed-4:v1:en> (дата обращения: 03.04.2025). США в соглашениях Артемиды применительно к Луне употребляют термин orbital debris. URL: <https://>

2. Определение космического мусора через призму концепции безопасности космической деятельности

Согласно Руководящим принципам Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора (руководящие принципы), «космический мусор означает все находящиеся на околоземной орбите или возвращающиеся в атмосферу антропогенные объекты, включая их фрагменты и элементы, которые являются нефункциональными»⁷.

Содержание «нефункциональности» в руководящих принципах не раскрывается. Нельзя назвать нефункциональными потерянные американскими астронавтами инструменты⁸. Они вполне могли быть пригодны к дальнейшей эксплуатации при обнаружении и своевременном захвате. Свойства инструментов и их применимость не изменяются оттого, что их потеряли, однако, невозможность их своевременного «захвата», а, следовательно, и невозможность их использования, превращают такие инструменты в космический мусор притом, что к ним нельзя применить свойство «нефункциональности». Скорее они становятся «невозможными к использованию в настоящее время по причине отсутствия доступа к ним».

Следует учитывать, что помимо функционирующих аппаратов на «накопительных» орбитах могут находиться запасные аппараты, не выполняющие свою функцию до определенного времени (например, запасные спутники Iridium). Если признать космическим мусором любой объект антропогенного происхождения,

не выполняющий свою функцию здесь и сейчас, то такие запасные аппараты могут оказаться в числе объектов космического мусора.

Здесь целесообразно привести определения космического мусора, содержащиеся в стандартах.

Согласно международному стандарту ISO 24113:2023 (Space systems – Space debris mitigation requirements) к космическому мусору относятся *все объекты антропогенного происхождения, находящиеся на околоземной орбите или возвращающиеся в атмосферу, включая их фрагменты и элементы, которые больше не служат полезному назначению*⁹.

В межгосударственном стандарте сходное определение, однако, расширенное за счет дополнения «опасности»: *«Искусственные объекты и их части в космосе, которые уже не функционируют и никогда более не смогут служить никаким полезным целям, но являющиеся опасным фактором воздействия на функционирующие космические аппараты; при падении на Землю могут быть источником чрезвычайной ситуации»* (п. 86)¹⁰. Представляется, что в этом определении лучше выделены признаки, согласно которым объект можно отнести к космическому мусору: искусственный объект или его часть, не функционирует, никогда более не сможет служить полезным целям, представляет опасность. Все эти критерии должны присутствовать обязательно. Если хотя бы один из них отсутствует, то имеются основания для сомнений: относить конкретный объект к космическому мусору или нет. Таким образом, если рассматривать нефункционирующие объекты, находящиеся на орбите, в качестве источника запасных частей для проведения техобслуживания

www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf?emrc=6814097663586 (дата обращения: 03.04.2025).

⁷ ООН: Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml#a1 (дата обращения: 15.02.2024).

⁸ Бушев А. Guardian: Две женщины – астронавта НАСА упустили в открытый космос сумку с инструментами. URL: <https://rg.ru/2023/11/12/guardian-dve-zhenshchiny-astronavta-nasa-upustili-v-otkrytyj-kosmos-sumku-s-instrumentami.html> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹ ISO 24113:2023. Space systems – Space debris mitigation requirements. URL: <https://cdn.standards.iteh.ai/samples/83494/dcb00a9e0adf4e9399dae46af3aac277/ISO-24113-2023.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰ Межгосударственный стандарт ГОСТ 22.0.03-2022 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Природные чрезвычайные ситуации. Термины и определения». Введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 февраля 2023 г. № 80-ст. Приняли для единого понимания терминов и определений в области природных чрезвычайных ситуаций – Армения, Беларусь, Киргизия, Россия, Узбекистан). – *Справочная правовая система «Гарант»*.

орбитальных аппаратов, то их нельзя признать мусором. Что касается утерянных в космическом пространстве инструментов, если к ним можно применить все указанные признаки космического мусора (в особенности – «никогда более не сможет служить полезным целям»), то их можно признать космическим мусором. Если имеется реальная возможность «поймать» эти инструменты и использовать дальше (они смогут служить полезным целям), то их нельзя квалифицировать как космический мусор («инструменты Шредингера»).

В специализированной литературе проблема космического мусора преимущественно рассматривается через призму угроз безопасности [Ударцев 2022; Попова 2020; Адушкин, Аксёнов, Вениаминов, Козлов 2019; Su, Zhu 2011]. Президиумом Российской академии наук космический мусор отнесен к космическим угрозам, которые требуют повышенного внимания¹¹. И.Ю. Штодина отмечает, что космический мусор является потенциальной угрозой глобальной безопасности [Штодина 2023]. При таком подходе к пониманию космического мусора государство должно выполнять охранительную функцию [Холиков, Гранина 2023:103], защищая свою территорию и население от космического мусора.

Обязанность государства защищать не только свои территорию и население, но и человечество, планету, вытекает из руководящих принципов, которые в числе прочего предусматривают разработку спутников и других космических аппаратов, которые могут выполнять контролируемое возвращение, что позволит сократить количество космического мусора, находящегося на орбите. При этом не стоит очищать орбиту, загрязнять Землю. Например, миссия ЕКА по возвращению спутника Aeolus предусматривала, что он войдет в атмосферу Земли 28 июля 2023 г. около 21 ч. по восточному времени над Антарктидой¹². Поскольку главное в таком возвращении – минимизация причинения вреда людям, возвращение спутников

планируется в незаселенные районы, в данном случае – в районы Атлантики или Антарктиды. Однако в любом случае причиняется вред окружающей среде, экосистемам. Устранить последствия физического и иного загрязнения Земли невозможно, учитывая, что не весь космический мусор, вернувшийся на Землю, находят¹³.

С 2016 г. в России функционирует Автоматизированная система предупреждений об опасных ситуациях в околоземном космическом пространстве (АСПОС ОКП), предназначенная для обеспечения безопасности космической деятельности, формирования предупреждений об опасных ситуациях в околоземном космическом пространстве и выдачи их потребителям, информирования органов государственной власти и организаций о возникновении угрозы для безопасности населения и окружающей среды, а также обеспечения выполнения международных обязательств Российской Федерации по проблемам космического мусора¹⁴.

Для целей функционирования указанной системы космические объекты условно разделяются на потенциально опасные и «космические объекты риска». Потенциально опасные космические объекты – это все космические объекты, представляющие собой опасный фактор воздействия на сопровождаемые космические аппараты. Космические объекты риска – все космические объекты, представляющие собой опасный фактор воздействия на окружающую среду при падении на Землю [Олейников 2015:158-162]. Отдельно космический мусор не указывается и не приводится его определение.

Следует упомянуть проекты законов США об орбитальной устойчивости, в которых даются следующие определения орбитального мусора: «Любой, созданный человеком космический объект, вращающийся вокруг Земли, который (А) больше не служит намеченной цели; и (В) (i) завершил свою миссию; или (ii) неспособен к безопасному маневрированию или эксплуатации»¹⁵, «(А) означает – (i) любой, созданный

¹¹ Постановление Президиума Российской академии наук от 15 января 2019 г. № 1 «О роли науки в изучении и парировании космических угроз». – *Справочная правовая система «Гарант»*.

¹² ESA: Aeolus: a Historic end To a Trailblazing Mission.

¹³ ESA: Recovered Debris. – *The Space Debris User Portal*. URL: <https://reentry.esoc.esa.int/home/recovereddebris> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁴ Роскосмос: Как Россия планирует контролировать космическое пространство. URL: <https://www.roscosmos.ru/33861/> (дата обращения: 18.12.2023).

¹⁵ Congress: Orbits Act of 2023. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/447/text?s=2&r=6&q=%7B%22search%22%3A%22ORBITS+Act%22%7D> (дата обращения: 22.02.2025).

человеком космический объект, вращающийся вокруг Земли, который (I) больше не служит намеченной цели; (II) достиг завершения своей миссии; или (III) неспособен к безопасному маневрированию или эксплуатации; и (ii) корпус ракеты и другое оборудование, оставшееся на орбите в результате нормального запуска и действий по эксплуатации; и (B) включает в себя фрагменты космического мусора, образовавшиеся в результате разрушения или столкновения искусственных космических объектов»¹⁶. Второе проектируемое определение учитывает не только космические объекты, запускаемые в космическое пространство, но и охватывает случаи «потери» в космосе других предметов, не относящихся к космическим объектам, но тем не менее способным причинить ущерб.

Во многих публикациях, посвященных загрязнению околоземного пространства, сокращению образования космического мусора при осуществлении космической деятельности, устойчивому развитию и другим подобным аспектам, во главу угла ставятся вопросы безопасности, рассматриваются способы сокращения космического мусора и критерии отнесения того или иного объекта к космическому мусору [Porova, Schaus 2018], однако, не уточняется, что представляет собой космический мусор с точки зрения права собственности.

Иными словами, в рамках концепции безопасности космической деятельности содержание понятия «космический мусор» не имеет существенного значения. Как правило, в публикациях отмечается главное – оценка риска возможного причинения вреда космическим аппаратам, людям, окружающей среде и проч. [Alessi, Rossi, Valsecchi 2017] Оценка риска потенциального причинения ущерба без определения понятия «космический мусор» возможна, но может быть затруднительна, особенно если речь идет о различных способах удаления космического мусора (некоторые из них могут быть применены и во враждебных целях, например, для сведения спутника с орбиты).

3. Концепция собственности о понятии «космический мусор»

Концепция собственности (права собственности) вынуждает нас по-иному взглянуть на космический мусор. Согласно Договору по космосу (ст. VIII) и Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, «Права собственности на космические объекты, запущенные в космическое пространство, включая объекты, доставленные или сооруженные на небесном теле, и на их составные части остаются незатронутыми во время их нахождения в космическом пространстве или на небесном теле, или по возвращении на Землю». Договор по космосу не предусматривает прекращения права собственности государства на нефункционирующие или вышедшие из строя космические объекты [Шинкарецкая 2024:119], поэтому вопросы доступа для физического манипулирования и удаления зарегистрированных объектов других государств являются неопределенными и весьма спорными в связи как с правом собственности, так и с сохранением юрисдикции запускающего государства (государства регистрации).

По мнению Д. Виджиано, космический мусор может рассматриваться в качестве космического артефакта и подлежать охране в качестве объектов исторического наследия [Viggiano 2011]. С ее точкой зрения о том, что космический мусор можно рассматривать как космический артефакт, можно согласиться, однако, остается открытым вопрос допустимости фактического национального присвоения космического пространства или поверхности небесного тела в связи установлением особой охраны космического мусора – артефакта – имущества определенного государства. Здесь стоит привести в пример США, которые каталогизировали мусор, оставленный миссиями на Луне¹⁷, и принимали в 2013 г. попытку принятия Закона о наследии посадки «Аполлона» на Луну¹⁸. Указанный законопроект предусматривал создание

¹⁶ Congress: Safe Orbit Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/428/text?s=2&r=3&q=%7B%22search%22%3A%22ORBITS+Act%22%7D> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁷ Final Catalog Of Manmade Material on the Moon: NASA History Program Office. URL: <https://archive.org/details/finalcatalogueofmanmadematerialonthemoon/mode/2up> (дата обращения: 11.12.2023).

¹⁸ Apollo Lunar Landing Legacy Act. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/2617> (дата обращения: 11.12.2023).

Национального исторического парка «Лунные посадочные площадки „Аполлона“» и организацию управления им, а сам парк предлагалось включить в систему национальных парков США. В дальнейшем предполагалось направить в ЮНЕСКО прошение о включении парка в список объектов Всемирного наследия, что позволяло бы США отстаивать права на участки лунной поверхности. В связи с противоречием этого законопроекта принципу запрета национального присвоения космического пространства, включая небесные тела (Договору по космосу), законопроект был отклонен¹⁹.

Это не остановило США и в 2020 г. они приняли Закон «Один маленький шаг к закону о защите человеческого наследия в космосе» (вступил в силу 31 декабря 2020 г.)²⁰, обязав Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) включать во все договоры, контракты, гранты и соглашения в качестве условия требование о соблюдении Рекомендаций НАСА о защите и сохранении исторической и научной ценности лунных артефактов правительства США²¹. При этом, чтобы обеспечить прохождение законопроекта еще в 2018 г., США опубликовали руководство по защите и сохранению лунных посадочных площадок и артефактов программы «Аполлон», подготовленное Управлением научно-технической политики (руководство по защите)²², где обосновывали не только необходимость дальнейшего наблюдения за воздействием лунной среды на лунные артефакты «Аполлона», но и право формировать на международном уровне политику, направлен-

ную на сохранение и защиту лунных артефактов. В руководстве по защите со ссылкой на Конституцию США (положения о собственности) (the U.S. Constitution (the “Property Clause”) и Закон о федеральной собственности 1949 г. (the Federal Property and Administrative Services Act of 1949) отмечается, что на оборудование и другое личное имущество, находящееся на поверхности Луны, сохраняется собственность США и они должны обеспечить сохранность и защиту такого имущества. Штаты не отказываются от своих планов по защите лунных артефактов посредством создания запретных зон, установления особых правил ответственности или других оправданных мер защиты. При этом отмечается, что их попытка создания механизма «установки флага» и притязаний на дополнительные территории в будущем под видом сохранения лунных объектов и артефактов может толковаться другими странами как получение прав на лунную территорию. Соединенные Штаты Америки также опасаются, что создание новых обязывающих норм международного права в космической сфере пойдет вразрез с аргументацией самих США о том, что космического права достаточно, и другие государства могут реализовать собственные инициативы, не соответствующие национальным интересам США, например, в части запрета добычи космических ресурсов²³. Государственным и частным организациям США было также рекомендовано начать международный диалог о способах уменьшения рисков, связанных с будущими исследованиями людьми и роботами лунных артефактов США и других стран²⁴.

¹⁹ В 2025 г. Всемирный фонд памятников включил Луну и объекты искусственного происхождения, находящиеся на ней, в список лунного наследия. – World monuments fund. The Moon. URL: <https://www.wmf.org/monuments/moon> (дата обращения: 25.01.2025).

²⁰ Congress: S.1694 – 116th Congress (2019–2020) – One Small Step to Protect Human Heritage in Space Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1694/text> (дата обращения: 11.12.2023).

²¹ NASA: NASA’s Recommendations to Space-Faring Entities: How To Protect and Preserve the Historic and Scientific Value of U.S. Government Lunar Artifacts. URL: https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2017/10/617743main_nasa-usg_lunar_historic_sites_reva-508.pdf (дата обращения: 11.12.2023).

²² Protecting & Preserving Apollo Program Lunar Landing Sites & Artifacts. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/03/Protecting-and-Preserving-Apollo-Program-Lunar-Landing-Sites-and-Artifacts-2.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

²³ Protecting & Preserving Apollo Program Lunar Landing Sites & Artifacts. P.5. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/03/Protecting-and-Preserving-Apollo-Program-Lunar-Landing-Sites-and-Artifacts-2.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

²⁴ Прим.: п. 9 Соглашения Артемиды предусматривает сохранение космического наследия, к которому относятся практически любые следы деятельности человека на небесных телах; положения о защите космического наследия включаются США и в двусторонние соглашения, например: US – European Space Agency – Memorandum of Understanding Concerning the Lunar Pathfinder Mission. Signed 15 June 2022. Article 18. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/10/22-615-European-Space-Agency-Space-Lunar-Pathfinder-6.15.2022-TIMS-63201.pdf> (дата обращения: 04.05.2025); US – Japan – Framework Agreement for Cooperation in the Peaceful Uses of Outer Space. Signed 13 January 2023. Article 16. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/11/23-619-Japan-Space-Cooperation-1.13.2023-TIMS-63329.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).

Следует обратить внимание и на Соглашения Артемиды. Одним из принципов Соглашений является обязательство стран-участниц планировать безопасную утилизацию мусора (раздел 12). В Соглашении используется термин *orbital debris* (орбитальный мусор)²⁵, таким образом, данный принцип касается только космического мусора на Лунной орбите и не затрагивает проблему физического загрязнения Лунной поверхности. Указанное также ставит под сомнение возможность соблюдения положений Соглашения о Луне странами, которые одновременно являются участником и Соглашения о Луне, и Соглашения Артемиды [Tronchetti, Liu 2021: 247].

Таким образом, содержание понятия «космический мусор» с позиций концепции собственности имеет особое значение [Орешенков 2024:54]. Для применения отдельных способов «очистки» [Popova, Schaus 2018; McKnight, Witner et al. 2021] околоземного пространства требуется установить, действительно ли тот или другой космический объект не функционирует, не имеет исторической и научной ценности для будущих поколений. Если этот объект можно использовать для ремонта других объектов на орбите²⁶, то его нельзя объявить мусором, поскольку отдельные его части вполне пригодны. Любой захват или уничтожение такого объекта, принадлежащего другому государству, может повлечь за собой судебные разбирательства, правила для которых придется разрабатывать ситуационно [Newman, Dinsley, Ralston 2021].

Можно провести аналогию с утилизацией автомобилей. В случае если автомобиль не пригоден к дальнейшей эксплуатации по каким-либо причинам (существенный износ, гибель, несоответствие экологическим требованиям и др.), собственник автомобиля снимает его с учета и направляет на переработку (разбор). Таким образом, он передает права собственности на автомобиль (то, что от него осталось) специальной организации. Космические объекты, вышедшие из эксплуатации, если государство (или другой собственник такого объекта) не намерено далее их использовать (например, продать или

разобрать на запчасти) или дожидаться, когда объект сгорит в атмосфере, должны быть исключены его из реестра объектов, запущенных в космическое пространство, и включены в реестр космического мусора. Нахождение объекта в реестре космического мусора будет означать выражение воли государства (другого собственника) на отчуждение этого объекта, а, соответственно, любое лицо с этого момента может «использовать» (захватить, утилизировать, переработать и т. п.) этот космический мусор. Представляется целесообразным в реестре космического мусора предусмотреть обязательное проставление отметки о том, что государство (другой собственник) отказывается от прав собственности на этот объект, которая будет свидетельствовать, что любое заинтересованное лицо с этого момента может использовать этот объект. В отношении мелких объектов космического мусора или частей, собственника которых установить затруднительно, представляется допустимым ввести «презумпцию бесхозного объекта» до тех пор, пока кто-либо (государство, физическое или юридическое лицо) не заявит о праве собственности на него, например, в целях сбора и переработки или иного способа использования.

4. Заключение

Увеличение угроз безопасности космической деятельности, рост актуальности управления космическим движением, необходимость очистки околоземного пространства и расширение сфер присутствия человека в окололунном пространстве и на Луне показывают, что на международном уровне следует продолжить диалог по сокращению угроз безопасности в космическом пространстве и утилизации «космического мусора».

Отсутствие четкого определения «космического мусора» создает правовые лакуны в части отнесения того или иного объекта к космическому мусору и может спровоцировать межгосударственные споры в связи с «захватом» и утилизацией объектов, находящихся в космическом

²⁵ Artemis Accords. URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf?emrc=653a00> (eng.); <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Translated-Versions-of-the-Accords.pdf?emrc=db2ad6> (рус.) (дата обращения: 15.02.2024).

²⁶ Согласно Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., спрос на техобслуживание орбитальных аппаратов и утилизацию космического мусора будет расти. См.: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. – *Справочная правовая система «Гарант»*.

пространстве или на поверхности небесных тел в связи с активным освоением последних. Кроме того, правовые лакуны затрудняют разработку и реализацию эффективных мер по очистке околоземного пространства, тормозят появление частных субъектов космической деятельности, занимающихся утилизацией, сортировкой и переработкой космического мусора на орбите.

В связи с изложенным, исходя из концепции собственности, на международном уровне предлагается закрепить единое понятие космического мусора, определить критерии отнесения ан-

тропогенных объектов к космическому мусору, а не культурному наследию человечества, сформировать реестр объектов космического мусора, а не просто каталогизировать их, ввести «презумпцию бесхозяйного объекта» в отношении мелких объектов космического мусора, установить ответственность за умышленное создание космического мусора. Предлагаемые превентивные меры позволят избежать конфликтов в будущем и будут способствовать долгосрочной устойчивости космической деятельности.

Список литературы

1. Адушкин В.В., Аксёнов О.Ю., Вениаминов С.С., Козлов С.И. 2019. Об оценке опасности мелкого космического мусора для космической деятельности и экологии Земли. – *Воздушно-космическая сфера*. № 3 (100). С. 72-81.
2. Макаров Ю.Н. 2019. Мониторинг техногенного засорения космического пространства. Проблемы и решения. – *Наноиндустрия*. № 1. Т. 12. С. 6-14.
3. Олейников И.И. [и др.]. 2015. Мониторинг техногенного засорения околоземного космического пространства и предупреждения об опасных ситуациях, создаваемых космическим мусором. Москва: ЦНИИ-маш. 244 с.
4. Орешенков А.М. 2024. Теоретические основы международно-правового аспекта удаления «космического мусора». – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 46-64.
5. Попова О.А. 2020. Международно-правовое регулирование использования космического пространства в мирных целях: основные концепции. – *Актуальные проблемы российского права*. № 7 (116). С. 129-144.
6. Ударцев С.Ф. 2022. Формирование космических государств и их космических войск. – *Право и государство*. № 3 (96). С. 6-32.
7. Холиков И.В., Гранина Е.Д. 2023. Ответственность в международном космическом праве. – *Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение*. № 6. С. 102-107.
8. Шинкарецкая Г.Г. 2024. Удаление космического мусора – настоятельная международно-правовая проблема. – *Правовая политика и правовая жизнь*. № 3. С. 114-122.
9. Штодина И.Ю. 2023. Есть ли будущее у Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела? – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 6. С. 96-102.
10. Якушева Р.Р., Агапова М.Р. 2022. Проблемы международно-правового регулирования космической деятельности в условиях ее коммерциализации. – *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. № 4. С. 97-106.

11. Alessi E.M., Rossi A., Valsecchi G.B. 2017. Environmental effect of space debris repositioning. – *Advances in Space Research*. Vol. 60. Issue 1. P. 28-37.
12. McKnight D., Witner R. [et al.]. 2021. Identifying the 50 statistically-most-concerning derelict objects in LEO. – *Acta Astronautica*. Vol. 181. P. 282-291.
13. Napper I.E., Thompson R.Ch., Bentley J. [et al.]. 2025. A sustainable development goal for space: Applying lessons from marine debris to manage space debris. – *One Earth*. Vol. 8. Issue 2. P. 1-15.
14. Newman Ch., Dinsley R., Ralston W. 2021. Introducing the law games: Predicting legal liability and fault in satellite operations. – *Advances in Space Research*. Vol. 67. Issue 11. P. 3785-3792.
15. Popova R., Schaus V. 2018. The Legal Framework for Space Debris Remediation as a Tool for Sustainability in Outer Space. – *Исследования космоса*. № 2. С. 175-224.
16. Su J., Zhu L. 2011. The Environmental Dimension of Space Arms Control. – *Proceedings of the International Institute of Space Law*. P. 50-51.
17. Tronchetti F., Liu H. 2021. Australia's signing of the Artemis Accords: a positive development or a controversial choice? – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 75 (3). P. 243-251.
18. Viggiano D.N. 2011. One Man's Space Junk is Another Man's Archaeological Treasure: The Potential for Conflict and Compromise in the Emerging Fields of Environmental and Historic Preservation Law in Outer Space. – *International Institute of Space Law*. P. 202-222.

References

1. Adushkin V.V., Aksenov O.Y., Veniaminov S.S., Kozlov S.I. Ob ocenke opasnosti melkogo kosmicheskogo musora dlya kosmicheskoy deyatel'nosti i e'kologii Zemli [The estimate of the small space debris danger for space activities and near-earth ecology]. – *Vozdushno-kosmicheskaya sfera [Aerospace Sphere Journal]*. 2019. № 3 (100). P. 72-81. (In Russ.)
2. Alessi E.M., Rossi A., Valsecchi G.B. Environmental effect of space debris repositioning. – *Advances in Space Research*. 2017. Vol. 60. Issue 1. P. 28-37.
3. Holikov I.V., Granina E.D. Otvetstvennost' v mezhdunarodnom kosmicheskom prave [Liability in internation-

- al space law]. – *Pravo v Vooruzhennyh Silah. Voенно-pravovoe obozrenie. [Law In The Armed Forces. Military-Legal Review]*. 2023. № 6. P. 102-107. (In Russ.)
4. Makarov Yu.N. Monitoring texnogennogo zasoreniya kosmicheskogo prostranstva. Problemy` i resheniya [Space debris monitoring. Problems and solutions]. – *Nanoindustriya [Nanoindustry]*. 2019. T. 12. № 1. P. 6-14. (In Russ.)
 5. McKnight D., Witner R. [et al.]. Identifying the 50 statistically-most-concerning derelict objects in LEO. – *Acta Astronautica*. 2021. Vol. 181. P. 282-291.
 6. Napper I.E., Thompson R.Ch., Bentley J. [et al.]. A sustainable development goal for space: Applying lessons from marine debris to manage space debris. – *One Earth*. 2025. Vol. 8. Issue 2. P. 1-15.
 7. Newman Ch., Dinsley R., Ralston W. Introducing the law games: Predicting legal liability and fault in satellite operations. – *Advances in Space Research*. 2021. Vol. 67. Issue 11. P. 3785-3792.
 8. Olejnikov I.I. [i dr.]. *Monitoring texnogennogo zasoreniya okolozemnogo kosmicheskogo prostranstva i preduprezhdeniya ob opasny`x situacijax, sozdavaemy`x kosmicheskim musorom [Monitoring of anthropogenic debris in near-Earth space and warnings of hazardous situations created by space debris]*. Moscow: CzNIlmash. 2015. 244 p. (In Russ.)
 9. Oreshenkov A.M. Teoreticheskie osnovy` mezhdunarodno-pravovogo aspekta udaleniya «kosmicheskogo musora» [Theoretical Basis of International Legal Aspect of “Space Debris” Removal]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 2. P. 46-64. (In Russ.)
 10. Popova O.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva v mirnyh celyah: osnovnye koncepcii. [International legal regulation of the use of outer space for peaceful purposes: basic concepts]. – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*. 2020. № 7 (116). P. 129-144. (In Russ.)
 11. Popova R., Schaus V. The Legal Framework for Space Debris Remediation as a Tool for Sustainability in Outer Space. – *Issledovaniya kosmosa [Space research]*. 2018. № 2. С. 175-224.
 12. Shinkaretskaya G.G. Udalenie kosmicheskogo musora – nastoyatel'naya mezhdunarodno-pravovaya problema [Space debris removal is an urgent international legal problem]. – *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal Policy And Legal Life]*. 2024. № 3. P. 114-122. (In Russ.)
 13. Shtodina I.Yu. Est' li budushchee u Dogovora o principah deyatel'nosti gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vklyuchaya Lunu i drugie nebesnye tela? [Does The Treaty On Principles Governing The Activities Of States In The Exploration And Use Of Outer Space, Including The Moon And Other Celestial Bodies, Have A Future?]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2023. № 6. P. 96-102. (In Russ.)
 14. Su J., Zhu L. The Environmental Dimension of Space Arms Control. – *Proceedings of the International Institute of Space Law*. 2011. P. 50-51.
 15. Tronchetti F., Liu H. Australia's signing of the Artemis Accords: a positive development or a controversial choice? – *Australian Journal of International Affairs*. 2021. Vol. 75 (3). P. 243-251.
 16. Udartsev S.F. Formirovanie kosmicheskikh gosudarstv i ih kosmicheskikh vojsk [Formation of space states and their space forces]. – *Pravo i gosudarstvo [Law and State]*. 2022. № 3 (96). P. 6-32. (In Russ.)
 17. Viggiano D.N. One Man's Space Junk is Another Man's Archaeological Treasure: The Potential for Conflict and Compromise in the Emerging Fields of Environmental and Historic Preservation Law in Outer Space. – *International Institute of Space Law*. 2011. P. 202-222.
 18. Yakusheva R.R., Agapova M.R. Problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya kosmicheskoy deyatel'nosti v usloviyah ee kommercializacii [Commercialization of space activities: international-law aspects]. – *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta [Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University]*. 2022. № 4. P. 97-106. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана Сергеевна ПОПОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления, МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119991

popova@spa.msu.ru
ORCID: 0000-0003-4594-668X

About the Author

Svetlana S. POPOVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

27, build. 4, Lomonosovskij Ave., Moscow, Russian Federation, 119991

popova@spa.msu.ru
ORCID: 0000-0003-4594-668X

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-49-70>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 13.03.2025
Принята к публикации: 10.06.2025

Александр Михайлович ОРЕШЕНКОВ

Кандидат юридических наук, советник в отставке

Митинская ул., 44, Москва, 125430, Российская Федерация

oream@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9660-5914

О КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ПРИСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается вопрос о таком распространенном в практике общения на международных «космических» площадках словосочетании как «космические ресурсы», которое без должного учета словарно-терминологической базы действующего международного права было введено в словарный оборот на этих площадках вследствие заимствования и некритичного использования части названия неформальной Гаагской рабочей группы по космическим ресурсам, созданной в 2014 г. Другим исследуемым вопросом является то, каким образом вне рамок международного договорного и обычного права решается вопрос наделения юридических и физических лиц правом присвоения природных ресурсов небесных тел (ПРНТ) под предлогом коммерциализации космической деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами для исследования являются договоры международного космического права (МКП), Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Конвенции Организации Объединенных Наций (ООН) по морскому праву 1982 г., доклады Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУ-ОС), а также его Юридического подкомитета (ЮПК), выступления представителей делегаций на их сессиях, труды российских и зарубежных ученых, нормативные акты и документы Соединенных Штатов Америки (США), Новой Зеландии, Гаагской рабочей группы по космическим ресурсам. Проводя сравнительный анализ правоустанавливающих актов и иных документов названных государств и группы, а также

отдельных положений международных договоров (с учетом их понятийного и словарно-терминологического содержания), автор использует общенаучный метод познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Нынешнее усиление интереса к вопросу освоения ПРНТ выявило необходимость уточнения международно-правовой основы данного понятия для его использования в дальнейших возможных практических и международно-правовых действиях мирового космического сообщества, направленных на решение проблем, связанных с освоением космического пространства. В статье исследуется соотношение между понятием ПРНТ, терминами природные ресурсы и полезные ископаемые, используемыми в международном праве, и американским термином «космический ресурс». Использование первого понятия и последнего термина для регулирования правоотношений в пространстве вне пределов государственного верховенства делает необходимым выяснение того, что собой представляет космическое пространство с точки зрения действующего МКП.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Согласно нормам действующего обычного и договорного МКП государства имеют лишь право распоряжения (в научных целях) образцами минеральных и других веществ небесных тел, которые по своей сути представляют собой ПРНТ. Оценивая существующую в настоящее время международно-правовую основу освоения ПРНТ, можно отметить, что наступательное внедрение коммерциализации их присвоения проводится при искусственно созданном застое в развитии МКП и одновре-

менных попытках использования норм национального законодательства за пределами территориального верховенства государств с целью создания там новой нормы международного обычного права. Конечным бенефициаром этих норм станут глобальные финансовые структуры, ради интересов которых и коммерциализируется космическая деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: космический/ие ресурс/ы и его/их составная часть – minerals, природные ресурсы небесных тел, а также их образцы в виде минеральных и других веществ, международно-правовой обычай о праве распоряжения такими образцами, коммерциализация космической деятельности, присвоение ПРНТ, Аккорды Артемиды

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ. Орешенков А.М. 2025. О коммерциализации присвоения природных ресурсов небесных тел. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 49–70. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-49-70>

В настоящей статье излагается исключительно личное мнение автора по исследуемым вопросам. Настоящая статья и содержащиеся в ней выводы никоим образом не должны рассматриваться в качестве отражения позиции учреждений и организаций, с которыми у автора существовали трудовые и иные отношения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-49-70>

Research article
UDC: 341
Received 13 March 2025
Approved 10 June 2025

Alexander M. ORESHENKOV

Candidate of Law Sciences, Retired counsellor
44, Mitinskaya St., Moscow, Russian Federation, 125430
oream@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9660-5914

ON THE COMMERCIALIZATION OF THE APPROPRIATION OF NATURAL RESOURCES OF CELESTIAL BODIES

INTRODUCTION. *The article examines the issue of such a common word combination in the practice of communication on international “space” platforms as “space resources”, which, without proper consideration of the vocabulary and terminology base of current international law, was introduced into vocabulary circulation there as a result of borrowing and uncritical use of part of the name of the informal Hague International Space Resources Governance Working Group, created in 2014. Another issue under study is how, outside the framework of international treaty and customary law, the issue of granting legal entities and individuals the right to appropriate natural resources of celestial bodies (NRCB) is resolved under the pretext of commercializing space activities.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials for the study are the international space law (ISL) treaties, the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, the UN Convention on the Law of the Sea of 1982, reports of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space (COPUOS), as well as its Legal Subcommittee (LSC), statements of some delegations at their sessions, works of Russian and foreign scientists, regulatory acts and documents of the USA, New Zealand, the Hague International Space Resources Governance Working Group. Carrying out a comparative analysis of regulatory acts and documents of the named states and group, as well as some provisions of international treaties (taking into account their conceptual, vocabulary and terminological*

content), the author uses the general scientific method of cognition.

RESEARCH RESULTS. The current increase in interest to the issue of the development of the NRCB has revealed the need to clarify the international legal basis for this concept for its use in further possible practical and international legal actions of the global space community aimed at solving problems associated with development of outer space. The article examines the relationship between the concept of NRCB, the terms natural resources and minerals used in international law, and the American term space resource. The use of the first concept and the last term to regulate legal relations in space outside the limits of state supremacy makes it necessary to clarify what outer space is from the point of view of the current ISL.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. According to the norms of the current customary and treaty ISL, states only have the right to dispose (for scientific purposes) samples of mineral and other substances of celestial bodies that, in essence, represent NRCB. Assessing the currently existing international legal basis for the development of the NRCB, it can be noted that the offensive implementation of the commercialization of their appropriation is carried out with an artificially created stagnation in the development of the ISL and simultaneous attempts to use the norms of national

legislation outside the territorial supremacy of states in order to create a new norm of international customary law there. The ultimate beneficiary of these norms will be global financial structures, for whose interests are commercialized space activities.

KEYWORDS: “Space resource/s” and its/their component “minerals”, natural resources of celestial bodies, as well as their samples in the form of mineral and other substances, international legal custom on the right to dispose such samples, commercialization of space activities, appropriation of NRCB, Artemis Accords

FOR CITATION: Oreshenkov A.M. 2025. On the Commercialization of the Appropriation of Natural Resources of Celestial Bodies. – *Moscow Journal of International Law*. No. 2. P. 49–70. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-49-70>

This article expresses exclusively the author’s personal opinion on the issues under study. This article and the conclusions contained therein should in no way be considered as reflecting the position of institutions and organizations with which the author had labor or other relationships.

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

13 октября 2023 г. с космодрома на мысе Канаверал (штат Флорида, США) ракетой-носителем Falcon Heavy компании SpaceX, принадлежащей И. Маску, был запущен межпланетный космический аппарат Psyche¹ для изучения одноименного малого космического тела, входящего в пояс астероидов между Марсом и Юпитером. Планетолог, профессор Л. Элкинс-Тэнтон при назначении ее руководителем одноименной миссии

в Национальном агентстве Соединенных Штатов по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) заявила ряду средств массовой информации², что стоимость «Психеи», состоящей из железа, никеля и серебра/золота, может составлять порядка 10 квинтиллионов долл. США. О том, какое значение придают в США данной миссии, созданной в 2017 г., свидетельствует хотя бы тот факт, что в период пиковой нагрузки в ней работало порядка 800 человек³, а по информации такого авторитетного финансово-

¹ Что известно о межпланетном космическом аппарате Psyche. – *Информационное агентство ТАСС*. URL: <https://tass.ru/info/19008567> (accessed date: 12.03.2025).

² Кой П. Астероид за 10 квинтиллионов долларов. – *Американская ежедневная газета «Нью-Йорк Таймс»*. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/08/opinion/psyche-asteroid-nasa-mining.html> (accessed date: 12.03.2025); Гулиани-Хоффманн Ф. По новому исследованию астероид Психея предположительно стоимостью 10 000 квадриллионов долларов наблюдается в телескопе Хаббл. – *Новостное агентство CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/31/us/psyche-asteroid-ultraviolet-trnd-scn/index.html#:~:text=About%20that%20staggering%20estimate%20that,strike%20for%2C%20according%20to%20Elkins%2DTanton> (accessed date: 12.03.2025).

³ Интервью Л. Элкинс-Тэнтон. – *Этот астероид из металла. Сайт НАСА*. URL: <https://www.nasa.gov/podcasts/gravity-assist/gravity-assist-this-asteroid-is-metal-with-lindy-elkins-tanton/> (accessed date: 12.03.2025).

экономического издания, как «Форбс», стоимость работ, выполняемых в ее рамках, составит 967 млн долл.⁴

Практическое исследование астероидов началось намного раньше старта к Психее⁵. Первым космическим аппаратом, который доставил на Землю образцы грунта астероида, был японский зонд «Хаябуса-1». Запустили его в 2003 г., в 2005 г. он смог взять пробы грунта на астероиде Итокава, а в 2010 г. благополучно доставить их на Землю, сбросив капсулу в запланированную точку в Австралии⁶. В 2004 г. Европейское космическое агентство запустило модуль «Розетта», который 10 лет спустя смог «приземлиться» на комету Чурюмова – Герасименко⁷. В 2014 г. Япония направила следующий модуль («Хаябуса-2») к астероиду Рюгу (сбор образцов грунта – 2018 г., сброс на Землю – 2020 г.⁸). Используя такую же схему, США запустили в 2016 г. аппарат OSIRIS-REx к астероиду Бенну. В 2020 г. он взял образцы его грунта, в сентябре 2024 г. сбросил их в капсуле на Землю⁹.

Миссии к астероидам Психея, Итокава, Рюгу, Бенну, комете Чурюмова – Герасименко представляют собой звенья одной цепи. В их основе –

гонка за ПРНТ. Практический интерес к астероидам во многом объясняется тем, что в будущем у космических аппаратов при возможном освоении и разработке малых небесных тел не будет необходимости преодолевать их гравитационное притяжение, которое приходится учитывать в случае посадки космических кораблей на планеты Солнечной системы или их спутники и взлета с них. Добытые на астероидах полезные ископаемые могут служить основой различных производств в космосе¹⁰.

Реализация следующего этапа гонки за ПРНТ возможна в этом году. 15 января частный космический корабль SpaceX Falcon 9 И. Маска отправил к нашему небесному спутнику лунный модуль Resilience¹¹, на котором находится микролуноход Tenacious, созданный люксембургской дочкой японской компании ispace.¹² Спустя 4,5 месяца после момента запуска луноход приступит к выполнению своей основной миссии – очередной попытке реализации планов по коммерческой продаже «лунных» ресурсов нашего спутника. Первую такую попытку, закончившуюся неудачей, японские коммерсанты предприняли весной 2023 г.¹³

⁴ Картер Дж. НАСА на пороге миссии стоимостью 967 миллионов долларов к странному астероиду «Психея», стоимость которого в 75 000 раз превышает стоимость нашей мировой экономики. – *Финансово-экономическое издание Форбс*. URL: <https://www.forbes.com/sites/jamiecartereurope/2021/02/03/nasa-in-final-phase-with-psyche-1-billion-mission-to-an-asteroid-worth-70000-times-our-global-economy/?sh=4476a52c7898> (accessed date: 12.03.2025). Для сравнения, согласно заявлению Д. Трампа, США потратили на войну на Украине 350 млрд долларов, что на 200 млрд больше расходов Европы. См.: Трамп: Зеленский уговорил США потратить \$350 млрд на войну, которую не выиграть. – *Информационное агентство ТАСС*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23190601?ysclid=m7u97jdgko963701048> (accessed date: 12.03.2025).

⁵ Астероиды: прошлые, настоящие и будущие миссии к малым телам. – *Max Polyakov Space*. URL: <https://maxpolyakov.com/asteroid-missions/> (accessed date: 12.03.2025).

⁶ Космический аппарат Хаябуса. – *Медийный интернет ресурс PROKOSMOS*. URL: <https://prokosmos.site/issledovaniya/kosmicheskij-apparat-hayabusa/> (accessed date: 12.03.2025).

⁷ Береснева Е. Жизнь, приключения и финал «Розетты». – *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/articles/rosetta-fin/> (accessed date: 12.03.2025).

⁸ Миссия зонда «Хаябуса-2» и как выглядит астероид Рюгу. – *Российская блог-платформа «Дзен»*. URL: <https://dzen.ru/a/Y3NTKqI09jBlwtM7> (accessed date: 12.03.2025).

⁹ Зайцев В. Путешествие Осириса: NASA потратило 7 лет, чтобы доставить на Землю 250 г. астероида. – *Сайт АО «Газета.Ру»*. URL: <https://www.gazeta.ru/science/2023/09/24/17616223.shtml> (accessed date: 12.03.2025).

¹⁰ Маринин И. «Сможет быть вечной»: ведущий инженер-проектант о Российской орбитальной станции. – *Медийный интернет ресурс PROKOSMOS*. URL: <https://prokosmos.ru/2025/02/20/smozhet-bit-vechnoi-vedushchii-inzhener-proektant-o-rossiiskoi-orbitalnoi-stantsii> (accessed date: 12.03.2025).

¹¹ Котов П. SpaceX запустила на Луну частные аппараты Firefly Blue Ghost и ispace Resilience. – *Электронное периодическое издание «3ДНьюс»*. URL: <https://3dnews.ru/1116780/spacex-otpravila-v-kosmos-chastnie-lunnii-moduli-blue-ghost-i-resilience?ysclid=m5y70g6f1q699266045> (accessed date: 12.03.2025).

¹² Джонс Э. Частный японский лунный модуль прибывает во Флориду перед январским запуском SpaceX. – *Онлайн-издание Space.com*. URL: https://www.space.com/space-exploration/missions/private-japanese-moon-lander-arrives-in-florida-ahead-of-january-spacex-launch-photos?utm_source=ixbtcom (accessed date: 12.03.2025).

¹³ Специалисты ispace рассказали детали жёсткой посадки японского модуля Hakuto-R на Луну, вероятно, с разрушением аппарата. – *Сайт Сообщества ITспециалистов Хабр*. URL: <https://habr.com/ru/news/731654/> (accessed date: 12.03.2025).

К реализации двух попыток были привлечены фирмы четырех стран – США, Японии, Люксембурга и ОАЭ, в которых приняты национальные законы о т.н. космических ресурсах¹⁴ [Орешенков 2024a]. С точки зрения понятийного аппарата, используемого в международном праве, «космические ресурсы» являются всего лишь словосочетанием, которое, по мнению российской исследовательницы М. Юзбашян, «невозможно оценить с точки зрения его соответствия международно-правовым понятиям» [Юзбашян 2017:71-86]. Кроме того, оно представляет собой подмену понятия ПРНТ (будет рассмотрено ниже), используемого в МКП.

Описанные события взаимосвязаны между собой; анализ этой взаимосвязи требует выяснения целого ряда недостаточно изученных вопросов. В их числе можно назвать соотношение между понятием ПРНТ и словосочетанием «космические ресурсы», нормами действующего МКП и попытками распространить действие национального законодательства на внеземное пространство путем создания нового обычая в МКП, отсутствие реакции международного «космического» сообщества на попытки подменить один из основополагающих принципов МКП новой нормой международного обычного права (будет рассмотрено ниже).

2. О словосочетании «космический/ие ресурс/ы»

Предыстория двух вышеупомянутых попыток, предпринятых в сфере, по совершению сделки купли/продажи «космических ресурсов», следующая. 13 октября 2020 г. ряд руководителей юридических лиц из четырех вышеназванных стран, а также еще несколько таких же подписантов объявили себя «Сигнатариями за» ряд государств и подписали документ под названием Аккорды Артемиды¹⁵ (в полном объеме круг затронутых вопросов будет рассмотрен ниже).

3 декабря 2020 г. НАСА (в рамках американской национальной программы Артемиды) объявило о результатах конкурса по коммерческому отбору неизвестно что собой представляющих «лунных ресурсов»¹⁶ – в частности, пыли, которая в свое время прилипла к подошвам американских астронавтов, высадившихся на Луне, и которую авторы статьи, указанной в сноске, называют еще и космическими ресурсами¹⁷. Непонимание авторами значения ключевых понятий, используемых ими в статье, отражает всего лишь отсутствие юридической чистоты в формулировках, применяемых американскими юристами в национальных нормативных актах и документах.

¹⁴ В ОАЭ принят не полноценный закон о космических ресурсах, а общий закон о космической деятельности с включением в него положения о «космических ресурсах» в отличие от других упомянутых государств, которые приняли отдельные нормативно-правовые акты по рассматриваемой проблематике.

¹⁵ Аккорды Артемиды (The Artemis Accords. Principles for cooperation in the civil exploration and Use of the Moon, Mars, comets, and asteroids for peaceful purposes). URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf?emrc=6779e6dd017f7> (accessed date: 12.03.2025) были разработаны во исполнение ст. 3, 4 Указа Президента США Д. Трампа № 13914 «О поощрении международной поддержки в вопросах добычи и использования космических ресурсов» от 6 апреля 2020 г. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed date: 12.03.2025).

¹⁶ Шерхольц С., Финч Дж. НАСА выбирает компании по сбору лунных ресурсов для демонстрации по Артемиде. 3 декабря 2020 г. – *Сайт НАСА*. URL: <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations/> (accessed date: 12.03.2025).

¹⁷ В соответствии с параграфом (2) ст. 51301 раздела IV закона «О конкурентоспособности коммерческих космических запусков» № 114-90 от 25 ноября 2015 г. (на который согласно ст. 401 можно сослаться как на «Закон об исследовании и использовании космического ресурса 2015 г.»; URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ90/html/PLAW-114publ90.htm> (accessed date: 12.03.2025)), где дается определение термину космический ресурс, такой ресурс не имеет привязки к небесным телам – он может находиться в любой точке (месте) космического пространства.

Такой подход был механически перенесен в Аккорды Артемиды. В десятой статье данного документа¹⁸ говорится о «космических ресурсах» с констатацией того, что их «добыча и использование... не являются национальным присвоением в соответствии со статьей II Договора по космосу, и что контракты и другие правоустанавливающие документы, касающиеся космических ресурсов, должны соответствовать этому Договору».

Следует отметить, что Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (Договор по космосу)¹⁹ не регулирует вопросы добычи природных ресурсов на небесных телах юридическими и физическими лицами и дальнейшего использования таковых. Порядок решения этих вопросов намечен в действующем международном Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Соглашение о Луне),²⁰ которое предусматривает создание «международного режима ... для регулирования эксплуатации природных ресурсов» не только нашего спутника, но и других небесных тел Солнечной системы.

Благодаря этому действующему Соглашению в международно-правовой оборот было введено такое понятие, как природные ресурсы небесных тел,²¹ часть которого заимствована из терминологии применяемого на Земле международного договорного и обычного права²². В частности, в ст. 11 Соглашения о Луне используется такое

понятие, как природные ресурсы, а согласно его ст. 1 «Положения настоящего Соглашения, относящиеся к Луне, применяются также к другим небесным телам Солнечной системы».

При рассмотрении природоресурсной проблематики за пределами территориального верховенства государств следует обратить внимание на соотношение между: терминами «ресурсы – resources», «полезные ископаемые – minerals» и понятием «минеральные ресурсы – mineral resources» (ст. 133 Конвенции ООН по морскому праву); понятиями «минеральные вещества – mineral substances» и «природные ресурсы – natural resources» (ст. 6 и 11 Соглашения о Луне соответственно); а также словом/понятием minerals, используемом в Законе США об исследовании и использовании космического ресурса 2015 г.

Так, ст. 133 (Употребление терминов) Конвенции по морскому праву гласит, что: «а) «ресурсы – resources» означают все твердые, жидкие или газообразные, минеральные ресурсы (mineral resources), включая полиметаллические конкреции, *in situ* (курсив наш. – А.О.) в Районе на морском дне или в его недрах; и b) ресурсы, когда они извлечены из Района, рассматриваются как «полезные ископаемые – minerals».²³

Как представляется, не требует каких-либо обоснований утверждение о том, что «образцы минеральных и других веществ – samples of... mineral and other substances», указанные в ст. 6 Соглашения о Луне, представляют собой часть

¹⁸ Вопрос о том, что собой представляет в английском языке термин документ, рассмотрен в статье «Статус Межагентского координационного комитета по космическому мусору как международной структуры» [Орешенков 2024б], где, в частности, приводится следующее определение документу из ст. 2В английского Акта об интерпретации законов 1901 г., согласно которой «документ означает любую запись информации и включает в себя: (а) все, на чем есть надпись; и (b) все, на чем есть знаки, цифры, символы или перфорация, имеющие значение для лиц, наделенных правом их интерпретировать; и (с) все, из чего могут быть воспроизведены звуки, изображения или надписи с помощью чего-либо еще или без таковой; и (d) карта, план, рисунок или фотография». См.: Acts interpretation act 1901. URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/aia1901230/s2b.html (accessed date: 12.03.2025).

¹⁹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (accessed date: 12.03.2025).

²⁰ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (accessed date: 12.03.2025).

²¹ Вопрос о введении в международный оборот словосочетания «космический/е ресурс/ы» будет рассмотрен ниже.

²² См., напр., ч. 1, 2 и 4 ст. 73, а также п а) ст. 133 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (accessed date: 12.03.2025)), благодаря которым в международно-правовой оборот были введены понятие природные ресурсы (применительно к континентальному шельфу) и термин ресурсы (применительно к международному «району» морского дна).

²³ Подробно вопрос о различии в значении и статусе терминов «ресурсы» и «полезные ископаемые», используемых в Конвенции, рассмотрен в статье «Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств?» [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023].

природных ресурсов небесных тел, указанных в ст. 11 того же Соглашения – «природных ресурсов там, где они находятся – *natural resources in place*» (курсив наш. – А.О.).

Если государства могут приобретать право распоряжаться образцами минеральных веществ небесных тел согласно нормам международного обычного права (будет рассмотрено ниже) и ст. 6 Соглашения о Луне, то порядок приобретения права собственности на них предусматривается в рамках международного режима, который изначально предполагалось установить в соответствии со ст. 18 данного Соглашения.

В ст. 51301 закона США об «Исследовании и использовании космического ресурса 2015 г.»²⁴ речь идет о двух видах ресурсов – «ресурсе астероида» и «космическом ресурсе». В параграфе (1) данной статьи для придания первому ресурсу значения термина используется не имеющее ни юридического, ни смыслового значения словосочетание «космический ресурс». В параграфе (2) той же статьи идентичное словосочетание «космический ресурс» приобретает значение термина (благодаря данному ему определению), и только после этого его можно было бы использовать в качестве термина для определения «ресурса астероида», как мы это видим в первоначальном тексте ст. 51301 проекта вышеназванного закона, представленного в Палату представителей Конгресса Соединенных Штатов 15 марта 2015 г.²⁵

Согласно общепринятой юридической практике и обычной логике (каковым следовали разработчики в первоначальном тексте законопроекта) для придания отдельным словам или

словосочетаниям значения термина используются определения, которые несут на себе определенную смысловую нагрузку. В первом параграфе ст. 51301 действующего американского закона словосочетание «космический ресурс» такой логико-смысловой нагрузки на себе не несет, поскольку определение ему дается в следующем параграфе.

Согласно параграфу (2) ст. 51301 американского Закона об исследовании и использовании космического ресурса: «(А) Термин «космический ресурс» означает абиотический ресурс по месту его нахождения (*in situ*) в космическом пространстве. (В) В термин «космический ресурс» включены вода и *minerals*»²⁶.

Из информации, размещенной на одной из веб-страниц сайта университета Кентукки, следует, что определения слова *minerals*²⁷, используемые в различных сферах научно-хозяйственной и нормативной деятельности в США пока что не привели к тому, чтобы это понятие приобрело статус термина, применимого к любому виду деятельности. Так, согласно определению ст. 21а раздела 30 Свода законов США: «Для целей настоящей статьи *minerals* включают в себя все *minerals* и минеральное топливо, включая нефть, газ, уголь, горючие сланцы и уран»²⁸.

В юридическом словаре *Black's Law Dictionary* (1979, стр. 897) отмечается, что слово *mineral* «не является определенным термином и допускает ограничения или расширения в зависимости от намерения, с которым оно используется»²⁹, в частности, оно может включать в себя воду³⁰. То есть, американские законодательство и подходы

²⁴ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ90/html/PLAW-114publ90.htm> (accessed date: 12.03.2025).

²⁵ "§ 51301. Definitions "In this chapter: "(1) SPACE RESOURCE. – The term 'space resource' means a natural resource of any kind found in situ in outer space. "(2) ASTEROID RESOURCE. – The term 'asteroid resource' means a space resource found on or within a single asteroid. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1508/text> (accessed date: 12.03.2025).

²⁶ "§ 51301. Definitions "In this chapter: "(1) ASTEROID RESOURCE. – The term 'asteroid resource' means a space resource found on or within a single asteroid. "(2) SPACE RESOURCE. – "(A) IN GENERAL. – The term 'space resource' means an abiotic resource in situ in outer space. "(B) INCLUSIONS. – The term 'space resource' includes water and minerals. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ90/html/PLAW-114publ90.htm> (accessed date: 12.03.2025).

²⁷ Many definition of minerals. – Сайт университета Кентукки. URL: https://www.uky.edu/KGS/rocksmineral/minerals_definition.pdf (accessed date: 12.03.2025).

²⁸ 2018 U.S. Code Title 30 – Mineral Lands and Mining Chapter 2 – Mineral Lands and Regulations in General Sec. 21a – National mining and minerals policy; "minerals" defined; execution of policy under other authorized programs URL: <https://law.justia.com/codes/us/2018/title-30/chapter-2/sec-21a/> (accessed date: 12.03.2025).

²⁹ Black H.C. 1979. Black's law dictionary. Rev. 5th ed. St. Paul, Minn.: West Publishing Co. P. 897. URL: https://freelawlibrary.org/wp-content/uploads/2022/10/5th_Edition.pdf (accessed date: 12.03.2025).

³⁰ Many definition of minerals. – Сайт университета Кентукки. URL: https://www.uky.edu/KGS/rocksmineral/minerals_definition.pdf (accessed date: 12.03.2025).

(в зависимости от отрасли научных знаний) к понятию *mineral/s* не дают четкого и однозначного определения слову «*minerals*» даже для его использования в национальном словарно-терминологическом обороте в пределах государственной территории США.

Вопрос о том, почему это американское понятие вводится в закон, предназначенный для его использования за пределами Соединенных Штатов, в космическом пространстве, изъятом из сферы распространения государственного суверенитета (будет рассмотрено ниже), можно оставить на совести разработчиков закона и американских конгрессменов, утвердивших его.

Как было рассмотрено выше, согласно нормам международного договорного и обычного права, действующего в пространствах за пределами территориального верховенства государств, включая США, термином *minerals* обозначены полезные ископаемые, которыми становятся природные ресурсы после их добычи (изъятия) из природной среды. В то же время добытые «полезные ископаемые – *minerals*», на которые можно установить право собственности, в частности, за пределами территориального верховенства государств, не могут (в силу норм международного права, а также национального законодательства тех же США) быть составной частью «ресурсов – *resources*», еще не изъятых из природной среды.

В статье «Международно-правовая космическая политика США. Приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств?» [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023] ее авторы при исследовании вопроса соотношения понятий «*resources*» и «*minerals*», используемых в определении «космического ресурса» приходят к выводу о том, что: «Вопреки устоявшемуся разграничению статуса природных ресурсов (в их естественной среде) от правового положения уже извлеченных полезных для человека веществ в правовых документах США стёрта грань между первым и вторым.» Данный вывод однозначно приложим к положениям американского закона о космическом ресурсе. Однако на территории США, согласно американскому горному законодательству, право

собственности возникает как правило в отношении уже добытых полезных ископаемых (“*title to the minerals cannot be generally transferred to private citizens until the minerals have been severed from the ground*” [Shaw, Whitmore 2021]³¹).

Раздел IV Закона США «О конкурентоспособности коммерческих космических запусков» озаглавлен как *Space resource exploration and utilization*. На русский язык он переводится как «Исследование и использование космического ресурса». Но если в Договоре по космосу для регулирования взаимоотношений между государствами используется слово «*use* – использование», то в американском законе применен его аналог – слово *utilization*, которое используется в первую очередь для регулирования частноправовых отношений.

В главе 513 вышеназванного раздела конкретизируется, что американские конгрессмены имеют в виду не международно-правовое взаимодействие государств в космосе по вопросам его исследования и использования (*exploration and use*), а коммерческие (данное прилагательное относится сразу к двум следующим за ним существительным и его следует воспринимать во множественном числе) разведку и использование космического ресурса частными лицами и компаниями (*Space resource commercial exploration and utilization*). Тот же подход, но уже четко и недвусмысленно виден в названии ст. 51032 Закона – «Коммерческая разведка и коммерческое извлечение/добыча – *Commercial exploration and commercial recovery*».

При возложении на Президента США ряда обязанностей по облегчению коммерческой деятельности граждан Соединенных Штатов за пределами территориально-пространственного верховенства данного государства, американские законодатели используют в ст. 51302 закона то ли словосочетание, то ли термин «космический ресурс» уже во множественном числе (*space resources*), и оставляя тем самым Президента США в полном неведении относительно круга возлагаемых на него обязанностей. В силу такой неопределенности Президент вторым абзацем ст. 1 своего Указа «О поощрении международной

³¹ После публикации международно-правового экспресс-анализа «Американо-украинская сделка по природным ресурсам Украины» (А.М. Орешенков). URL: <https://iarex.ru/articles/147728.html?ysclid=mbherabz8a561419637> (accessed date: 08.05.2025) сайт <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/> сделал полностью недоступной статью “Mining in the United States: overview”, на которую дает ссылку автор экспресс-анализа.

поддержки в вопросах извлечения и использования космических ресурсов» от 5 апреля 2020 г.³² включает в состав «космических ресурсов» еще и некие «лунные ресурсы», которые опять-таки не несут на себе никакой смысловой нагрузки, поскольку ни МКП, ни национальное американское законодательство не дают определения этому словосочетанию.

Приведенные соображения позволяют квалифицировать «космические и лунные ресурсы» (с точки зрения МКП) как словосочетания, внедренные или внедряемые в международный оборот и не несущие на себе согласованной в международно-правовом порядке смысловой нагрузки. Кроме того, вышеизложенное позволяет сделать вывод о полном отсутствии юридической чистоты в ключевых положениях закона США о космическом ресурсе, который наделяет американских граждан (в частности, за счет использования рассмотренных выше приемов «юридической» техники) правом в коммерческом порядке присваивать ПРНТ.

В статье «Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы» [Беркман, Вылегжагин, Модюи, Юзбашян 2018] ее авторы совершенно справедливо отмечают, что: «Договор по космосу определяет основные элементы правового режима космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, но не устанавливает конкретных правил в отношении правового режима природных ресурсов небесных тел, а также не запрещает возможное использование таких ресурсов». Последнее замечание применимо к взаимоотношениям субъектов международного права в космическом пространстве, но в американском законе речь идет о наделении частных лиц и компаний правом присваивать ПРНТ в коммерческом порядке на основании норм национального законодательства, разработанных без всяких оснований в МКП (будет рассмотрено ниже).

Кроме того, следует отметить, что субъектами международного права в космосе выступают государства, а согласно нормам международного обычного права они располагают правомочием по распоряжению образцами минеральных и других веществ, собранными на небесных телах, для использования в научных целях. Эта норма международного обычного права (основа его возникновения будет рассмотрена ниже) была кодифицирована в нормы международного договорного права – ст. 6 Соглашения о Луне.

Соответственно, у США как субъекта МКП, располагающего правом распоряжения собранными образцами минеральных веществ в научных целях, нет оснований для того, чтобы наделить своих граждан за счет применения национального законодательства за пределами государственного верховенства большим объемом прав (в частности, правом собственности) на некий «космический ресурс» для его коммерческого использования.

В этом может быть одно из объяснений того, почему согласно ст. 2 Указа Президента США № 13914 «О поощрении международной поддержки в вопросах добычи и использования космических ресурсов»: «Государственный секретарь должен возражать против любой попытки любого другого государства или международной организации рассматривать Соглашение о Луне как отражающее или иным образом выражающее обычное международное право»³³.

3. Оценка сделок НАСА по коммерческому приобретению реголита с учетом применимых норм МКП

По результатам вышеупомянутого отборочного конкурса от 3 декабря 2020 г. НАСА выбрало четыре компании: Lunar Outpost – Голден (Колорадо)³⁴, Masten Space Systems – Мохаве (Калифорния), ispace Europe – Люксембург и ispace

³² Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed date: 12.03.2025).

³³ Указ Президента США Д. Трампа № 13914 «О поощрении международной поддержки в вопросах добычи и использования космических ресурсов» от 6 апреля 2020 г. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed date: 12.03.2025).

³⁴ Lunar Outpost планировала стать первой в «продаже космических ресурсов в истории человечества (см. раздел Lunar Voyage 1) URL: <https://www.lunaroutpost.com/missions> (accessed date: 12.03.2025). Однако 6 марта 2025 г. ее миссия аналогично первой миссии ispace закончилась неудачей (сайт русскоязычного интернет-издания IXBT.com, веб-страница «Луноход MAPP миссии «Афина» пережил посадку, но боковая ориентация зонда сорвала его развёртывание»). URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/03/11/lunohod-mapp-missii-afina-perezhil-posadku-no-bokovaja-orientacija-zonda-sorvala-ego-razvjortyvanie.html> (accessed date: 12.03.2025).

Япан – Токио. Общая сумма контрактов, согласно которым агентство планирует приобрести право собственности на собранный реголит, составляет символическую сумму – 25.001 долл. При заключении договора компании получают 10 % причитающейся им суммы, при запуске модулей – 10 % и оставшиеся 80 % – после успешного завершения миссии³⁵.

Согласно заключенным контрактам, роверы компаний должны сгрести некоторое количество реголита в любом месте Луны, представить НАСА снимки выемки и собранного в кучку реголита³⁶, а также данные, идентифицирующие местоположение выемки. После получения таких изображений и идентификационных данных происходит передача права собственности американскому агентству на реголит на месте – *in place*. После «передачи права собственности» собранные образцы грунта становятся исключительной собственностью НАСА для их использования данным агентством в рамках программы Артемиды. В информации НАСА³⁷ нет сведений о том, как и когда агентство воспользуется реголитом, который сгреб в кучку японо-люксембургский ровер.

Идея сделки купли/продажи реголита, реализуемая американским агентством, заимствована из положений ст. 6 Соглашения о Луне, предусматривающих, что государство, которое собрало «образцы минеральных и других веществ – *samples of its mineral and other substances*» (но не природных ресурсов, о которых говорится в ст. 11 Соглашения о Луне) будет располагать только составной частью права собственности на них – правом распоряжения (*disposal*)³⁸.

Технические условия миссии и условия контрактов не предусматривают, что *ispace* будет осуществлять такие неотъемлемые составные части права собственности на реголит как правомочия по владению и пользованию им. В современных условиях для этого необходимо доставить собранные образцы на Землю. Применительно к рассматриваемому случаю происходит передача «права собственности» субъектом международного права, которое не располагает в полном объеме правом собственности на собранные образцы минеральных веществ, юридическому лицу, которое согласно условиям контракта должно установить на него полное право собственности в силу частноправового договора сделки купли/продажи, основанного на нормах национального законодательства США.

Предполагается, что при этом НАСА должно использовать положения ст. 51303 Закона 2015 г., которая не наделяет агентство правом приобретать «приобретенный космический ресурс – *space resource obtained*», а кроме того правом участвовать в подобного рода сделках, поскольку оно не занимается извлечением ни ресурса астероида, ни космического ресурса,³⁹ как это предусматривают положения указанной статьи. (Согласно условиям сделки агентство, которое не занимается извлечением «*космического ресурса*», приобретает право собственности на «*космические ресурсы*»?) Таким образом, для НАСА не только в международном праве, но и в американском законодательстве отсутствует юридическая основа совершения подобного рода сделок.

³⁵ НАСА выбирает компании по сбору лунных ресурсов для демонстрации по Артемиде. – *Сайт НАСА*. 3 декабря 2020 г. URL: <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations/> (accessed date: 12.03.2025).

³⁶ Jones A. Японская компания *ispace* представила микроровер для своей второй миссии на Луну. – *Онлайн-издание Space.com*. URL: <https://www.space.com/ispace-unveils-private-moon-rover-second-mission> (accessed date: 12.03.2025).

³⁷ НАСА выбирает компании по сбору лунных ресурсов для демонстрации по Артемиде. – *Сайт НАСА*. 3 декабря 2020 г. URL: <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations/> (accessed date: 12.03.2025).

³⁸ Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/moon-agreement.html> (accessed date: 12.03.2025).

³⁹ Согласно § 51303. Asteroid resource and space resource rights “A United States citizen engaged in commercial recovery of an asteroid resource or a space resource under this chapter shall be entitled to any asteroid resource or space resource obtained, including to possess, own, transport, use, and sell the asteroid resource or space resource obtained in accordance with applicable law, including the international obligations of the United States”. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ90/html/PLAW-114publ90.htm> (accessed date: 12.03.2025).

Первые образцы минеральных веществ с поверхности Луны были собраны и доставлены на нашу планету американскими миссиями Аполлон в 1969–1972 гг.⁴⁰ За ними в 1970-е гг. ту же задачу выполнили советские миссии⁴¹. Американские и советские миссии заложили основу международно-правового обычая распоряжения «образцами минеральных... веществ», собранных на небесном теле, который был кодифицирован в нормы международного договорного права (ст. 6 Соглашения о Луне). Япония в рамках вышеназванных миссий «Хаябуса-1» и «Хаябуса-2» реализовала свои права в рамках данного международно-правового обычая. В случае с Resilience и Tenacious Япония, но не *in space* может реализовать свое право распоряжения реголитом, используя нормы международного обычного права.

4. Статус космического пространства с точки зрения МКП

Статья I Договора по космосу устанавливает, что «использование космического пространства ... является достоянием всего человечества – province of all mankind» (но не отдельных стран или их группировок. – *Прим. авт.*). Согласно ст. III: «Государства – участники Договора осуществляют деятельность по... использованию космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций (но не национальных законов, разработанных без учета действующих норм международного договорного права. – *Прим. авт.*)».

В ст. VIII Договора по космосу говорится, что: «Государство-участник Договора, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию... над... (космическим) объектом и над любым экипажем этого объекта во время их нахождения в косми-

ческом пространстве»⁴². Других форм и аспектов государственного верховенства в космическом пространстве положения действующего МКП не устанавливают.

Российская исследовательница О. Жаркова, касаясь вопроса юрисдикции государства за пределами его территориального верховенства, пишет: «В работах известных советских/российских ученых Б.М. Клименко, Ю.Г. Барсегова и С.В. Молодцова отмечается „не только различие между самими понятиями ‘суверенитет’ и ‘юрисдикция’, но и то обстоятельство, что юрисдикция, являющаяся аспектом суверенитета в пределах государственной территории, имеет самостоятельное значение по своей природе за пределами территориального суверенитета государства (зональная юрисдикция). Хотя принципиальная совокупность правомочий (юрисдикция) государства остается единой: законодательные, судебные и административные, но объем их и правовая природа различны: либо они основаны на суверенитете государства, либо установлены (признаны) нормами международного права“». [Жаркова 1996:89-93]

Исходя из вышеприведенных положений Договора можно сделать вывод, что основой взаимоотношений между субъектами международного права по использованию космического пространства, а также основой осуществления в нем юрисдикции государств над национальными юридическими и физическими лицами являются нормы МКП. Положения названных статей Договора дают основания квалифицировать космическое пространство как *внеземное пространство общего пользования, изъятые из сферы распространения государственного суверенитета*⁴³ за исключением его юрисдикционного аспекта, имеющего целевой характер и осуществляемого на основании и в соответствии с нормами международного договорного права.

⁴⁰ Лунные камни и почва с миссий «Аполлон». – *Сайт НАСА*. URL: <https://www-curator.jsc.nasa.gov/lunar/index.cfm> (accessed date: 12.03.2025).

⁴¹ Ячменникова Н. Как и почему ученые на Земле делятся добытым лунным грунтом. – *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2024/02/25/kak-i-pochemu-uchenye-na-zemle-deliatsia-dobytym-lunnym-gruntom.html?ysclid=m6a7bqk5kh416000558> (accessed date: 12.03.2025).

⁴² ООН: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

⁴³ См. Соглашение о Шпицбергене, заключенное в форме обмена нотами между заинтересованными государствами в 1871-72 гг. См.: Деканозов Р.В. Международно-правовое положение Шпицбергена: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск. 1966. С. 139.

Во взаимосвязи с положениями вышеназванных статей ст. VI Договора устанавливает, что «государства – участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в настоящем Договоре».

Известный российский юрист-международник И.И. Лукашук констатирует: «Режим международных пространств – воздушного и космического, открытого моря – целиком определяется международным правом. Во всех международных пространствах безусловный примат принадлежит международному праву. Оно определяет, в какой мере здесь может действовать внутреннее право»⁴⁴. Соответственно, субъектами права в этих пространствах выступают государства, но не физические или юридические лица.

В то же время по мнению, озвученному преподавательницей Объединенного университета сил специального назначения США Н. Госвами, частная японская миссия на Луну, отправленная в космос на частном космическом корабле и «спонсируемая» НАСА, «изменит правила игры в космосе» [Goswami 2023]. Очевидно, автор статьи подразумевает под этим возможность утверждения в космосе нового международного обычая, в рамках которого за пределами территориального верховенства государств будут применяться нормы их национального законодательства для присвоения природных ресурсов небесных тел частными лицами и компаниями, находящимися под их юрисдикцией.

В условиях искусственно созданного застоя в вопросах утверждения новых международно-правовых норм [Блажеев, Ястребова, Толстопятенко 2021:2], разработанных в должном объеме и подробно регламентирующих режим использования космического пространства, в частности, освоения ПРНТ, США законом об «Исследовании

и использовании космического ресурса 2015 г.» установили национальный режим их присвоения и использования.

Такой ход позволяет им привлечь для экспансии в космос частный капитал не только Соединенных Штатов, но и других государств при лидирующей и координирующей роли США, экономическое превосходство которых создает возможности для создания качественного отрыва этого государства от других стран в области космических технологий, которые послужат основой для закрепления доминирования Соединенных Штатов в научно-технической сфере космической деятельности, которая, в свою очередь, во многом определит переход мировой экономики на качественно новый уровень [Логинов, Логинов 2010:52-61].

5. Коммерциализация космической деятельности

Для продвижения своих интересов в природоресурсной сфере в космосе США использовали опыт проработки вопроса о присоединении к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В связи с этим следует упомянуть, что Президент США Р. Рейган в указанном году назначил Д. Рамсфельда⁴⁵ своим специальным представителем по вопросам Конвенции ООН по морскому праву⁴⁶.

Одна из главных причин того, почему США до сих пор не являются участниками данного соглашения, – режим освоения природных ресурсов международного «района» морского дна. Выступая в июне 2012 г. в Сенате на слушаниях о присоединении Соединенных Штатов к данной Конвенции, он заявил: «Не думаю, что США должны поддерживать договор, который обязывает продуктивные страны делать отчисления в пользу менее продуктивных стран, основываясь на риторике об общем наследии человечества».

Идея распределения богатств, заложенная в Конвенцию по морскому праву, вызывает особые возражения, поскольку механизм этого распределения разработан неудачно. В соответствии с ним создается новый международный орган

⁴⁴ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. М.: Волтерс Клувер. 2007. С. 249.

⁴⁵ Позднее будет назначен на пост Министра обороны США.

⁴⁶ Биография Д. Рамсфельда. – *Министерство обороны США*. URL: <https://www.defense.gov/About/Biographies/Biography/Article/602800/> (accessed date: 12.03.2025).

по морскому дну, который фактически является агентством ООН, а не Конгресса США». Более того, он даже предупредил, что «ратификация Конвенции ООН по морскому праву может создать *прецедент* (курсив наш. – А.О.) в отношении ресурсов космического пространства»⁴⁷.

Данная точка зрения отражает также и позицию США, нашедшую выражение в национальной политике данного государства, утвержденной Президентом США Б. Обамой в 2006 г., согласно одному из направлений которой: «Соединенные Штаты будут выступать против разработки новых правовых режимов или других ограничений, направленных на запрет или ограничение доступа США к космосу или его использования»⁴⁸.

Именно этими постулатами можно объяснить застой в развитии МКП [Блажеев, Ястребова, Толстопятенко 2021:2]; практически полное отсутствие единой терминологии, устанавливающей единый подход к пониманию порядка освоения космического пространства; коммерциализацию использования космического пространства без должной основы в международном праве; обсуждение в ЮПК КОПУОС ООН проблематики (не несущих на себе смысловой нагрузки) «космических ресурсов», сопровождающееся попытками придать хоть какое-то значение этому словосочетанию⁴⁹ (возможно в каком-нибудь юридически необязательном документе⁵⁰. – *Прим. авт.*).

Соединенные Штаты Америки запустили процесс коммерциализации космической деятельности сразу же после завершения миссии Д. Рамсфелда – уже в 1984 г. был принят Закон о коммерческих космических запусках⁵¹. Через четверть века в Национальной космической политике США 2010 г. термину «коммерческий» было дано определение, где он «для целей этой политики относится к космическим товарам, услугам или видам деятельности, предоставляемым предприятиями частного сектора, которые... обладают правоспособностью предлагать эти товары или услуги существующим или потенциальным негосударственным клиентам»⁵².

Несмотря на данное определение, по мнению основателя и редактора веб-сайта SpacePolicyOnline.com М. Смит, проработавшей 31 год в Исследовательской службе Конгресса США⁵³: «Трудно определить, что делает космическую деятельность «коммерческой»⁵⁴. В то же время ее коммерциализация заставляет задуматься о том, кто же станет бенефициаром коммерческого освоения ПРНТ, а может и властелином космоса. И здесь сразу же обращает на себя внимание активное участие таких «молодых» американских миллиардеров, как И. Маск и Дж. Безос в последней избирательной кампании Д. Трампа.

Однако в США есть более мощные структуры, которые в силу их финансовых возможностей

⁴⁷ Rumsfeld D. Senate Statement on Law of the Sea Treaty. 14 June 2012. – AmericanRethoric. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/donaldrumsfeldlawofseatreaty.htm> (accessed date: 12.03.2025).

⁴⁸ Национальная космическая политика США, утвержденная Президентом Б. Обамой в 2006 г. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nspd/space.html> (accessed date: 12.03.2025).

⁴⁹ Вклад в Рабочую группу по правовым аспектам деятельности в области космического ресурса (*Legal Aspects of Space Resource Activities*) (курсив наш. – А.О.) по сфере охвата и темам, которые будут рассмотрены на Международной конференции, которая состоится в 2024 г. URL: https://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/documents/2023/aac.1052023crp/aac.1052023crp_7_0.html (accessed date: 12.03.2025); Вклады Алжира, Австралии, Бразилии, Кубы, Эквадора, Российской Федерации, Словацкой Республики и Турции. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_1052023crp/aac_1052023crp_7_0_html/AC105_2003_CRP07E.pdf (accessed date: 12.03.2025).

⁵⁰ См. Комитет по использованию космического пространства в мирных целях ООН. Пятьдесят шестая сессия. Вена. 12-21 июня 2013 г. Пункт 7 повестки дня. Доклад Юридического подкомитета о работе его пятьдесят второй сессии «Новый пункт повестки дня „Общий обмен информацией о юридически необязательных документах Организации Объединенных Наций по космосу“». Предложение, представленное Японией при поддержке Австрии, Канады, Нигерии, США и Франции. URL: https://www.unoosa.org/pdf/limited/l/AC105_L288R.pdf (accessed date: 12.03.2025).

⁵¹ Более подробно о коммерциализации см. статью «Политика и законодательство США в области освоения природных ресурсов небесных тел (международно-правовые аспекты)» [Абашидзе, Черных 2022].

⁵² «Национальная космическая политика Соединенных Штатов», утвержденная Президентом США Б. Обамой 15 апреля 2010 г. URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2024/01/national-space-policy-6-28-10.pdf> (accessed date: 12.03.2025).

⁵³ О нас. – SpacePolicyOnline.com. URL: <https://spacepolicyonline.com/about-us/> (accessed date: 12.03.2025).

⁵⁴ Smith M.S. Commercial space activities. – SpacePolicyOnline.com. URL: <https://spacepolicyonline.com/topics/commercial-space-activities/> (accessed date: 12.03.2025).

глобального характера нельзя рассматривать как безучастных зрителей открывающихся перспектив. Такими структурами являются: «Vanguard, BlackRock и State Street – крупнейшие инвестиционные фонды США, которые образуют „Большую тройку“, которую часто называют „тройкой, владеющей США“». По состоянию на 2022 г. их активы составили 10, 7,9 и 3,9 трлн долл. США соответственно [Филимонова 2022]. В указанной статье также вскользь затрагивается вопрос об участии названных фондов в капитале вышеупомянутых миллиардеров.

«В 2024 году мировые государственные расходы на космические программы достигли рекордной отметки, примерно в 135 миллиардов долларов США. Правительство Соединённых Штатов потратило около 79,7 миллиарда долларов на свои космические программы, что сделало их страной с самыми высокими расходами на космос в мире. За США последовал Китай, государственные расходы которого на космические программы составили более 19 миллиардов долларов США»⁵⁵. Но если у США возникли проблемы с реализацией программы Артемиды⁵⁶, то конкурирующая китайская программа движется быстро, без существенных сбоев или задержек⁵⁷, демонстрируя более высокую эффективность в расходовании средств, выделяемых на развитие космической техники.

Китайские успехи в освоении космического пространства ненамного слабее, а кое в чем даже

и превосходят американские. Но если космическая деятельность США широко освещается в российских СМИ, то китайской они уделяют гораздо меньше внимания. А на вопрос о реальных бенефициарах космической деятельности КНР ответ в СМИ можно даже не искать. Представляется, что источниками информации по данному вопросу могут быть Д. Трамп или крупнейшие инвестиционные фонды США.

Китай так же, как и США, не является участником Соглашения о Луне. Соединенные Штаты благодаря превосходной работе своих юристов, дипломатов и политиков приоткрывают лазейку для коммерческого освоения космоса, но воспользоваться ею может и Китай или те, кто накачал его финансами, технологиями и обеспечил стремительное развитие китайских космических разработок.

6. Статус Аккордов Артемиды

Важное место в американской стратегии освоения космического пространства отводится Аккордам Артемиды⁵⁸, которые 13 октября 2020 г. подписали руководители юридических лиц из четырех стран, принявших законы о «космических ресурсах». К ним присоединились еще порядка 50 таких же подписантов,⁵⁹ объявивших себя «Сигнатариями за» ряд государств. Квалификация статуса данного документа представляет особую сложность в силу отсутствия ясности в двух во-

⁵⁵ Государственные расходы на космические программы в 2022 и 2024 годах по основным странам. URL: <https://www.statista.com/statistics/745717/global-governmental-spending-on-space-programs-leading-countries/> (accessed date: 12.03.2025). Согласно данным немецкой компании Statista, специализирующейся на рыночных и потребительских данных, в 2024 г. на третьем месте среди стран была Япония с 6,8 млрд долларов и на четвертом Россия – 3,96 млрд. Для сравнения: расходы И. Маска на космические проекты составили в 2022 г. 5,2 млрд долларов США. См.: Соколова М. Куда ушли деньги Роскосмоса: страные траты и туманные перспективы дорогих проектов. – *Сетевое издание «Новые Известия on-line»*. URL: <https://newizv.ru/news/2024-12-10/kuda-ushli-dengi-roskosmosa-strannye-traty-i-tumannye-perspektivy-dorogih-proektov-434892> (accessed date: 12.03.2025).

⁵⁶ Darth S. NASA получило тревожный отчет: программа «Артемиды» под угрозой из-за множества рисков. – *Сайт русскоязычного интернет-издания IXBT.com*. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/02/12/nasa-poluchilo-trevozhnyj-otchet-jot-programma-artemida-pod-ugrozoj-izza-mnozhestva-riskov.html?ysclid=m7tylzd3g85987105> (accessed date: 12.03.2025).

⁵⁷ Китай опережает США в «лунной гонке» XXI века. – *Сетевое издание «Репортер»*. URL: <https://topcor.ru/52983-kitaj-operezhaet-ssha-v-lunnoj-gonke-xxi-veka.html> (accessed date: 12.03.2025).

⁵⁸ Аккорды Артемиды (The Artemis Accords. Principles for cooperation in the civil exploration and Use of the Moon, Mars, comets, and asteroids for peaceful purposes. URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf?emrc=6779e6dd017f7> (accessed date: 12.03.2025)) были разработаны во исполнение ст. 3, 4 Указа Президента США Д. Трампа № 13914 «О поощрении международной поддержки в вопросах добычи и использования космических ресурсов» от 6 апреля 2020 г. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed date: 12.03.2025).

⁵⁹ Соглашения Артемиды. – Интернет-ресурс «Википедия»*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%90%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D1%8B (accessed date: 12.03.2025).

* РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

просах: 1) являются ли Аккорды международным договором, и 2) каков статус подписантов, фигурирующих в качестве «Сигнатариев за» ряд государств; какими полномочиями наделили их «представляемые» государства.

Отсутствие ясности в данных вопросах и сложность квалификации юридической природы Аккордов Артемиды явственно проявились в выступлении представителя Российской Федерации на 60-й сессии ЮПК КОПУОС, в котором в названии данного документа для определения его статуса используются кавычки, и оно фигурирует на русском языке как «соглашения Артемиды»⁶⁰.

Не исключено, что в позиции российской делегации были учтены положения ст. 3 Указа Президента США Д. Трампа № 13914 «О поощрении международной поддержки в вопросах добычи и использования космических ресурсов» от 6 апреля 2020 г., где говорится: «При исполнении настоящей статьи Государственный секретарь будет стремиться к обсуждению совместных заявлений, а также двусторонних и многосторонних договоренностей с иностранными государствами относительно безопасной и устойчивой деятельности по государственной и частной добыче и использованию космических ресурсов»⁶¹.

Как было отмечено, Аккорды Артемиды были обнародованы точно в сроки, определенные Указом Президента США. Статья 1 Аккордов провозглашает принципы отношений между юридическими лицами в космосе, а ст. 2 – порядок «совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства». В десятой статье Аккордов говорится о «космических ресурсах» с констатацией того, что их «добыча и использование... не являются национальным присвоением в соответствии со статьей II

Договора по космосу, и что контракты и другие правоустанавливающие документы, касающиеся космических ресурсов, должны соответствовать этому Договору». Согласно ч. 2 ст. 13 Аккордов Артемиды авторы этого документа хотели бы придать Аккордам статус «официального документа ООН»⁶².

На сайте Управления по вопросам космического пространства ООН есть раздел «Документы»⁶³. Отличительной чертой большинства размещенных там документов является то, что они были приняты путем голосования, используя которое делегации выражают политико-правовую позицию и интересы представляемых государств на «космических» площадках, функционирующих в рамках международных организаций, основой деятельности которых являются международные договоры. В отличие от международных договоров официальные документы, утвержденные таким способом, обязательной юридической силы не имеют и носят рекомендательный характер⁶⁴.

Глава американской делегации Э. Пирс в своем выступлении на 61-й сессии Юридического подкомитета КОПУОС (2022) заявила, что: «Аккорды Артемиды... представляют собой *юридически необязательное, политическое обязательство* высокого уровня»⁶⁵. Однако в данном документе нет положений, указывающих на то, какими полномочиями «представляемые» государства наделили Сигнатариев для подписания «*юридически необязательного, политического обязательства*».

Из текста Аккордов не следует, что подписанты обладают тем же статусом, что и члены делегаций в международных организациях, наделенные правом выражать политико-правовую позицию представляемого государства. Заявление руко-

⁶⁰ См.: абзац 8 заявления делегации Российской Федерации на 60-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу по пункту 3 повестки дня «Общий обмен мнениями». URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2021/statements/item_3_Russian_Federation_ver.1_31May_AM.pdf (accessed date: 12.03.2025).

⁶¹ Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed date: 12.03.2025).

⁶² Вопрос о том, что собой представляет в английском языке термин «документ», рассмотрен в статье «Статус Межагентского координационного комитета по космическому мусору как международной структуры» [Орешенков 2024б].

⁶³ Сайт УВКП ООН. URL: <https://www.unoosa.org/> (accessed date: 12.03.2025).

⁶⁴ Model United Nations. URL: <https://www.un.org/en/model-united-nations/how-decisions-are-made-un> (accessed date: 12.03.2025).

⁶⁵ Пункт повестки дня 8 – Национальное законодательство, имеющее отношение к мирному исследованию и использованию космического пространства. Заявление представителя США в Юридическом подкомитете Э. Пирс. URL: http://unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/5AprAM/8_USA_As_Delivered.pdf (accessed date: 12.03.2025).

водителя американской делегации и отсутствие регламентированного международно-правового порядка выражения государством «политических обязательств высокого уровня» может в лучшем случае свидетельствовать о том, что подпись любого Сигнатария под данным документом в лучшем случае можно расценить так, что «представляемое» им государство наделило своего подписанта правом выразить в личном качестве, не определяемом положениями ст. 7 Венской конвенции о праве международных договоров и не подпадающем под ее действие, «политическое обязательство высокого уровня».

Подтверждением тому, что подписанты Аккордов действуют вне рамок «космического» сообщества государств, организационной основой взаимодействия в котором служат международные «космические» организации ООН, свидетельствует упоминание в Аккордах всего лишь четырех договоров МКП, в то время как, например, в брошюре «Международное космическое право: инструменты Организации Объединенных Наций»⁶⁶, подготовленной и изданной Управлением по вопросам космического пространства ООН, размещены тексты всех пяти действующих договоров МКП.

В первой статье Аккордов Артемиды трижды используется слово *civil* – гражданский. В частности, это слово используется во фразе *civil exploration and use of outer space*, где слово *civil* придает совершенно иное значение фразе *exploration and use of outer space*, заимствованной из Договора по космосу, – в Аккордах она имеет значение «гражданско-правовые исследование и использование космического пространства». В данном положении Аккордов мы видим тот же прием «юридической» техники, который использован в разделе IV Закона США «О конкурентоспособности коммерческих космических запусков».

Согласно ст. 1 Договора по космосу субъектами международно-правового взаимодействия в космосе являются государства; добавление всего лишь одного слова *civil* означает, что авторы и подписанты Аккордов низводят уровень меж-

государственного взаимодействия в космосе до уровня взаимодействия там юридических лиц, подписавших данный документ, на основании не имеющей юридической силы внеправовой договоренности.

В сопроводительной записке МИД и Министерства экономики и регионального развития Новой Зеландии от 30 июня 2021 г., касающейся подписания Аккордов «Сигнатарием за» данную страну, говорится, что: «Аккорды Артемиды – это формат, с помощью которого Соединенные Штаты стремятся осуществить программу, закладывая основу для согласованных на международном уровне норм и стандартов в отношении использования космических ресурсов», а также что «Аккорды представляют собой политические рамки для осуществления гражданских (*civil*) исследовательских мероприятий, входящих в программу «Артемиды». Аккорды имеют форму *необязательной договоренности* (курсив наш. – А.О.), в которых излагаются позиции по десяти направлениям политики, включая использование космических ресурсов, имеющим отношение к следующему этапу освоения космоса⁶⁷».

Договоренность между подписантами Аккордов об изменении уровня международного взаимодействия в космическом пространстве представляет собой искаженный подход к положениям преамбулы и тех статей Договора по космосу, в которых говорится о том, что субъектами международного взаимодействия в вопросах исследования и использования космического пространства являются государства, участвующие в данном международном соглашении, но не юридические и физические лица.

При разработке документа под названием Аккорды Артемиды, судя по всему, был учтен опыт создания Межагентского координационного комитета по космическому мусору, в основе которого лежит протокол, придавший МККМ статус международной структуры [Орешенков 2024а]. В данном протоколе зафиксировано, что она создана «для обмена информацией по космическому мусору» и ее решения не «устанавливают никаких обязательств или юридических

⁶⁶ International Space Law: United Nations Instruments. United Nations. New York. 2017. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2017/stspace/stspace61rev_2_0_html/V1605998-ENGLISH.pdf (accessed date: 12.03.2025).

⁶⁷ Сопроводительная записка МИД и Министерства экономики и регионального развития Новой Зеландии от 30 июня 2021 г. П. 8 и 22. URL: <https://www.mbie.govt.nz/dmsdocument/15308-space-resource-utilisation-and-the-artemis-accords-minute-of-decision-proactiverelase-pdf> (accessed date: 12.06.2023).

требований для этого, а также не устанавливают никаких обязательств по проведению какой-либо конкретной совместной деятельности»⁶⁸. В 1993 г. протокол подписали представители четырех юридических лиц – двух национальных агентств (НАСА и Российского космического агентства – РКА), международной организации (Европейского космического агентства (ЕКА)) и Государства Япония.

Качество двух последних подписантов и их статус как представителей юридических лиц объясняется тем, что подписанный ими документ не налагает никаких юридических или политических обязательств на космические агентства, международную организацию и государство, в которых подписанты выполняли определенные функции, установленные внутренними правилами вышеназванных агентств, организации и государства. Обращает на себя внимание и тот факт, что в первоначальном и последующих протоколах отсутствует какая-либо информация об их статусе в вопросах международно-правового взаимодействия. В настоящее время в протоколе в качестве подписантов фигурируют фамилии представителей 13 космических агентств разных стран и международной организации – ЕКА⁶⁹.

Комментируя ситуацию, в рамках которой действующими лицами договоренностей могут выступать субъекты различных отраслей права, известный российский юрист-международник И.И. Лукашук указывает: «Государство может быть участником отношений, регулируемых частным правом. А физические и юридические лица участниками отношений, регулируемых публичным правом, быть не могут, поскольку не являются его субъектами»⁷⁰. То же самое относится и к взаимодействию международной организации с юридическими лицами.

Протокол о создании МККМ не является международным договором. Как было рассмотрено выше, он представляет собой документ, к которому неприменимы положения ст. 7 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁷¹ То же самое можно сказать и об Аккордах Артемиды. Отсутствие информации на сайтах Государственного департамента США и НАСА о том, что Соединенные Штаты или НАСА являются участниками Аккордов Артемиды⁷², еще одно подтверждение тому, что данный документ договором международного права не является. Этим обстоятельством можно объяснить также и желание его авторов придать Аккордам статус «официального документа ООН».

В Аккордах Артемиды используются атрибуты, присущая договорам международного публичного права, а также (международно-правовые) термины и слова, сходные по своему значению с понятиями из международно-правового лексикона, при отсутствии у данного документа «необходимого качества международного договора – формальной определенности»⁷³. В учебнике «Международное право. Общая часть» известный российский ученый И.И. Лукашук отмечает: «Нечеткость формы зачастую определяется своеобразной дипломатией оформления договоров, с помощью которой скрываются расхождения в позициях сторон, а порой и подлинное содержание договора»⁷⁴. Данная точка зрения вполне применима к Аккордам Артемиды, за исключением того, что данный документ договором международного публичного права не является.

Космос – это единое пространство, которое включает в себя Луну и другие небесные тела. Его «исследование и использование... осуществляются на благо и в интересах всех стран... и являются достоянием всего человечества» (ст. I

⁶⁸ Terms of Reference. P. 15. URL: https://www.iadc-home.org/terms_reference (accessed date: 12.03.2025).

⁶⁹ Круг ведения. – МККМ. URL: https://www.iadc-home.org/terms_reference стр. 15 (accessed date: 12.03.2025).

⁷⁰ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. М.: Волтерс Клувер. 2007. С. 17.

⁷¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed date: 12.03.2025).

⁷² United States Department of State: Treaties in Force. Supplemental List of Treaties and Other. International Agreements. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/TIF-Supplement-2022.pdf> (accessed date: 23.02.2024); https://www.nasa.gov/sites/default/files/atoms/files/house_approps_saa_report_international_12-31-2022.pdf (accessed date: 23.02.2024); https://www.nasa.gov/sites/default/files/atoms/files/ntaa_active_agreement_report_as_of_12_31_2022_international.pdf (accessed date: 23.02.2024).

⁷³ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. М.: Волтерс Клувер. 2007. С. 17.

⁷⁴ Там же. С. 22.

Договора по космосу). Согласно ст. IX Договора по космосу: «При исследовании и использовании космического пространства... государства-участники Договора... должны осуществлять всю свою деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с должным учетом соответствующих интересов всех других государств – участников Договора». Данные положения Договора не дают никаких оснований для создания какими-либо государствами «клубных» группировок с неопределенным статусом для решения основополагающих задач освоения космического пространства⁷⁵.

7. Россия и проблематика ПРНТ

Переходя к российскому подходу к проблемам, рассматриваемым в данной статье, можно отметить, что еще в 2004 г. летчик-космонавт, один из создателей станции «Мир» К.П. Феоктистов в интервью радиостанции «Эхо Москвы»⁷⁶ заявил: «Орбитальная станция – это не основное направление работы. Главная дорога в космосе уже давно идет мимо пилотируемых полетов... несколько десятилетий. Главное – это прикладные вещи, связь, ретрансляция телевидения, спутники-разведчики... контроль природных ресурсов».

В 2009 г. помощник руководителя Администрации Президента РФ Е.В. Попова в докладе на открытии Международного года астрономии отметила: «В начале 90-х гг. прошлого века произошло резкое снижение темпов научных космических исследований, в результате чего наша страна быстро отстала от передовых космических держав». Выражая «мнение российских специалистов с позиции генерации знаний, создания новых технологий, а также обеспечения безопасности экипажей», она заявила: «Лучше сначала реализовывать марсианскую программу, а затем лунную. Программа межпланетных пилотируемых полетов должна иметь статус национальной идеи». [Попова 2009:48-52]

А уже в 2012 г. директор Центра космической связи «Сколково» А.М. Крылов в статье «Сравнительный анализ финансирования гражданских

космических программ России, Китая, Индии и США» [Крылов 2012] констатировал, что «Никакой цельной программы развития космической отрасли в стране не существует. Если в ближайшие 5–7 лет Россия не сможет преодолеть отставание в космической отрасли от передовых стран мира, то не сможет сделать этого уже никогда».

Космонавт-испытатель М.В. Серов и ректор Технологического университета им. А.А. Леонова А.Ю. Щиканов в статье «Перспектива пилотируемой космонавтики в историческом масштабе: опыт прогноза» [Серов, Щиканов 2021], говоря о наличии «довольно большого количества научных и публицистических работ на тему стратегического планирования космической деятельности и развития пилотируемой космонавтики», обращают внимание на серьезную критику развития нашей пилотируемой космонавтики со стороны К.П. Феоктистова и В.П. Мишина, которые «предлагали альтернативные пути, набор задач и космических средств.» По мнению авторов статьи, «еще одним серьезным поводом для критики является проблема целеполагания космической деятельности».

Будущее этой деятельности определяет не только ее ускоряющееся научно-техническое развитие, но оно еще зависит и от того, как и в каком направлении будет развиваться МКП, поскольку в космосе, за пределами территориального верховенства государств и воздушного пространства Земли именно оно, но не нормы национального законодательства отдельных государств или правила отдельных мегакорпораций должно служить правовой основой космической деятельности.

Развитие этой деятельности в должном направлении предполагает наличие надежной научной базы. Однако у наших государственных органов отсутствует либо не принимается во внимание научное обеспечение по наиболее значимым аспектам вышеназванной области знаний.

Наглядным примером служат проблематика так называемого космического мусора и вопрос о статусе МККМ. Делегации сначала Российского космического агентства, а затем Государственной корпорации «Роскосмос» с 1993 г. участвуют в его работе, однако до сих пор эти государственные

⁷⁵ Выступление делегации Российской Федерации на 60-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу по пункту 3 повестки дня «Общий обмен мнениями». URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2021/statements/item_3_Russian_Federation_ver.1_31May_AM.pdf (accessed date: 12.03.2025).

⁷⁶ Интервью К.П. Феоктистова радиостанции «Эхо Москвы». – *Космический мир*. URL: http://www.cosmoworld.ru/spaceencyclopedia/documents/index.shtml?art_040413_09.html (accessed date: 12.03.2025).

структуры так и не предприняли ни малейшей попытки выяснить, что же с международно-правовой точки зрения представляет собой понятие «космический мусор» [Орешенков 2024a], а также каков статус той международной структуры, в деятельности которой их делегации принимают участие более 30 лет. [Орешенков 2024б]

Более значимо непонимание российскими органами, учреждениями и структурами, ведающими космосом, проблематики ПРНТ. Если часть российских и американских юристов-международников (ученых) при рассмотрении вопросов природоресурсной деятельности за пределами территориального верховенства государств (в космосе), придерживается словарно-терминологической лексики, введенной в международно-правовой оборот международными конвенциями и соглашениями, даже при упоминании национальных законов о т.н. космических ресурсах [Беркман, Вылегжгин, Моджои, Юзбашян 2018:23], то, например, 2-й секретарь Правового департамента МИД России О.А. Волынская⁷⁷ в статье «Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов» [Волынская 2018:150] пишет: «Благодаря усилиям

Российской Федерации и ее сторонников в повестку дня 56-й сессии юридического подкомитета Комитета ООН по космосу (2017 г.) был впервые включен пункт „Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов“».

При этом она не видит разницы и не проводит различий между словосочетанием «космические ресурсы», введенным в международный оборот так называемой Гаагской рабочей группой по космическим ресурсам⁷⁸, американским термином «космический ресурс», введенным в национальный правовой оборот США Законом об исследовании и использовании космического ресурса 2015 г., и понятием «природные ресурсы небесных тел», введенным в международно-правовой оборот Соглашением о Луне 1979 г.

Свое дальнейшее развитие позиция нашей страны по данному вопросу получила во Вкладе российской делегации в Рабочую группу по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами⁷⁹, Юридического подкомитета КОПУОС ООН⁸⁰.

⁷⁷ Как государственный служащий она призвана «соблюдать установленные в государственном органе правила публичных выступлений». См.: п. «р» ч. 2 Указа Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38140/94bfabc804bc4092638f2a13fc04202890c5bddf/#dst100013 (accessed date: 12.03.2025).

⁷⁸ Так называемая Гаагская рабочая группа по космическим ресурсам начала свою деятельность с проведения круглого стола в Гаагском институте глобального правосудия 1 декабря 2014 г. (URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2018/aac_105c_22018crp/aac_105c_22018crp_18_0_html/AC105_C2_2018_CRP18E.pdf (accessed date: 12.03.2025)) и завершила ее в 2019 г. в университете Лейдена (URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/rechtsgeleerdheid/instituut-voor-publiekrecht/lucht--en-ruimterecht/space-resources/final-report-phase-2_the-hague-international-space-resources-governance-working-group.pdf (accessed date: 12.03.2025)). Спонсорами работы этого неформального образования выступили Министерство иностранных дел и экономики Нидерландов, университет Люксембурга, коммерческие структуры и фонды США и Японии (URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2018/aac_105c_22018crp/aac_105c_22018crp_18_0_html/AC105_C2_2018_CRP18E.pdf (accessed date: 12.03.2025)). С учетом такого спонсорства, в частности, со стороны различных структур из трех стран, принявших законы о так называемых космических ресурсах, неудивительно, что это неформальное образование пришло приблизительно к тому же определению неких «космических ресурсов», что и то определение, которое дается термину «космический ресурс» в американском законодательстве. Как родимое пятно американского законодательства «космический ресурс» в «строительных блоках» Гаагской группы используется то в единственном, то во множественном числе. Несмотря на участие в работе группы юристов-международников, владеющих в должном объеме знаниями в области действующего международного (космического) права, применимого за пределами территориального верховенства государств, в блоках отсутствует определение для слова *minerals*.

⁷⁹ В названии группы на русском языке «ресурсы» фигурируют во множественном числе. См., напр., абзац 3 п. 10 Аннотированной повестки дня 63-ей сессии ЮПК. (URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_2l/aac_105c_2l_323_0_html/A.C_105_C2_L323R.pdf) (accessed date: 12.03.2025)), а в названии той же группы на английском языке – в единственном числе. (URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html>) (accessed date: 12.03.2025)).

⁸⁰ Input to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities on Scope and Topics to be addressed at the International Conference to be held in 2024. 31 May 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_1052023crp/aac_1052023crp_7_0_html/AC105_2003_CRP07E.pdf (accessed date: 12.03.2025).

8. Заключение и выводы

Если словосочетание «космический мусор» ввели в международный словарный обиход американские ученые, ведающие научно-технической стороной загрязнения околоземного космического пространства, в первую очередь Д. Кесслер, то возникновение словосочетания «космический ресурс» представляет собой продукт тщательной проработки данного вопроса американскими юристами, перед которыми с высокой степенью определенности, можно утверждать, была поставлена задача найти такое словосочетание, которое не позволяло бы юристам-международникам других стран и стоящих за ними государств, заинтересованных в том, чтобы освоение природных ресурсов в космическом пространстве осуществлялась в соответствии установленными в международно-договорном порядке правилами, выдвигать возражения или протестовать против односторонних действий США.

Особое внимание обращает на себя профессиональный учет в формулировках американских национальных нормативных актов и документов ряда положений международных договоров, в которых Соединенные Штаты участия не принимают, в частности, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Соглашения о Луне 1979 г.

Автор статьи «BlackRock: как мега-корпорация захватывает страны «золотого миллиарда»⁸¹ задается вопросом: «Зачем BlackRock и ее хозяевам нужно сегодня то или иное государство?» Хотя этот вопрос относится к отношениям BlackRock с Великобританией, он вполне применим к любому

другому государству, когда речь заходит о будущем космической деятельности за пределами Земли. Можно понять безучастное отношение к этому вопросу со стороны развивающихся стран, которые не обладают необходимым научным потенциалом для исследования вопросов, рассматриваемых в данной статье, но практические действия задействованных российских органов и структур свидетельствуют о таком же непонимании.

А это непонимание и отсутствие должной реакции на неправомерные действия США⁸², Люксембурга⁸³, ОАЭ⁸⁴ и Японии⁸⁵, принявших законы о «космических ресурсах», позволит последним добиться того, чтобы использование норм их законодательства за пределами территориального верховенства (в космосе) стало нормой международного обычного права. Конечным же бенефициаром этих норм станут глобальные финансовые структуры, ради интересов которых и коммерциализируется космическая деятельность, в частности, присвоение ПРНТ.

Большая юридическая энциклопедия дает определение международному праву как: «совокупности традиционных и создаваемых признанием в качестве правил обычных норм международного права. Общее международное право является ядром всей международно-правовой системы, так как распространяет свое действие на всех субъектов. При формировании норм общего международного права основную роль играет протест. Если нет протеста на возникшее правило поведения, значит, государство согласно с ним, и оно становится обычной международно-правовой нормой. Международный суд в своих решениях опирается преимущественно на обычное право, давая обычным нормам четкие юридические формулировки»⁸⁶.

⁸¹ Сергеев О. BlackRock: как мега-корпорация захватывает страны «золотого миллиарда». – *Электронное издание «Фонд стратегической культуры»*. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2024/12/12/blackrock-kak-mega-korporaciya-zakhvatyvaet-strany-zolotogo-milliarda.html> (accessed date: 12.03.2025).

⁸² Публичный закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков США № 114-90 от 25 ноября 2015 г. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ90/pdf/PLAW-114publ90.pdf> (accessed date: 12.03.2025).

⁸³ Закон об исследовании и использовании космических ресурсов от 20 июля 2017 г. URL: https://space-agency.public.lu/en/agency/legal-framework/law_space_resources_english_translation.html (accessed date: 12.03.2025).

⁸⁴ См. сноску 14 настоящей статьи, а также Федеральный закон ОАЭ «О регулировании космического сектора» № 12 от 19 декабря 2019 г. URL: <https://www.moj.gov.ae/assets/2020/Federal%20Law%20No%2012%20of%202019%20on%20THE%20REGULATION%20OF%20THE%20SPACE%20SECTOR.pdf.aspx> (accessed date: 12.03.2025).

⁸⁵ Закон о содействии предпринимательской деятельности по исследованию и освоению космических ресурсов № 83 от 2021 г. URL: https://www8.cao.go.jp/space/english/resource/documents/act83_2021.pdf (accessed date: 12.03.2025).

⁸⁶ Большая юридическая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Москва. 2010. С. 341. URL: <http://ponjatija.ru/node/13605> (accessed date: 12.03.2025).

Реакция со стороны международного сообщества, которое обязано реагировать на неправомерные действия вышеназванных стран, используя нормы международного общего права, до сих пор отсутствует. А это представляет собой молчаливое согласие с действиями перечисленных

государств. После создания самодостаточных колоний на соседних планетах или космических городов в открытом космосе у глобалистских структур необходимость в государствах может отпасть.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х., Черных И.А. 2022. Политика и законодательство США в области освоения природных ресурсов небесных тел (международно-правовые аспекты). – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1. С. 158-180.
2. Беркман П.А., Вылегжанин А.Н., Модюи Ж.-К., Юзбашян М.Р. 2018. Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 16-34.
3. Блажеев В.В., Ястребова О.А., Толстопятенко Г.П. 2021. *Право и космос в эпоху глобальных социальных и экономических изменений*. Москва: Проспект. 200 с.
4. Волынская О.А. 2018. Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов. – *Журнал российского права*. № 9. С. 145-153.
5. Вылегжанин А., Юзбашян М., Алексеев М. 2023. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? – *Международные процессы*. № 21 (3). С. 6-30.
6. Жаркова О.А. 1996. Организационно-правовой механизм защиты морской среды от загрязнения с судов. – *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 2. С. 89-93.
7. Крылов А.М. 2012. Сравнительный анализ финансирования гражданских космических программ России, Китая, Индии и США. – *Электронный журнал «Технологии и средства связи». Специальный выпуск «Спутниковая связь и вещание»*. URL: <http://lib.tssonline.ru/articles2/sputnik/sravnitelni-analiz-finansirovaniya> (accessed date: 12.03.2025).
8. Логинов Е.Л., Логинов А.Е. 2010. Космос как стратегический приоритет в борьбе за мировое экономическое лидерство в XXI веке. – *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. № 25 (82). С. 52-61.
9. Орешенков А.М. 2024а. Теоретические основы международно-правового аспекта удаления «космического мусора». – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 46-64.
10. Орешенков А.М. 2024б. Статус Межагентского координационного комитета по космическому мусору как международной структуры. – *Представительная власть – XXI век*. № 7-8. С. 51-58.
11. Попова Е.В. 2009. Роль космических исследований и астрономии в развитии общества. – *Экономические стратегии*. № 3. С. 48-52.
12. Серов М.В., Щиканов А.Ю. 2021. Перспектива пилотируемой космонавтики в историческом масштабе: опыт прогноза. – *Изборский клуб*. № 1-2 (87-88). С. 144-149.
13. Филимонова А.И. 2022. Инвестиционные гиганты США Vanguard Group и BlackRock на пути установления глобальной олигополии. – *Ученый совет*. № 7.

14. Юзбашян М.Р. 2017. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право. – *Московский журнал международного права*. № 2 (106). С. 71-86.
15. Goswami N. 2023. Japan Is Changing the Game for Space Powers. – *Magazine for the Asia-Pacific region "Diplomat"*. URL: <https://thedi diplomat.com/2023/01/japan-is-changing-the-game-for-space-powers/> (accessed date: 12.03.2025).
16. Shaw K.L., Whitmore D.P. 2021. *Mining in the United States: overview*. Thomson Reuters – Practical Law. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-019-3805?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true#co_anchor_a379024](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-019-3805?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true#co_anchor_a379024) (accessed date: 12.06.2023).

References

1. Abashidze A.H., Chernyh I.A. Politika i zakonodatel'stvo SShA v oblasti osvoenija prirodnyh resursov nebesnyh tel (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [US policy and legislation in the field of development of natural resources of celestial bodies (international legal aspects)]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – 1 [Bulletin of Saint Petersburg University. Law – 1]*. 2022. P. 158-180. (In Russ.)
2. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Modjui Zh-K., Juzbashyan M.R. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: obshhie dlja Rossii i SShA vyzovy i perspektivy [International space law: challenges and prospects common to Russia and the United States]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2018. No 1. P. 16-34.
3. Blazheev V.V., Jastrebowa O.A., Tolstopjatenko G.P. *Pravo i kosmos v jepohu global'nyh social'nyh i jekonomicheskijh izmenenij [Law and space in the era of global social and economic change]*. Moscow: Prospekt. 2021. 200 p. (In Russ.)
4. Filimonova A.I. Investitsionnye giganty SShA Vanguard Group i BlackRock na puti ustanovlenija global'noj monopolii [US investment giants Vanguard Group and BlackRock on path to establishing global oligopoly.] – *Uchenyj sovet. [Academic Council]*. 2022. No.7. (In Russ.)
5. Goswami N. Japan Is Changing the Game for Space Powers. – *Magazine for the Asia-Pacific region "Diplomat"*. URL: <https://thedi diplomat.com/2023/01/japan-is-changing-the-game-for-space-powers/> (accessed date: 12.03.2025).
6. Yuzbashyan M.R. Zakon SShA ob issledovanii i ispol'zovanii kosmicheskijh resursov 2015 g. i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo [The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 and the International Space Law.]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017. No. 2 (106). P. 71-86. (In Russ.)

7. Krylov A.M. Sravnitel'nyj analiz finansirovaniya grazhdanskikh kosmicheskikh programm Rossii, Kitaja, Indii i SShA [Comparative analysis of funding for civil space programs in Russia, China, India and the USA]. – *Elektronnyj zhurnal "Tehnologii i sredstva svyazi" Spetsial'nyj vypusk "Sputnikovaja svjaz' i vestshanie"* [Electronic journal "Technologies and means of communication" Special issue "Satellite communications and broadcasting"]. 2012. URL: <http://lib.tsonline.ru/articles2/sputnik/sravnitelni-analiz-finansirovaniya> (data obrashhenija: 12.03.2025). (In Russ.)
8. Loginov E.L., Loginov. A.E. Kosmos kak strategicheskij prioritet v bor'be za mirovoe ekonomicheskoe liderstvo v XXI veke [Outer Space as a Strategic Priority in the Struggle for Global Economic Leadership in the 21st Century]. – *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]*. 2010. No. 25 (82). P. 52-61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmos-kak-strategicheskij-prioritet-v-borbe-za-mirovoe-ekonomicheskoe-liderstvo-v-xxi-veke/viewer> (data obrashhenija: 12.03.2025). (In Russ.)
9. Oreshenkov A.M. Teoreticheskie osnovy mezhdunarodno-pravovogo aspekta udaleniya "kosmicheskogo musora" [Theoretical Basis of International Legal Aspect of "Space Debris" Removal]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. No 2. P. 46-64. (In Russ.)
10. Oreshenkov A.M. Status Mezhhagentskogo koordinatsionnogo komiteta po kosmicheskomu musoru kak mezhdunarodnoj struktury [Status of the Inter-Agency Space Debris Coordination Committee as an International Structure]. – *Predstavitel'naja vlast' XXI vek. [Representative Power – XXI Century]*. 2024. No. 7-8. P. 51-58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=74512825> (data obrashhenija: 12.03.2025). (In Russ.)
11. Popova E.V. Rol' kosmicheskikh issledovanij i astronomii v razvitii obshchestva [The role of space exploration and astronomy in the development of society]. – *Ekonomicheskie strategii [Economic strategies]*. No. 3-2009. P. 48-52. (In Russ.)
12. Serov M.V., Stshikanov A.Ju. Perspektiva pilotiruemoj kosmonavtiki v istoricheskom masshtabe: opyt prognoza [The Prospect of Manned Spaceflight on a Historical Scale: An Experiment in Forecasting]. – *Izbojskij klub [Izborsk Club]*. 2021. No. 1-2 (87-88). P. 144-149. (In Russ.)
13. Shaw K.L., Whitmore D.P. *Mining in the United States: overview*. Thomson Reuters – Practical Law. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-019-3805?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true#co_anchor_a379024](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-019-3805?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true#co_anchor_a379024) (accessed date: 12.06.2023).
14. Volynskaja O.A. Mezhdunarodnye politico-pravovye aspekty ispol'zovaniya kosmicheskikh resursov. [International political and legal aspects of the use of space resources]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2018. No. 9. P. 145-153. (In Russ.)
15. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Alekseev M. Mezhdunarodno-pravovaya kosmicheskaya politika SShA: priglasenie k utocnieniu statusa prirodnyh resursov nebesnyh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Outer Space Policy of the United States of America]. – *Mezhdunarodnye protsessy [International processes]*. 2023. No. 21 (3). P. 6-30. (In Russ.)
16. Zharkova O.A. Organizacionno-pravovoj mehanizm zashchity morskoy sredy ot zagrjaznenija s sudov [The organizational and legal mechanism for protecting the marine environment from pollution from ships]. – *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Legal studies]*. 1996. No. 2. P. 89-93. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр Михайлович ОРЕШЕНКОВ

кандидат юридических наук, советник в отставке

Митинская ул., 44, Москва, 125430, Российская Федерация

oream@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9660-5914

About the Author

Alexander M. ORESHENKOV

Candidate of Law Sciences, Retired counsellor

44, Mitinskaya St., Moscow, Russian Federation, 125430

oream@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9660-5914

Юрий Владимирович МИШАЛЬЧЕНКО

Северо-Западный институт управления (филиал) Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Средний пр-т Васильевского о-ва, 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация
myv2008@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2162-0191

Тимофей Николаевич ДОВБУШ

Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Басков пер., 16, Санкт-Петербург, 191014, Российская Федерация
dovbushtimofey@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8676-1107

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОРСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. В рамках настоящей статьи рассматриваются основные проблемы, влияющие на обеспечение морской безопасности на современном этапе развития международного права. К числу таких проблем авторы относят отсутствие универсальной правовой базы, регламентирующей функционирование автономных морских судов, морской терроризм, регулирование содержания серы в судовом топливе, необходимость глобального регулирования хозяйственной деятельности в арктическом регионе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании статьи использованы международно-правовые акты, национальное законодательство Российской Федерации, а также исследования российских и зарубежных авторов. Методологическую основу исследования составили общенаучные (метод логического и системного анализа, диалектический метод) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой) методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе изучения международно-правовых актов, национального законодательства Российской Федерации, современных исследований российских и зарубежных ученых авторами сделаны выводы и выдвинуты предложения по вопросам обеспечения морской безопасности в современных условиях.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Авторами сделан вывод о том, что в свете развития современных технологий безэкипажного судовождения необходима проработка на международном уровне глобальных правовых актов. В рамках статьи рассмотрены основные виды автономных морских судов, выявлены проблемы, которые препятствуют эффективной эксплуатации данных судов и предложены варианты их решения. Отмечается необходимость в рамках универсальных международных актов проработать вопросы, связанные с возмещением ущерба, причиненного морским судном под

управлением систем искусственного интеллекта. Отмечается важность разработки единых глобальных правил, по которым будут функционировать системы искусственного интеллекта на морских судах. Также указывается на важность международного сотрудничества при противодействии морскому терроризму. Авторы обращают внимание на общие черты между пиратством и морским терроризмом, но указывают на разные цели при осуществлении данной противоправной деятельности. Более того, нередко сложно квалифицировать данные деяния, что создает сложности при применении международно-правовых норм. Авторы указывают, что эффективное противодействие морскому терроризму возможно только на международном уровне в рамках эффективного межгосударственного взаимодействия. Рассматривая отдельные аспекты обеспечения региональной безопасности в арктическом регионе, авторы делают вывод о необходимости выработки единых международных правил по хозяйственному освоению указанного региона. Отмечается важная роль Арктического совета в обеспечении устойчивого социально-экономического развития данного региона. Рассмотрены основные международные декларации, принятые в рамках данной организации, и их

значение для развития данного региона. Рассматриваются ограничения по содержанию серы в судовом топливе и роль данных ограничений в снижении выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Предлагаются различные варианты действий судовладельцев по соблюдению указанных ограничений. Отмечается необходимость использования иных видов топлива, в том числе сжиженного природного газа или (в перспективе) водородного топлива. Подчеркивается важность международного регулирования в указанной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безэкипажные суда, морской терроризм, пиратство, международное право, международная организация, региональная безопасность, судоходство, экологические проблемы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мишальченко Ю.В., Довбуш Т.Н. 2025. Некоторые актуальные проблемы международно-правового обеспечения морской безопасности. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 71–85. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-71-85>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-71-85>

Yury V. MISHALCHENKO

North-West Institute of Management (branch) Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57/43, Sredny Ave. Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russian Federation, 199178
myv2008@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2162-0191

Timofey N. DOVBUSH

St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)"
16, Baskov Ln., St. Petersburg, Russian Federation, 191014
dovbushtimofey@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8676-1107

Research article

UDC: 341

Received 18 March 2025

Approved 22 May 2025

SOME CURRENT ISSUES OF INTERNATIONAL LEGAL SUPPORT FOR MARITIME SECURITY

INTRODUCTION. *In this article, the authors consider the main problems affecting maritime security at the current stage of development of international law. The authors include among such problems the lack of a universal legal framework regulating the operation of autonomous sea vessels, maritime terrorism, regulation of the sulfur content in marine fuel, the need for global regulation of economic activity in the Arctic region.*

MATERIALS AND METHODS. *When writing the article, international legal acts, national legislation of the Russian Federation, as well as studies of Russian and foreign authors were used. The methodological basis of the study was formed by general scientific (method of logical and system analysis, dialectical method) and specific scientific (historical and legal, comparative legal) methods of cognition.*

RESEARCH RESULTS. *Based on the study of international legal acts, national legislation of the Russian Federation, modern studies of Russian and foreign authors, the authors make conclusions and proposals on issues of ensuring maritime security in modern conditions.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The authors conclude that in light of the development of modern unmanned navigation technologies, it is necessary to develop global legal acts at the international level. The article examines the main types of autonomous sea vessels, identifies problems that hinder the effective operation of these vessels and suggests options for solving them. It is noted that it is necessary to work out issues related to compensation for damage caused by a sea vessel controlled by artificial intelligence systems within the framework of universal international acts. It is noted that it is important to develop uniform global rules for the operation of artificial intelligence systems on sea vessels. It is also noted that international cooperation is important in countering maritime terror-*

ism. The authors draw attention to the common features between piracy and maritime terrorism, but point out different goals in carrying out this illegal activity. Moreover, it is often difficult to separate these concepts, which creates difficulties in the application of international legal norms. The authors point out that effective counteraction to maritime terrorism is possible only at the international level within the framework of effective interstate cooperation. Considering certain aspects of ensuring regional security in the Arctic region, the authors conclude that it is necessary to develop uniform international rules for the economic development of this region. The important role of the Arctic Council in ensuring sustainable socio-economic development of this region is noted. The main international declarations adopted within the framework of this organization and their importance for the development of this region are considered. The restrictions on the sulfur content in marine fuel and the role of these restrictions in reducing emissions of pollutants into the atmosphere are considered. Various options for shipowners to comply with these restrictions are proposed. The importance of using other types of fuel, including liquefied natural gas or, in the future, hydrogen fuel, is noted. The importance of international regulation in this area is noted.

KEYWORDS: *unmanned vessels, maritime terrorism, piracy, international law, international organization, regional security, shipping, environmental issues*

FOR CITATION: Mishalchenko Y.V., Dovbush T.N. Some Current Issues of International Legal Support for Maritime Security. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 71–85. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-71-85>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В XXI в. существенную роль в обеспечении морской деятельности и безопасности играет правовое регулирование равноправного сотрудничества государств на основе международных правовых конвенций и актов.

В современных условиях приоритетными направлениями сотрудничества государств в морских пространствах являются следующие: обеспечение морской безопасности, борьба с международным терроризмом на море, защита морских экосистем, обеспечение морской безопасности в Арктике.

Судоходство всегда способствовало активному развитию взаимной торговли. Увеличение объемов торговли, появление более сложных морских судов и механизмов требует консолидированных действий международного сообщества по обеспечению морской безопасности [Anish, Dalaklis 2021:1].

Основной задачей межгосударственного взаимодействия в сфере морской безопасности является создание условий для безопасной организации международных морских перевозок и сведение к минимуму возможных угроз для торгового мореплавания.

Целью данной работы является анализ общественных отношений в области международных морских перевозок и выработка концептуальных предложений по улучшению международного правового регулирования в указанной сфере.

2. Исследование

2.1. Проблемы правового регулирования безэкипажного судовождения

Правовые коллизии в сфере обеспечения безопасности судоходства связаны в первую очередь с интенсивным использованием прогрессивных технических систем и технологий – безэкипажных судов, беспилотных подводных, надводных судов, аппаратов и экранопланов, а также систем управления движением судов, в связи с применением искусственного интеллекта.

Основной проблемой, сдерживающей развитие вышеуказанных технологий, являются не технические проблемы, связанные с эксплуатацией указанных судов, а отсутствие должного правового регулирования в указанной сфере как на национальном, так и на международном уровне [Клюев 2018:13].

На возможность осуществления перевозок грузов безэкипажным морским транспортом серьезное влияние оказывают международные правовые акты, которые носят универсальный характер. При этом необходимо отметить, что в то время, когда были приняты большинство глобальных международных правовых актов в области судоходства, технологии, связанные с использованием безэкипажных судов, были недостаточно развиты.

Фактически можно говорить, что международное сообщество обратило внимание на необходимость правового регулирования безэкипажного судовождения в 2018 г., когда Международная морская организация (ИМО) дала нормативное определение таким судам [Зайкова, Титов 2018:50].

Впервые на международном уровне указанные безэкипажные суда были определены как суда, которые могут в той или иной мере функционировать без участия человека. Также ИМО предложила классификацию рассматриваемых морских транспортных средств в зависимости от степени их автономности.

Международной морской организацией было предложено четыре уровня автономности морских судов. На первом уровне судно имеет экипаж на борту и систему автоматического управления. Предполагается, что на данном уровне автономности экипаж контролирует указанную систему и принимает необходимые решения при управлении судном. Фактически речь идет о современных морских судах, на которых присутствуют любые системы автоматического управления: автопилот, система навигационного позиционирования и т. д. Однако наличие данных систем не умаляет роли экипажа, который с их помощью осуществляет управление судном.

На втором уровне автономности все управление судном происходит в автоматическом режиме. На судне имеется экипаж, который может вмешиваться в процессы управления только в экстренных случаях. В данном случае экипажу отведена вспомогательная роль наблюдателя с контрольными функциями. Процессы управления судном происходят в автоматическом режиме и решения самостоятельно принимаются бортовым компьютером. Однако при наличии непредвиденных ситуаций управление переходит к человеку, который в этом случае будет принимать решения и осуществлять управление судном. В рассматриваемой ситуации управление со стороны человека имеет дублирующую

функцию и страхует судно от возможных ошибок автоматики.

В рамках третьего уровня автономности экипаж на морском судне отсутствует. Управление судном осуществляется удаленно из единого центра управления, который расположен на берегу. В данном случае управление фактически осуществляется дистанционно человеком из центра управления. Фактическое отсутствие человека на борту судна мало меняет ситуацию, так как ответственность за принятое решение будет лежать на операторе центра управления. Основной проблемой для внедрения подобного типа судов является необходимость обеспечения устойчивой связи с судном во всех районах Мирового океана и необходимость внедрения глобальных протоколов реагирования на ситуации, когда связь с судном по каким-либо причинам утеряна.

В рамках четвертого уровня автономности контроль за управлением судном осуществляется судовым компьютером самостоятельно без участия экипажа на борту или контроля со стороны единого центра управления. Фактически управление судном осуществляет система искусственного интеллекта. Для успешного функционирования данного типа морских судов необходимо принятие на международном уровне комплексного правового акта, регулирующего использование систем искусственного интеллекта. На сегодняшний день глобального соглашения по вопросам искусственного интеллекта или единого подхода к развитию данных систем не существует.

Несомненно, что с течением времени системы искусственного интеллекта будут выполнять те действия, которые сегодня выполняются человеком. В полной мере это применимо и к сфере торгового мореплавания. В скором времени люди будут сталкиваться с решениями искусственного интеллекта и необходимо уже на данном этапе установить общепринятые правила функционирования указанных систем. В частности, достаточно интересен вопрос об ответственности в случае причинения ущерба. Например, судно, находящееся под управлением систем искусственного интеллекта, произвело столкновение с судном, которое находилось под управлением человека. При этом вина в столкновении очевидно лежит на безэкипажном судне. В рассматриваемой ситуации возможно взыскание причиненного ущерба с собственника судна, которое находилось под управлением

систем искусственного интеллекта, или с разработчика данных систем. Кроме того, возможны иные ситуации, когда нанесенный ущерб может быть взыскан с лиц, которые производили монтаж указанных систем или их обслуживание.

Очевидно, что необходимо установить четкие критерии того, кто и в каких ситуациях несет ответственность за ущерб, причиненный в результате управления судном системами искусственного интеллекта. В отсутствие четких критериев может возникнуть ситуация правовой неопределенности, что приведет к снижению параметров безопасности и негативно повлияет на развитие отдельных отраслей. Причем, учитывая международную направленность морских перевозок, необходимо обеспечить регулирование на уровне глобальных международных соглашений.

Представляется, что для оперативного решения проблем, связанных с эксплуатацией судов четвертого уровня автономности, необходимо создание на уровне Организации Объединенных Наций (ООН) специального международного органа, который будет заниматься подготовкой вышеуказанного универсального соглашения по использованию систем искусственного интеллекта в сфере морских перевозок и выработке единых глобальных правил по функционированию указанных систем.

В то же время предложенные уровни управления морскими судами требуют существенной переработки имеющихся международных нормативно-правовых актов, поскольку все эти новейшие прогрессивные технологии и технические морские средства недостаточно регламентированы положениями договоров (Конвенцией ООН по морскому праву, Международными правилами предупреждения столкновений судов в море (МППСС), Международной конвенцией по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ)). Государствам и ИМО необходимо совершенствовать нормы и технические стандарты с целью обеспечения морской безопасности и осуществления иной морской деятельности в Мировом океане и иных морских пространствах.

2.2. Проблема пиратства и морского терроризма

Другой не менее важной проблемой, влияющей на обеспечение морской безопасности, является морской терроризм. Эффективное противодействие данной угрозе возможно толь-

ко на международном уровне. На сегодняшний день это серьезная угроза для безопасности морских перевозок, которая может влиять на возможность свободного судоходства. Происходит интернационализация террористических связей и резко повышается опасность от данного социального явления [Горбунов 2007:39].

Ряд авторов отмечает, что пиратство и использование морских судов преступными организациями для контрабанды и наркоторговли и иной противоправной деятельности являются основными угрозами в деле обеспечения безопасности в море [Францкевич 2021:151].

В настоящее время нет единого определения морской безопасности, но есть понимание того, какие для нее существуют основные угрозы. К таким угрозам относят: пиратство, террористические атаки на морские суда, незаконный оборот оружия [Grdinic 2015:32].

Также авторами отмечается, что с точки зрения международных соглашений под определение «пиратство» попадают только действия, совершенные в открытом море вне юрисдикции конкретной страны [Гуцуляк 2017:11].

Сегодня морское пиратство превратилось в опасное социальное явление и стало активно срачиваться с иными видами преступной деятельности. При этом отмечается рост профессионализма пиратов, что усложняет противодействие им [Ромашев 2013:6].

Можно говорить, что между морским терроризмом и пиратством имеется некая взаимосвязь. Пиратство зародилось практически одновременно с активным развитием коммерческого судоходства и в течение длительного периода оказывало существенное влияние на торговое мореплавание [Князева Н.А., Князева Е.А. 2014:176].

На современном этапе развития международного права под пиратством понимается незаконный захват и грабеж морских судов. При этом нередко захват судна с целью его грабежа может перерасти в захват заложников с целью запугивания властей.

За последние годы пираты существенно расширили территорию, где суда могут подвергнуться их нападению. Вместе с тем пираты стали достаточно серьезно вооружены, в том числе и огнестрельным оружием [Пенько 2011:21].

Однако необходимо отметить, что морской терроризм и пиратство все же имеют разные цели. Основной задачей морских пиратов является захват судна с целью грабежа и получения

выкупа за его освобождение. В то же время морские террористы захватывают суда, выдвигая политические требования, и используют заложников с целью оказания давления на власти для исполнения своих требований.

В качестве примера можно привести захват в сентябре 2010 г. мальтийского сухогруза «Олиб», где пираты за освобождение судна и членов экипажа выдвигали денежные требования о выкупе. Никаких политических требований не выдвигалось. После получения выкупа члены экипажа были освобождены. Также пиратами после получения выкупа был освобожден греческий нефтяной танкер «Maran Centaurus». После захвата данного судна выдвигались только требования о выкупе.

Напротив, при захвате итальянского круизного лайнера «Акилле Лауро» в октябре 1985 г. террористами были выдвинуты политические требования об освобождении ряда заключенных из израильских тюрем. Никаких финансовых требований не выдвигалось. Также при захвате в 1996 г. российского парома «Аврасия» террористами были выдвинуты только политические требования.

Таким образом, нельзя отождествлять морской терроризм и пиратство, поскольку данные деяния преследуют разные цели и должны относиться к разным общественно опасным преступлениям.

Серьезность последствий террористических угроз на море можно увидеть на примере террористического нападения на пассажирские паромы на Шри-Ланке в октябре 2000 г., когда погибли около 400 пассажиров в результате затопления одного парома и серьезного повреждения второго судна. В результате нападения на французский нефтяной танкер «Limburg» в октябре 2002 г. в море вылилось более 90 тысяч тонн нефти, что привело к негативным экологическим последствиям.

Более того, морские террористические группировки представляют угрозу и для военных судов. В феврале 1998 г. восемь лодок террористической организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» атаковали два военных судна ВМС Шри-Ланки, в ходе атаки погибло 79 человек. В октябре 2000 г. был атакован американский эсминец «Коул», в который на лодке врезались представители террористической группировки. В результате данной атаки погибло 17 моряков, а сам корабль получил серьезные повреждения.

Аналитики отмечают, что различные террористические группировки имеют доступ к современным технологиям и техническим средствам, которые позволяют произвести захват морского судна или его уничтожение как в прибрежной зоне, так и в открытом море.

Очевидно, что в обозримом будущем морские террористические группировки смогут перейти к масштабным операциям против пассажирских, грузовых и военных судов, а также объектов портовой инфраструктуры.

В частности, американским военным удалось изъять документы, которые свидетельствовали о планах «Аль-Каиды»¹ нанести удар по городам, расположенным на Атлантическом побережье США. Для атаки планировалось использовать грузовые суда, в трюмы которых должны были загрузить взрывчатое вещество. Также рассматривались варианты, при которых нефтяной танкер протаранит мост Золотые ворота в Сан-Франциско или будет взорван в Бостонском порту [Kraska, Pedrozo 2013:14].

Международному сообществу необходимо принять меры по защите морских судов от следующих типов угроз: захвата морского судна и заложников на данном судне для выдвижения политических и иных требований; уничтожения морского судна для запугивания властей, которое может привести к экологической катастрофе или разрушению объектов прибрежной инфраструктуры, человеческим жертвам; захвата морского судна для его использования с целью совершения террористических действий в отношении иных судов или портовой инфраструктуры; разрушение морского навигационного оборудования, что может угрожать безопасному мореплаванию.

Стоит отметить, что на международном уровне отсутствует единый подход по противодействию пиратству [Коваль 2022:61]. Выработка единых глобальных мер по противодействию указанной угрозе позитивно повлияет на безопасность морских перевозок.

Фактически сейчас сложилась уникальная ситуация, когда мировое сообщество имеет все необходимые ресурсы для противодействия пиратству, но отсутствует четкое понимание действий, которые необходимо предпринять для решения указанной проблемы [Витолина 2021:30].

Особенно важно выработать на международном уровне способы противодействия указанным угрозам в свете развития безэкипажных морских перевозок. Перехват управления над безэкипажным судном позволяет использовать его в террористических целях, в том числе для блокирования важнейших морских транспортных путей. Например, блокирование Суэцкого канала может нанести колоссальный ущерб мировой экономике и дать нужный морским террористам результат.

Необходимо отметить, что различные террористические группировки используют морскую транспорт для нелегального перемещения отдельных членов своих группировок на значительные расстояния. Также возможны морские перевозки боеприпасов, оружия, различной пропагандисткой литературы, денежных средств, иного оборудования, необходимого данным группировкам для ведения террористической деятельности.

В этом случае пассажиры морских судов и сами суда не подвергаются опасности, но террористический акт происходит на территории третьих стран, что может привести к международной напряженности и человеческим жертвам.

Многие террористические группировки используют регулярные пассажирские и грузовые суда для контрабанды произведений искусства, оружия, организации нелегальной миграции. Осуществляя указанные контрабандные поставки, террористические группировки получают финансовые ресурсы, которые могут направлять на достижение противоправных целей. Например, на закупку быстроходных катеров, подводного оборудования, дыхательного снаряжения с замкнутым циклом, навигационного оборудования. На международном уровне необходимо вести аналитическую и профилактическую работу с целью пресечения использования морского транспорта в преступных целях.

Также на международном уровне необходимо выработать единый подход по привлечению к ответственности лиц, причастных к морскому терроризму. Нередки случаи, когда террористы либо уходят от ответственности, либо получают незначительные сроки за свои деяния. Например, один из организаторов террористического акта против французского танкера “Limburg”

¹ Внесена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116).

был приговорен йеменским судом к смертной казни в 2006 г., однако в 2007 г. был отпущен на свободу.

Нередко из-за юридических коллизий и ошибок лица, причастные к террористической деятельности, могут избежать ответственности. В частности, террористическая группировка «Тигры освобождения Тамил-Илама» осуществляла строительство небольших подводных лодок на территории Индии для борьбы с правительственными силами на Шри-Ланке. Несмотря на конфискацию нескольких субмарин, они смогли продолжить свою деятельность на территории Таиланда.

В сентябре 2024 г. британским военным кораблем HMS Trent в 190 морских милях от Доминиканской республики была перехвачена мини-подводная лодка, перевозящая наркотики на сумму более 200 миллионов долларов США. При этом в 2023 г. испанская полиция смогла задержать похожую субмарину у берегов Галиции. Таким образом, очевидно, что широкое применение террористическими группировками подобных субмарин против гражданских и торговых судов – это лишь вопрос времени.

Для успешного противодействия названным угрозам государствам необходимо вырабатывать единую правоприменительную практику. Следует отметить, что решить вопрос безопасности в сфере морских перевозок усилиями какого-то одного государства не получится [Васильев 2021:83].

В то же время, к сожалению, в международных правовых документах универсального уровня не выработан единый подход по борьбе с международным терроризмом на море, что демонстрирует ряд проблем теоретического, правового и практического характера, имеющих значение для обеспечения морской безопасности. Многочисленные споры на международных площадках о сходстве терроризма и пиратства не способствуют принятию единого универсального определения морского терроризма. Несомненно, что морской терроризм имеет свои специфические черты, но ему также присущи и все основные черты терроризма. Именно поэтому необходимо разрабатывать на международном уровне эффективные механизмы по противодействию морскому пиратству и терроризму и на основе данных механизмов противодействовать этим угрозам [Бекашев 2010:1414].

Международное сотрудничество государств по противодействию терроризму регламенти-

руется международными документами, созданными ООН (к примеру, Конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., нормативными правовыми актами ООН).

Государствам необходимо унифицировать конвенционные нормы для эффективной борьбы с терроризмом на море, а также учредить специальный орган при ООН (или ИМО), который будет наделен соответствующими функциями и полномочиями по борьбе с терроризмом на море.

Значительным прогрессом по укреплению сотрудничества государств на региональном уровне является урегулирование межгосударственных конфликтов (в том числе в морских пространствах), невмешательство во внутренние дела иностранного государства, согласованные единые позиции и совместные контртеррористические действия на море.

Опыт международного сотрудничества государств показывает возможность гармонизации норм существующих договоров, регулирующих борьбу с терроризмом на море для конкретного региона или группы государств. Соответственно требуется использование опыта региональных организаций и международных объединений (Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), БРИКС) и правовой деятельности государств в данной сфере в национальном законодательстве для принятия на универсальном уровне международной конвенции, предусматривающей реализацию специальных контртеррористических мер и создание единого органа ООН по борьбе с терроризмом на море.

Представляется, что применение международных правовых инструментов по обеспечению морской безопасности должно осуществляться на трех уровнях правотворчества: универсальном, региональном и национальном.

2.3. Проблема Арктического региона

В настоящее время существенно вырос интерес ряда стран к арктическому региону, поскольку в связи с глобальными изменениями климата он становится все более доступен для судоходства и добычи природных ресурсов. Соответственно межгосударственное сотрудничество по данному региону становится все более актуальным.

Особую значимость в сотрудничестве приарктических государств имеет Арктический Совет,

который реализует правовое обеспечение устойчивого развития и защиты окружающей среды в Арктике. В настоящее время членами Арктического Совета является восемь арктических государств, включая Российскую Федерацию [Журавель 2022:222].

При этом, несмотря на важность общеобязательных норм, регулирующих деятельность заинтересованных лиц в Арктике, универсального международного акта, определяющего межгосударственное взаимодействие в этом регионе, не существует.

На современном этапе межгосударственного взаимодействия принятие такого глобального соглашения представляется невозможным.

На сегодняшний день страны Латинской Америки и страны Европейского союза стремятся нарастить добычу природных ресурсов в арктическом регионе. Китай также стремится закрепить в Арктике и в будущем иметь возможность заниматься там добычей энергетических ресурсов. Также Китай стремится увеличить объем грузоперевозок через арктический регион с целью диверсификации торговых путей.

Стоит учитывать тот факт, что масштабные работы по добыче нефти и газа сами по себе являются источниками экологических рисков [Статуто 2020:7].

Вместе с тем хрупкая экологическая система арктического региона может не выдержать активной хозяйственной деятельности. Любая техногенная авария может привести к непоправимым экологическим последствиям [Соколова 2020:122].

Очевидно, что в современных условиях полный запрет хозяйственной деятельности в данном регионе невозможен и наиболее правильным способом решения природоохранных проблем Арктики будет региональное сотрудничество [Вылегжанин, Беркман, Журавлева, Соловьева 2021:58].

Арктические государства в течение длительного периода стремились создать в арктическом регионе сбалансированную социально-экономическую систему, которая могла бы защитить указанный регион от интенсивного хозяйственного освоения, но в последние годы неарктические страны претендуют на участие в выработке общеобязательных правил ведения хозяйственной деятельности в данном регионе.

Ряд авторов отмечает, что достаточно сложным является статус Северного Ледовитого океана [Вылегжанин, Дудыкин 2017:285].

Соответственно, возможность арктических государств противостоять чрезмерной хозяйственной деятельности в данном регионе и возможность выработки на международном уровне глобальных правил межгосударственного взаимодействия позволят правовыми средствами урегулировать деятельность всех стран в арктическом регионе.

Арктический совет и Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Совет саамов содействуют развитию арктических народов. Взаимодействие этих международных организаций гарантирует активное участие народностей и предоставляет возможность для обсуждения в области политики и принятия правовых решений в сфере морской деятельности в Арктике.

Обсуждение важных вопросов: борьба с климатическими изменениями, уменьшение влияния мореплавания на природу арктического бассейна, стремление к уменьшению уровня загрязнения свинцом и другими тяжелыми металлами, а также сохранение биоразнообразия, – являются основополагающими векторами функционирования Арктического совета.

Международное сотрудничество и устойчивое развитие Северного Ледовитого океана – приоритет Арктического совета. Важность создания форума, где государства, прибрежные к Арктике, могут открыто обсуждать эти проблемы, принимая во внимание мнения коренных народов, не подлежит сомнению. Это обеспечивает важную основу для равноправного международного сотрудничества государств, особенно в сложных современных геополитических условиях. Государства решают такие насущные проблемы, как противодействие загрязнению морской среды, правовое обеспечение безопасного судоходства в Арктике, правовое регулирование сотрудничества на море в арктических пространствах.

Огромное значение для обеспечения безопасности мореплавания в полярных водах играет Полярный кодекс, вступивший в силу в 2017 г. Большую роль в принятии данного документа сыграла позиция Арктического совета, стремящегося обеспечить решение экологических вопросов в Северном Ледовитом океане [Медников 2016:8].

Данным международным документом установлены обязательные требования к судам, работающим в рассматриваемом регионе.

В частности, судно должно иметь действующее свидетельство судна полярного плавания, что закрепляет на международном уровне практику по разрешительному порядку судоходства в полярных водах. Кроме того, Полярный кодекс содержит положения, направленные на защиту окружающей природной среды. Так, установлен запрет на сброс нефтепродуктов в полярных водах.

Стоит обратить внимание на то, что Полярный кодекс допускает возможность выдачи государством флага судна свидетельства судна полярного плавания, что может негативно повлиять на обеспечение безопасности мореплавания в полярных водах. В связи с этим приарктическим государствам стоит установить дополнительные правила эксплуатации судов в полярных водах для повышения безопасности мореплавания в данном регионе. Кроме того, необходимо на уровне международного соглашения зафиксировать возможность инспекций судов приарктическими государствами для установления их соответствия обязательным требованиям Полярного кодекса и обмена информацией о судах, которые не соответствуют указанным требованиям.

Необходимо отметить, что в рамках решения Арктическим советом проблемы загрязнения морской среды в 2013 г. была принята конвенция, положения которой регламентируют вопросы сотрудничества государств по противодействию загрязнению моря нефтью в Арктике. В Арктическом совете функционируют специальные группы экспертов, деятельность которых направлена на мониторинг и контроль возникновения экологических и других чрезвычайных ситуаций (спасание на море, контроль радиации и др.).

Арктический совет реализует в сфере морской безопасности: оценку морского судоходства в Арктике; разработку базы данных судоходства в арктических пространствах; создание Информационного форума по безопасной практике арктического судоходства; имплементацию норм Полярного кодекса, Соглашения о сотрудничестве в области авиационного и морского поиска и спасания в Арктике 2011 г.

С целью расширения сотрудничества на море Арктический Совет в рамках уставной деятельности принял Декларацию Тромсе от 29 апреля 2009 г. и Нуукскую декларацию от 12 мая 2011 г., а также был разработан и утвержден Морской стратегический план Арктического совета на

2015–2025 гг., который определил основные направления сотрудничества государств по защите морских и прибрежных экосистем Арктики и их устойчивому развитию.

Стоит отметить, что при активном участии Арктического совета в 2015 г. в Осло принимается декларация о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. В дальнейшем в 2018 г. в Гренландии принимается Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана.

С 2021 по 2023 г. Российская Федерация председательствовала в Арктическом совете. Несмотря на позитивные результаты, деятельность Арктического совета была приостановлена в марте 2022 г. Для стабильного обеспечения международной и морской безопасности в Арктике необходимо возобновить равноправное сотрудничество участников Арктического совета.

Расширение сотрудничества государств по обеспечению морской безопасности производится не только на международном, но и на региональном и субрегиональном уровнях. Это подтверждает учреждение Совета Баренцева / Евроарктического региона с участием ряда скандинавских государств, Российской Федерации и стран Европейского союза. Совет содействовал принятию Соглашения о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации от 11 декабря 2008 г.

18 сентября 2023 г. Россия заявила о выходе из совета в связи с нарушением другими участниками совета принципа ротации. Несмотря на сложившуюся геополитическую ситуацию, Россия продолжает реализовывать региональные проекты в Арктике, сотрудничать со всеми государствами, которые готовы к взаимовыгодному и равноправному диалогу.

В современных условиях, несмотря на замораживание сотрудничества между приарктическими государствами, их совместная деятельность продолжает осуществляться на двусторонней основе. Для решения проблем загрязнения морской среды, обеспечения безопасного мореплавания, рационального рыболовства и развития региона государствами в рамках двусторонних и многосторонних договоров и межправительственных форумов формируется международно-правовая база, создаются программы развития и обеспечения морской без-

опасности в морских пространствах всего Арктического региона.

Необходимо заметить, что арктические территории играют большую роль для обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации [Тетерин 2022:134].

Как показывает практика, реализация направлений арктической политики России находится в прямой зависимости от системы существующих правовых инструментов и механизмов. Представляется, что правовой режим Арктической зоны Российской Федерации включает международный и национальный правовые режимы охраны окружающей среды в Арктическом регионе. Национальное законодательство государств региона также включает систему правовых средств защиты окружающей среды и морской безопасности арктических территорий.

В современных условиях возрастает необходимость в разработке ряда положений на уровне национального законодательства государств региона. Перспективы региональных решений в сфере морской безопасности и защиты экосистемы Арктики могут обеспечиваться в нескольких направлениях: 1) разведка и разработка природных ресурсов; 2) безопасность мореплавания; 3) предотвращение загрязнения с судов; 4) технические стандарты регулирования морской деятельности.

Правовые акты, принимаемые специализированными международными организациями (например, ИМО), могут эффективно обеспечивать морскую безопасность в Мировом океане.

Альтернативой региональных договоров может являться гармонизация национального законодательства, которая в условиях геополитической нестабильности также позволит формировать региональный арктический режим.

Унификация международных экологических стандартов представляет собой приоритетное направление по обеспечению морской безопасности в Арктике. Некоторые государства – члены Арктического совета в настоящее время не являются участниками Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте и до сих пор не присоединились к Орхусской конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды.

В целях оказания содействия государствам Арктического совета в процессе ратификации

соответствующих международных соглашений рабочие группы могут провести инвентаризацию международных экологических норм государств-участников. Стоит отметить, что приарктические государства смогли в рамках региональных международных соглашений урегулировать многие экологические вопросы [Емельянцеv 2020:142].

Равноправное взаимодействие государств в предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций является фундаментальной основой международного сотрудничества участников Арктического совета.

Деятельность Арктического совета должна включать вопросы военно-морского сотрудничества и обеспечения морской безопасности в Арктике, а также аспекты рыболовства, вылова морских млекопитающих в арктических пространствах.

2.4. Проблема воздействия на экологию

Морская деятельность в современных условиях существенно влияет на экосистему Мирового океана и климат на планете, поэтому уменьшение влияния морского транспорта на биосистемы является важной задачей, поскольку эти воздействия связаны не только с мореплаванием, но и зависят от ряда других видов морской деятельности.

Так, более 80 % загрязнения с морских судов происходит из-за сбросов отработанного масла, операций по очистке топливных танков, которые производятся преднамеренно или по причине отсутствия необходимых портовых сооружений для приема отходов [Mazzoccoli, Altosole, Vigna, Bosio, Arato 2020:2].

Кроме того, выбросы от судоходства способствуют ухудшению качества воздуха в прибрежных морских районах [Viana, Hamming, Colette, et al 2014:96].

Учитывая значительное влияние судоходства на экосистему, судовые выбросы становятся предметом правового регулирования на национальном и международном уровне [Corbett, Winebrake, Green, Kasibhatla, Eyring, Lauer 2007:8512].

В частности, в настоящее время повышенное внимание уделяется экологической безопасности морского судоходства. Большой ущерб природной среде наносится выбросами в атмосферу в результате работы судовых двигателей. Особо негативную роль играют содержащиеся в данных выбросах соединения серы. Учитывая

международное значение современных морских перевозок, данная проблема должна решаться системно и на международном уровне.

Регулирование на национальном уровне в данной ситуации также возможно, но представляется, что универсальные международные правила будут более эффективными, поскольку сохранение природной среды является глобальной задачей человечества.

В качестве примера регионального регулирования мы можем отметить китайские внутренние требования 2015 г., ограничившие содержание серы в 0,5 % в топливе для морских портов в районе Гуанчжоу, Шанхая. В Европейском союзе действующая директива ограничивает содержание серы в топливе не более 0,10 % для судов в портах Союза [Петров, Живлюк 2019:133].

На универсальном уровне с 2020 г. в соответствии с требованиями Правил 14.1.3, Приложения VI, МАРПОЛ в морской индустрии принята программа, которая требует от судовладельцев сократить содержание серы в топливе морских судов до 0,5 %. В Европейском союзе разработан регламент о мониторинге, отчетности и проверке выбросов CO₂. В 2025 г. ИМО планирует принять более жесткие и конкретные меры по борьбе с выбросами.

Стоит отметить, что международное взаимодействие по проблемам судовых выбросов оправдано потому, что даже перевод морских судов на иные виды топлива (метанол, водород и др.) все равно будет приводить к загрязнению природной среды [Comer, McCabe, Carr, Elling, et al 2023].

В Российской Федерации большое внимание уделяется правовому обеспечению морской безопасности, защите морской экосистемы и воздуха от вредного воздействия морского транспорта и объектов морской деятельности (например, издан Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. «Климатическая доктрина Российской Федерации», распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р утверждена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. и т. д.).

В данной ситуации у судовладельцев есть несколько вариантов для осуществления дальнейшей деятельности. Так, возможен переход на сжиженный природный газ, использование

которого в качестве судового топлива позволяет на 90 % снизить выбросы серы. В то же время данный вариант подходит не для всех судовладельцев, поскольку имеются ограничения по возможности заправки судна указанным топливом в некоторых портах. Вместо перехода на сжиженный природный газ судовладелец может установить специальные устройства (скрубберы), которые позволят снизить выбросы серы до допустимых значений или перейти на использование низкосернистого топлива.

Представляется разумным развитие водородной энергетики, поскольку в перспективе использование водородного топлива позволит решить многие экологические проблемы.

В связи с этим ИМО целесообразно подготовить правовой акт по поводу применения новых видов топлива для морских судов или энергоносителей типа сжиженного природного газа, чтобы соответствовать требованиям ИМО-2020. Необходима система международного мониторинга, контроля и учета, которая позволит отслеживать выбросы и заставлять судовладельцев соблюдать международные требования и стандарты.

3. Заключение

Решение вопросов международно-правового обеспечения морской безопасности на международном уровне необходимо обеспечивать комплексно и системно. Поскольку решение какой-либо одной проблемы из числа рассмотренных в статье не сильно отразится на общей защищенности морских судов и экологии Мирового океана.

Необходимо на международном уровне выстраивать единые подходы к морской безопасности, обеспечивать единообразное международное правоприменение при противодействии рассмотренным угрозам и создавать единые международные нормы и стандарты по вопросам обеспечения морской безопасности.

Таким образом, международно-правовое обеспечение морской безопасности в современных условиях зависит в первую очередь от согласованного и равноправного взаимодействия государств и межгосударственных организаций по эффективному и рациональному использованию Мирового океана в интересах всех наций и народов нашей планеты.

Список литературы

1. Бекашев К.А. 2010. Международное право в борьбе с морским пиратством. – *Lex Russica*. № 6. С. 1397-1414.
2. Васильев С.А. 2021. Международно-правовые меры обеспечения безопасности мореплавания. – *Московский журнал международного права*. № 1 С. 81-88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-81-88>.
3. Витолина Е.И. 2021. Правовое регулирование противодействия пиратству на море. – *Океанский менеджмент*. № 1 (10). С. 29-38.
4. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. 2017. Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим арктического шельфа. – *Вестник ВГУ. Серия: Право*. № 1 (28). С. 284-302.
5. Вылегжанин А.Н., Беркман П.А., Журавлева И.П., Соловьева А.В. 2021. *Сотрудничество и состязательность государств в Арктике: потенциал международного права и научной дипломатии*. Москва: МГИМО. 59 с.
6. Горбунов Ю.С. 2007. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму. – *Журнал российского права*. № 2 (122). С. 38-44.
7. Гуцуляк В.Н. 2017. *Российское и международное морское право (публичное и частное)*. Москва: Граница. 448 с.
8. Емельянцева В.П., Валентей С.Д. 2020. Арктика в ракурсе новейших законодательных инициатив. – *Журнал российского права*. № 2. С. 136-153. DOI: [10.12737/jrl.2020.023](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.023).
9. Журавель В.П. 2022. Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования). – *Арктика и Север*. № 46. С. 220-233.
10. Зайкова С.Н., Титов А.В. 2018. Правовой статус внешнего капитана автономного надводного морского судна. – *Транспорт Российской Федерации*. № 5 (78). С. 50-53.
11. Ключев В.В. 2018. Правовое регулирование использования автономных судов. – *Транспорт Российской Федерации*. № 5 (78). С. 13-15.
12. Князева Н.А., Князева Е.А. 2014. Применение норм международно-правового характера как один из способов противодействия морскому терроризму и пиратству. – *Всероссийский криминологический журнал*. № 4. С. 175-187.
13. Коваль В.Н., Очкуренко С.В., Васильев С.А. 2022. К проблеме обеспечения безопасности на море: азиатский регион. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 56-67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-56-67>.
14. Медников В.А. 2016. *Полярный кодекс. Попытка критического осмысления*. URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/6_Mednikov.pdf (дата обращения: 17.04.2025).
15. Пенько С.А. 2011. Морское пиратство: проблемы привлечения к ответственности на международном уровне и имплементация норм в российское законодательство. – *Пробелы в российском законодательстве*. № 6. С. 21-26.
16. Петров А.П., Живлюк Г.Е. 2019. Экологическая безопасность. Ограничение выбросов серы судовыми энергетическими установками. – *Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова*. № 1. С. 130-145.
17. Ромашев Ю.С. 2013. *Борьба с пиратством и вооружённым разбоем на море (правовые основы и практика)*. 2-е изд., исправл. и доп. Москва: Транслит. 336 с.
18. Соколова Н.А. 2020. Международное арктическое научное сотрудничество: институционализация правового режима. – *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 9. С. 120-130.
19. Статуто А.И. 2020. Обзор роли арктического судоходства и обеспечение его экологической безопасности. – *Российская Арктика*. № 2. С. 5-16.
20. Тетерин А.В. 2022. Правовые основы обеспечения социально-экономического развития Арктической зоны. – *Право и государство: теория и практика*. № 12 (216). С. 134-136. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_12_134.
21. Францкевич М.С. 2021. Вопросы регламентации безопасности мореплавания в рамках международного права. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. Т. 17. № 2. С. 150-156. DOI: [10.12737/jflcl.2021.024](https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.024).
22. Anish J., Dimitrios D. 2021. The international convention for the safety of life at sea: highlighting interrelations of measures towards effective risk mitigation. – *Journal of International Maritime Safety, Environmental Affairs, and Shipping*. Vol. 5. № 1. P. 1-11. DOI: [10.1080/25725084.2021.1880766](https://doi.org/10.1080/25725084.2021.1880766).
23. Comer B., McCabe S., Carr E.W., Elling M. [et al.]. 2023. *Real-world NOx emissions from ships and implications for future regulations*. International council on clean transportation. URL: https://www.researchgate.net/publication/380783867_Real-world_NOx_emissions_from_ships_and_implications_for_future_regulations (дата обращения: 20.03.2025).
24. Corbett J., Winebrake J., Green E., Kasibhatla P., Eyring V., Lauer A. 2007. Mortality from Ship Emissions: A Global Assessment. – *Environ. Sci. Technol.* Vol. 41. P. 8512-8518.
25. Grdinic J.N. 2015. Legal regulations in the function of ensuring ship safety. – *Scientific Journal of Maritime Research*. Vol. 29. P. 30-39.
26. Kraska J., Pedrozo R. 2013. *International Maritime Security Law*. Leiden. Boston. 939 p.
27. Mazzocchi M., Altosole M., Vigna V., Bosio B., Arato E. 2020. Marine Pollution Mitigation by Waste Oils Recycling Onboard Ships: Technical Feasibility and Need for New Policy and Regulations. – *Front. Mar. Sci.* P. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.3389/fmars.2020.566363>.
28. Viana M., Hammingh P., Colette A. [et al.]. 2014. Impact of maritime transport emissions on coastal air quality in Europe. – *Atmospheric Environment*. Vol. 90. P. 96-105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.atmosenv.2014.03.046>.

References

1. Anish J., Dimitrios D. 2021. The international convention for the safety of life at sea: highlighting interrelations of measures towards effective risk mitigation. – *Journal of International Maritime Safety, Environmental Affairs, and Shipping*. Vol. 5. № 1. P. 1-11. DOI: [10.1080/25725084.2021.1880766](https://doi.org/10.1080/25725084.2021.1880766).
2. Bekjashev K.A. *Mezhdunarodnoe pravo v bor'be s morskim piratstvom* [International law in the fight against maritime piracy]. – *Lex Russica*. 2010. № 6. P. 1397-1414. (In Russ.)

3. Comer B., McCabe S., Carr E.W., Elling M. [et al.]. 2023. *Real-world NOx emissions from ships and implications for future regulations. International council on clean transportation*. URL: https://www.researchgate.net/publication/380783867_Real-world_NOx_emissions_from_ships_and_implications_for_future_regulations (дата обращения: 20.03.2025).
4. Corbett J., Winebrake J., Green E., Kasibhatla P., Eyring V., Lauer A. 2007. Mortality from Ship Emissions: A Global Assessment. – *Environ. Sci. Technol.* Vol. 41. P. 8512-8518.
5. Emel'jancev V.P., Valentej S.D. Arktika v rakurse novejših zakonodatel'nyh iniciativ [The Arctic in the Perspective of the Latest Legislative Initiatives]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2020. № 2. P. 136-153. DOI: 10.12737/jrl.2020.023. (In Russ.)
6. Frankevich M.S. Voprosy reglamentacii bezopasnosti moreplavaniya v ramkah mezhdunarodnogo prava [Issues of regulation of navigation safety within the framework of international law]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2021. T. 17. № 2. P. 150-156. DOI: 10.12737/jflcl.2021.024. (In Russ.)
7. Gorbunov Ju.S. K voprosu o pravovom regulirovanii protivodejstviya terrorizmu [On the issue of legal regulation of countering terrorism]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2007. № 2 (122). P. 38-44. (In Russ.)
8. Grdinic J.N. 2015. Legal regulations in the function of ensuring ship safety. – *Scientific Journal of Maritime Research*. Vol. 29. P. 30-39.
9. Guculjak V.N. *Rossijskoe i mezhdunarodnoe morskoe pravo (publichnoe i chastnoe) [Russian and international maritime law (public and private)]*. Moscow: Granica. 2017. 448 p. (In Russ.)
10. Kljuev V.V. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya avtonomnyh sudov. [Legal regulation of the use of autonomous vessels]. – *Transport Rossijskoj Federacii [Transport of the Russian Federation]*. 2018. № 5 (78). P. 13-15. (In Russ.)
11. Knjazeva N.A., Knjazeva E.A. Primenenie norm mezhdunarodno-pravovogo haraktera kak odin iz sposobov protivodejstviya morskomu terrorizmu i piratstvu [Application of international legal norms as one of the ways to counter maritime terrorism and piracy]. – *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]*. 2014. № 4. P. 175-187. (In Russ.)
12. Koval' V.N., Ochkurenko S.V., Vasil'ev S.A. K probleme obespecheniya bezopasnosti na more: aziatskij region [On the problem of ensuring safety at sea: the Asian region]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2022. № 4. P. 56-67. DOI: https://doi.org/10.24833/0869_0049-2022-456-67. (In Russ.)
13. Kraska J., Pedrozo R. 2013. *International Maritime Security Law*. Leiden. Boston. 939 p.
14. Mazzoccoli M., Altosole M., Vigna V., Bosio B., Arato E. 2020. Marine Pollution Mitigation by Waste Oils Recycling Onboard Ships: Technical Feasibility and Need for New Policy and Regulations. – *Front. Mar. Sci.* P. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.3389/fmars.2020.566363>.
15. Mednikov V.A. Poljarnyj kodeks. *Popytka kriticheskogo osmysleniya [Московский журнал международного права]*. 2016. URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/6_Mednikov.pdf (accessed date: 17.04.2025). (In Russ.)
16. Pen'ko S.A. Morskoe piratstvo: problemy privlechenija k otvetstvennosti na mezhdunarodnom urovne i implementacija norm v rossijskoe zakonodatel'stvo. [Maritime piracy: problems of bringing to justice at the international level and implementation of norms in Russian legislation]. – *Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]*. 2011. № 6. P. 21-26. (In Russ.)
17. Petrov A.P., Zhivljuk G.E. Jekologicheskaja bezopasnost'. Ogranichenie vybrosov sery sudovymi jenergeticheskimi ustanovkami. Environmental safety. [Limiting sulfur emissions from ship power plants]. – *Vestnik gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota im. admirala S.O. Makarova [Bulletin of the Admiral S.O. Makarov State University of the Marine and River Fleet]*. 2019. № 1. P. 130-145. (In Russ.)
18. Romashev Ju.S. *Bor'ba s piratstvom i voozruzhjonnym razboem na more (pravovye osnovy i praktika) [Combating piracy and armed robbery at sea (legal framework and practice)]*. 2-e izd., ispravl. i dop. Moszov: TransLit. 2013. 336 p. (In Russ.)
19. Sokolova N.A. Mezhdunarodnoe arkticheskoe nauchnoe sotrudnichestvo: institucionalizacija pravovogo rezhima. [International Arctic scientific cooperation: institutionalization of the legal regime]. – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2020. № 9. P. 120-130. (In Russ.)
20. Statuto A.I. Obzor roli arkticheskogo sudohodstva i obespechenie ego jekologicheskoy bezopasnosti. [Review of the role of Arctic shipping and ensuring its environmental safety]. – *Rossijskaja Arktika [Russian Arctic]*. 2020. № 2. P. 5-16. (In Russ.)
21. Teterin A.V. Pravovye osnovy obespecheniya social'no-jekonomicheskogo razvitija Arkticheskoy zony. [Legal basis for ensuring the socio-economic development of the Arctic zone]. – *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika [Law and the State: theory and practice]*. 2022. № 12 (216). P. 134-136. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_12_134. (In Russ.)
22. Vasil'ev S.A. Mezhdunarodno-pravovye mery obespecheniya bezopasnosti moreplavaniya [International legal measures to ensure the safety of navigation]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2021. № 1. P. 81-88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-81-88>. (In Russ.)
23. Viana M., Hammings P., Colette A. [et al.]. 2014. Impact of maritime transport emissions on coastal air quality in Europe. – *Atmospheric Environment*. Vol. 90. P. 96-105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.atmosenv.2014.03.046>.
24. Vitolina E.I. Pravovoe regulirovanie protivodejstviya piratstvu na more [Legal regulation of countering piracy at sea]. – *Okeanskij menedzhment [Ocean management]*. 2021. № 1 (10). P. 29-38. (In Russ.)
25. Vylegzhanin A.N., Berkman P.A., Zhuravleva I.P., Solov'eva A.V. *Sotrudnichestvo i sostjazatel'nost' gosudarstv v Arktike: potencial mezhdunarodnogo prava i nauchnoj diplomatii [Cooperation and competitiveness of States in the Arctic: the potential of international law and scientific diplomacy]*. Moscow: MGIMO. 2021. 59 p. (In Russ.)
26. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. Konvencija OON po morskomu pravu i pravovoj rezhim arkticheskogo shelf'a. – *Vestnik VGU. Serija: Pravo [Bulletin of the VSU. Series: Law]*. 2017. № 1 (28). P. 284-302. (In Russ.)
27. Zajkova S.N., Titov A.V. Pravovoj status vneshnego kapitana avtonomnogo nadvodnogo morskogo sudna

[Legal Status of the External Captain of an Autonomous Surface Vessel]. – *Transport Rossijskoj Federacii [Transport of the Russian Federation]*. 2018. № 5 (78). P. 50-53. (In Russ.)

28. Zhuravel' V.P. Arkticheskij sovet: osnovnye vehi razvitija (k 25-letiju obrazovanija) [The Arctic Council: Key Milestones in Development (on the 25th Anniversary of Its Formation)]. – *Arktika i Sever [The Arctic and the North]*. 2022. № 46. P. 220-233. (In Russ.)

Информация об авторах

About the Authors

Юрий Владимирович МИШАЛЬЧЕНКО

доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры международного и гуманитарного права, Северо-Западный институт управления (филиал) Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Средний пр-т Васильевского о-ва, 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация

myv2008@mail.ru

ORCID:0000-0002-2162-0191

Тимофей Николаевич ДОВБУШ

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Басков пер., 16, Санкт-Петербург, 191014, Российская Федерация

dovbushtimofey@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8676-1107

Yury V. MISHALCHENKO

Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of European Studies at St. Petersburg State University, Professor of International and Humanitarian Law Department, North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

57/43, Sredny Ave. Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russian Federation, 199178

myv2008@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2162-0191

Timofey N. DOVBUSH

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)"

16, Baskov Ln., St. Petersburg, Russian Federation, 191014

dovbushtimofey@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8676-1107

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-86-98>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 18.02.2025
Принята к публикации: 22.04.2025

Татьяна Владимировна ГОВЕРДОВСКАЯ

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Татищева ул., 20а, Астрахань, 414056, Российская Федерация
tara_goya@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6340-4764

Ляйсян Маратовна СТАРКОВА

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Татищева ул., 20а, Астрахань, 414056, Российская Федерация
5leska5@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4411-6510

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРРИСКАМ В МОРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. На сегодняшний день международное сообщество признает многоаспектность и комплексность понятия «международная безопасность» и призывает к сотрудничеству государств в данной сфере. Представляется, что разработку и реализацию подобных механизмов следует начать с малых региональных групп, и далее на основе выявления наиболее эффективных моделей осуществить их внедрение на универсальном уровне. В качестве примера подобных региональных усилий, направленных на укрепление безопасности, может служить Каспийский регион. Авторы работы фокусируют свое внимание на исследовании одного из направлений в сфере региональной безопасности, а именно системы управления киберрисками в морском пространстве Каспийского региона в контексте обеспечения безопасности морского судоходства и мореплавания. Цель работы ав-

торам представляется в подтверждении гипотезы о необходимости правового регулирования противодействия киберрискам в морском пространстве как неотъемлемого элемента современной системы обеспечения региональной безопасности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для достижения заявленной цели коллектив авторов решил ряд научных задач, среди которых краткий анализ правовых актов Организации Объединенных Наций (ООН), обосновывающих факт комплексности международной безопасности и взаимозависимости региональной и международной безопасности; обзор договорной базы Прикаспийских государств по вопросам обеспечения безопасности региона и мирного сотрудничества в различных областях. Немаловажным для достижения цели явился обзор актов Международной морской организации (ИМО) по

вопросам кибербезопасности морского судоходства и мореплавания. Помимо традиционных общенаучных методов исследования, авторы в основном использовали метод доктринального толкования правовых актов, который позволил обосновать возможность правовой регламентации и заключения отдельного Протокола.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования были выработаны рекомендации относительно структуры и содержания Протокола по борьбе с киберрисками в морском пространстве Каспийского региона.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе тщательного анализа региональных нормативных источников, действующих в обозначенной сфере в рамках Каспийского региона, авторы приходят к выводу о необходимости принятия Протокола о сотрудничестве в области обеспечения безопасности мореплавания в качестве унифицированного правового источника в сфере противодействия и управления морскими

рисками в морском пространстве Каспийского региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная безопасность, киберриски морской отрасли, безопасность мореплавания, Каспийский регион, киберинциденты на море, Руководство по управлению киберрисками на море, международная безопасность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Goverdovskaya T.V., Starkova L.M. 2025. Правовое регулирование противодействия киберрискам в морском пространстве Каспийского региона в рамках обеспечения региональной безопасности. – Московский журнал международного права. № 2. С. 86–98. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-86-98>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-86-98>

Research article

UDC: 341

Received 18 February 2025

Approved 22 April 2025

Tatyana V. GOVERDOVSKAYA

Astrakhan State University

20a, Tatishcheva st., Astrakhan, Russian Federation, 414056

tara_goya@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6340-4764

Lyasyan M. STARKOVA

Astrakhan State University

20a, Tatishcheva st., Astrakhan, Russian Federation, 414056

5leska5@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4411-6510

LEGAL REGULATION OF COUNTERACTING CYBER RISKS IN THE MARINE SPACE OF THE CASPIAN REGION WITHIN THE FRAMEWORK OF ENSURING REGIONAL SECURITY

INTRODUCTION. Today, the international community recognizes the multidimensional and complex nature of the concept of «international security» and calls for the cooperation of states in this field. It seems that the development and implementation of such mechanisms should start with small regional groups, and then, by identifying the most effective models, they can be implemented universally. The Caspian region is an example of such regional efforts to strengthen security. The authors research the main aspects of regional security. It is the cyber security aspect. The authors propose the idea of creating a cyber incident management center in the maritime space of the Caspian region. The aim of the paper is to confirm the hypothesis of the need to develop a legal framework for the implementation of a cyber risk prevention and management system in the Caspian region as a mandatory part of the system of regional security.

MATERIAL AND METHODS. To achieve the stated goal, the authors' team solved a number of scientific tasks, among which is a brief analysis of UN legal acts justifying the fact of international security complexity and regional and international security interdependence. Then, review of the Caspian States' treaty framework for regional security and peaceful cooperation in various fields. The review of IMO acts on maritime and marine cybersecurity was an important step towards achieving this goal. Apart from the traditional general-science methods of research, the authors

mainly used the method of doctrinal interpretation of legal acts, which allowed to justify the possibility of legal regulation and conclusion of a separate protocol.

RESEARCH RESULTS. The study resulted in recommendations on the structure and content of the Protocol for the Management of Cyber Risks in the Caspian Sea.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. In the course of a thorough analysis of regional normative sources operating in the designated area within the Caspian region. The authors conclude that it is necessary to adopt an additional protocol on cooperation in the field of maritime safety.

KEYWORDS: regional security, cyber risks of the marine industry, maritime safety, Caspian region, cyber incidents at sea, Guide for management of cyber risks at sea, international security

FOR CITATION: Goverdovskaya T.V., Starkova L.M. Legal Regulation of Counteracting Cyber Risks in the Marine Space of the Caspian Region within the Framework of Ensuring Regional Security. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 86–98. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-86-98>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Безопасность – многоаспектное комплексное явление, которое включает в себя множество категорий. Среди них «военная безопасность», «политическая стабильность», «мирное сотрудничество», «народонаселение и демография», «экологические и экономические аспекты», «права человека» и «вопросы культуры» и т. д. При этом категория «безопасность» наряду с категориями «национальная безопасность», «публичный интерес» и «национальные интересы» в правовой науке не имеет четкого определения, оставляет простор для субъективных оценок и политической воли.

Вопросам комплексности международной безопасности, а также взаимосвязи международной и региональной безопасности посвящено множество работ российских и зарубежных ученых. Так, С.А. Бокерия подчеркивает, что региональное

взаимодействие государств со всей очевидностью оказывает влияние на глобальные международные отношения [Бокерия 2019:21]. Многие авторы отмечают все возрастающий интерес околокаспийских стран к региону, анализируя возможные сценарии развития международных отношений, утверждают в мысли о взаимосвязанности и взаимозависимости международной и региональной безопасности в Прикаспии [Жуковский, Никитенко 2018:43], [Кулагина, Дунаева 2007:125].

Между тем исследования нормативно-правовой базы в сфере обеспечения кибербезопасности Каспийского региона в российской доктрине находятся на зачаточном уровне. Среди работ российских ученых следует отметить исследования С.А. Семенова, Т.Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова, М.В. Жуковского, В.И. Никитенко, А.О. Мурсалиева и др.

Устав ООН в ст. 1 дает наиболее обобщенную интерпретацию термина «международная

безопасность», которая была представлена отцами-основателями исходя из исторических событий, предшествовавших учреждению организации. Ключевая задача ООН заключается в поддержании международного мира и безопасности¹. В 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН в Декларации об укреплении международной безопасности утверждала, что существует значительная взаимосвязь между международной безопасностью, процессом разоружения и экономическим развитием стран². Это подчеркивает, что достижение прогресса в одной из этих областей неизбежно будет способствовать улучшению других. Таким образом, продвижение к одной из поставленных задач означает и прогресс в других направлениях, что демонстрирует важность комплексного подхода к вопросам безопасности и развития³. Это свидетельствует о том, что с 1970-х гг. о категории безопасность мировое сообщество начинает говорить без привязки исключительно к военно-политическим аспектам и разоружению, но расширяет данную категорию, включая экономическое развитие, а позднее права человека и вопросы экологии.

Региональная безопасность – безусловная и неотделимая часть безопасности международной, которая определяет состояние межгосударственных отношений в конкретном регионе как мирное, т.е. не содержащее военных угроз, опасностей экономического характера и др., а также вмешательств и вторжений со стороны иных государств или других участников международных отношений, которые могут нанести ущерб или каким бы то ни было образом посягнуть на суверенитет и независимость государств, находящихся в регионе [Курылев, Казанчев 2013:11].

Устав ООН в главе 8 «Региональные соглашения» опосредованно выделяет категорию региональная безопасность, оперируя формулировками «местные споры», «региональные действия», «региональные соглашения, относящиеся

к поддержанию международного мира и безопасности». Более того, ч. 3 ст. 52 Устава ООН содержит положение о том, что Совет Безопасности ООН должен поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров при помощи региональных соглашений или региональных органов⁴. Таким образом, международное сообщество признает многоаспектность и комплексность термина «безопасность».

2. Нормативно-правовые основы сотрудничества государств в области обеспечения безопасности в Каспийском регионе

Сотрудничество в рамках региональной группы, без сомнения, является более эффективным, особенно в сфере региональной безопасности. Уникальное географическое положение Каспийского моря в сочетании с особой экосистемой, а также специфическими политическими, экономическими и культурными связями между Прикаспийскими государствами придают особое стратегическое значение вопросам комплексной безопасности данного региона [Батырь 2019:51]. Эти факторы обуславливают необходимость совместной работы стран региона и способствуют более глубокому и продуктивному взаимодействию в решении вопросов, касающихся безопасности. Таким образом, региональная группа может эффективно справляться с вызовами и угрозами, находясь в более близком сотрудничестве, учитывая при этом многообразие интересов и особенностей каждого из государств⁵. Вопросы комплексной коллективной безопасности Каспийского региона были обозначены в одном из первых правовых документов, разработанных и принятых к исполнению государствами в рамках рассмотрения Каспийского вопроса, – Декларации о безопасности Прикаспийских государств. В преамбуле данного документа договаривающиеся стороны выражают свою убежденность в том,

¹ ООН: Устав ООН. 26 июня 1945 г. Сан-Франциско. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mbfjzmq6hx237608809> (дата обращения: 10.02.2025).

² ООН: Декларация об укреплении международной безопасности. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) от 16 декабря 1970 г. – *Действующее международное право: сборник*. Т. 2; Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2541111/> (дата обращения: 29.01.2025).

³ Там же.

⁴ ООН: Устав ООН. 26 июня 1945 г. Сан-Франциско.

⁵ Мурсалиев А.О. *Охрана окружающей среды Каспийского моря: международно-правовые аспекты*: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2021. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2021/mursaliev-diss.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 29.01.2025).

что сотрудничество пятерки Прикаспийских государств, основанное на дружбе и добрососедстве, отвечает коренным интересам их народов, являясь при этом ключевым фактором укрепления региональной безопасности⁶ [Старкова 2022:686].

Названная Декларация содержит ряд ключевых положений по вопросам безопасности, в частности закрепляет тезис о возможности использования Каспийского моря исключительно в мирных целях, решении возможных вопросов и ситуаций мирными средствами, что будет способствовать укреплению взаимного доверия, обеспечению безопасности и стабильности региона. Кроме того, стороны обязуются воздерживаться от применения военной силы во взаимных отношениях. Декларация устанавливает запрет на использование национальных вооруженных сил для нападения на любую из сторон, а также предоставление территории другим государствам для совершения актов агрессии и других военных действий против любой из стран Прикаспийского региона⁷. Между тем стоит отметить, что данный документ имеет декларативный характер, поскольку государства-участники лишь заявляют о своей политической воле, а не берут на себя политические обязательства⁸.

Далее следует отметить такой документ, как Соглашение о сотрудничестве государств в сфере безопасности на Каспийском море 2010 г. (Соглашение 2010 г.)⁹. Ключевое положение данного документа закреплено в ст. 1 и звучит как: «Обеспечение безопасности на Каспийском море является прерогативой прикаспийских государств». В Соглашении 2010 г. обозначены

конкретные области сотрудничества государств в сфере обеспечения безопасности. Среди них стоит выделить: борьбу с терроризмом; организованной преступностью; незаконным оборотом оружия любых видов и боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, военной техники; незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; отмыванием доходов, в том числе денежных средств, полученных преступным путем; контрабандой; пиратством; торговлей людьми и незаконной миграцией; незаконной добычей биологических ресурсов (браконьерством); обеспечение безопасности морского судоходства и мореплавания. Впрочем, перечень не является исчерпывающим, поскольку п. 2 ст. 2 содержит указание на возможность осуществления сотрудничества в других областях, соответствующих предмету Соглашения 2010 г. и представляющих взаимный интерес, за исключением военных аспектов безопасности¹⁰. Интересен тот факт, что Соглашение 2010 г. в ст. 4 закрепляет возможность конкретизации нормативно-правовой базы по вопросам комплексной региональной безопасности посредством принятия дополнительных Протоколов о сотрудничестве в названных областях¹¹. К примеру, государства Каспийской пятерки разработали детализированный механизм сотрудничества и взаимодействия в сфере пресечения преступлений в рамках принятия Протокола о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море 2018 г.¹² и Протокола о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью на Каспийском море 2018 г.¹³ Стоит отметить возможный

⁶ Декларация о безопасности Прикаспийских государств Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. 2007. Принята в г. Тегеране 16 октября 2007 г. – *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=41172#Ka5XVcUEtErCez9M1> (дата обращения: 11.02.2025).

⁷ Там же.

⁸ Рожков И.С. *Механизмы многостороннего взаимодействия прикаспийских государств на современном этапе*: дис. ... канд. полит. наук. М. 2021. 605 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011151028> (дата обращения: 23.02.2025).

⁹ Соглашение о сотрудничестве государств в сфере безопасности на Каспийском море. Баку, 18 ноября 2010 г. – *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <https://base.garant.ru/70104428/> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Протокол о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. Актау, 12 августа 2018 г. URL: https://www.mid.ru/problematika-bassejna-kaspijskogo-mora/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/3319395 (дата обращения: 03.02.2025).

¹³ Протокол о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. Актау, 12 августа 2018 г. URL: https://www.mid.ru/problematika-bassejna-kaspijskogo-mora/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/3319409 (дата обращения: 03.02.2025).

потенциал Соглашения 2010 г. в части правового регулирования управления киберрисками как неотъемлемого элемента современной системы обеспечения региональной безопасности Каспия. Несмотря на отсутствие специализированных норм, регулирующих киберриски, в Соглашении 2010 г. заслуживают внимания положения, закладывающие общие принципы сотрудничества государств – участников в обозначенной сфере, механизмы обмена информацией и проведения совместных операций. Практика применения соответствующих норм Соглашения 2010 г. имеет ценность для разработки руководств и процедур совместного реагирования на кибератаки и иные информационные угрозы [Кущенко 2021:118].

В 2018 г. был принят основополагающий документ, к которому стороны шли на протяжении 20 лет – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (Конвенция)¹⁴. Выступая нормативной основой определения правового статуса Каспийского моря, Конвенция не выделяет вопросы региональной безопасности, так как имеет совершенно иную цель. Между тем ст. 3 содержит принципы, на основе которых будет осуществляться деятельность государств на Каспийском море, среди которых особый интерес представляют:

- использование Каспийского моря в мирных целях, превращение его в зону мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества, решения всех вопросов, связанных с Каспийским морем, мирными средствами;
- обеспечение безопасности и стабильности в Каспийском регионе;
- обеспечение стабильного баланса вооружений;
- соблюдение согласованных мер доверия в сфере военной деятельности¹⁵.

Стоит отметить, что ряд положений Конвенции развивают логику Соглашения 2010 г. Так, одним из принципов является «неприсутствие на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих Сторонам». В ст. 17 Конвенции государства вновь обязуются взаимодействовать в областях, обозначенных в Соглашении 2010 г.¹⁶

Таким образом, проведенный авторами анализ нормативно-правовых источников, принятых в рамках сотрудничества Прикаспийских государств и определения правового статуса Каспийского моря, позволил выделить такие аспекты безопасности, как экологический, энергетический, военный, а также противодействие преступности и безопасность морского судоходства и мореплавания. При этом названные документы не содержат указание на информационную безопасность как одну из важнейших составляющих комплексной региональной безопасности на современном этапе. Не вызывает сомнения тот факт, что структурные трансформации современного общества обуславливают необходимость выделения так называемого цифрового аспекта безопасности, в частности коллективной безопасности Каспийского региона.

3. Цифровой аспект безопасности Каспийского региона в сфере обеспечения безопасности морского судоходства

Учитывая стремительные темпы и масштабы цифровизации, киберриски могут проявляться практически в любой сфере общественного функционирования и устройства. Охватить рамками данного исследования возможные сферы, виды киберрисков и правовые средства борьбы с ними не представляется возможным. Поэтому мы сузили рамки исследования, сосредоточив свои усилия на анализе системы управления киберрисками в морском пространстве Каспийского региона в контексте обеспечения безопасности морского судоходства и мореплавания. Авторы исследования понимают термины «киберриски» и «киберугрозы» как равнозначные, исходя из анализа нормативных источников, принятых в рамках ИМО. В настоящее время ИМО служит универсальной платформой для обсуждения различных вопросов, касающихся функционирования и развития морской отрасли. Она осуществляет последовательные действия, направленные на адаптацию существующих и создание новых международно-правовых инструментов, направленных на обеспечение

¹⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Актау, 12 августа 2018 г. – *Справочно-правовая система «Гарант»*. URL: <https://base.garant.ru/72347414/> (дата обращения: 29.01.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Махдиян М.Х. *История межгосударственных отношений Ирана и России: XIX – начало XXI века*: дис. ... канд. истор. наук. М. 2012. 273 с.

безопасности морских перевозок в условиях современной цифровизации и возникающих киберугроз и уязвимостей. По данному вопросу ИМО разработала и приняла ряд документов:

– Руководство по управлению киберрисками в морской отрасли от 5 июля 2017 г. (Guidelines on Maritime Cyber Risk Management, MSC-FAL.1/Circ.3 2017; Руководство)¹⁷;

– Резолюцию MSC.428(98) Комитета по безопасности на море ИМО «Управление кибернетическими рисками в системах управления безопасностью» MSC 98/23/Add.1 от 30 июля 2017¹⁸. [Каспий ... 2018:422]

Руководство содержит определение понятия «морские киберугрозы», под которыми понимаются «угрозы технологическому ресурсу со стороны потенциальных обстоятельств или событий, которые могут повлечь за собой сбои в перевозке грузов и пассажиров, безопасности мореплавания или безопасности судна, в связи с повреждением, утратой или компрометацией информации или систем» (п. 1.1). Руководство классифицирует потенциальные киберугрозы по различным основаниям, в частности, выделяет преднамеренные (взлом или внедрение вредоносного программного обеспечения (ПО)) и непреднамеренные (ошибки в обслуживании ПО) действия. Руководство возлагает большую ответственность на руководящий кадровый состав как ключевой фактор создания эффективной системы управления киберрисками. В свою очередь, руководящий состав должен реализовывать меры, направленные на повышение уровня подготовки персонала посредством разработки тренинговых программ, что позволит создать целостную систему управления киберрисками на море (п. 3.1). Интересен тот факт, что Руководство представляет подход к управлению киберрисками, в основе которого заложены действующие стандарты безопасности посредством их компиляции и расширительного толкования в условиях вновь формирующихся вызовов и угроз цифровой среды (п. 2.1.8). Руководство называет пять функциональных элементов

эффективного управления киберрисками в морской отрасли, в частности, такие как определение, защита, обнаружение, реагирование и восстановление (п. 3.5). Названные элементы должны быть положены в основу деятельности судоходных компаний [Karaś 2023:921].

Большой интерес представляет Резолюция MSC.428(98) об управлении киберрисками в рамках систем управления безопасностью Комитета ИМО по безопасности, поскольку данный документ содержит обязательное к исполнению требование к администрациям судовой отрасли по обеспечению учета киберрисков в действующих системах управления безопасностью судна и устанавливает конкретный срок для реализации этого учета – не позднее 1 января 2021 г. Непредставление указанных данных может расцениваться как нарушение судовой документации по управлению безопасностью. Вследствие этого операторы судов подвергаются риску получения административных штрафов вплоть до применения крайней меры – задержания судна в порту с запретом на дальнейшую эксплуатацию. Тем не менее практическая реализация данного требования судоходными компаниями и до сегодняшнего дня значительно осложнена отсутствием стандартизированных подходов к пониманию и оценке киберугроз, а также отсутствием перечня конкретных процедур в случае выявления потенциальной киберугрозы. Это приводит к тому, что вся ответственность за разработку и внедрение технических и методологических мер по защите от киберугроз возложена непосредственно на судовые компании, которые вынуждены самостоятельно определять, выявлять потенциальные киберриски и уязвимости, производить оценку их масштабов и разрабатывать конкретные методы предупреждения и борьбы с ними [Düzenli 2024:1].

Стоит отметить, что судоходная отрасль реализует различные программы, направленные на включение конкретных правил и практических руководств по борьбе с киберрисками в действующую правовую базу в сфере безопасности

¹⁷ ИМО: Руководство по управлению киберрисками в морской отрасли. 5 июля 2017 г. URL: [http://www.imo.org/en/OurWork/Security/Guide_to_Maritime_Security/Documents/MS-C-FAL.1-Circ.3\(Secretariat\).pdf](http://www.imo.org/en/OurWork/Security/Guide_to_Maritime_Security/Documents/MS-C-FAL.1-Circ.3(Secretariat).pdf) (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁸ ИМО: Управление кибернетическими рисками в системах управления безопасностью. 30 июля 2017 г. URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MS-Resolutions/MS-C.428\(98\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MS-Resolutions/MS-C.428(98).pdf) (дата обращения: 12.02.2025).

морского судоходства. Так, Ассоциация Балтийский и международный морской совет (BIMCO), объединив усилия различных судоходных компаний с 2016 г. разрабатывает и публикует ежегодные отчеты – Руководство по кибербезопасности на борту судов (The Guidelines on Cyber Security Onboard Ships)¹⁹. Эксперты компаний проанализировали потенциальные киберриски в морской сфере и их прогнозируемые последствия. Руководство привнесло большой вклад в процесс систематизации и анализа актуальной информации о киберугрозах информационной безопасности в сфере морского судоходства. Оно содержит практические рекомендации по противодействию киберрискам морской отрасли, а также информацию по страховому покрытию после кибератак. Руководство содержит рекомендации для судовладельцев и операторов по вопросам оценки уязвимостей бортовых информационных систем и разработки мер, направленных на повышение устойчивости киберрискам. В 2019 г. BIMCO и Международная палата судоходства (ICS) опубликовали «Учебник по кибербезопасности для использования на борту судов» (Cyber Security Workbook for On Board Ship Use). Издание охватывает вопросы защиты, выявления, реагирования и восстановления в случае кибернетических атак. Разработчики утверждают, что данное пособие предлагает понятные и легко применимые на практике указания. В 2021 г. опубликована пересмотренная четвертая версия Руководства²⁰ [Говердовская, Бесчастнова, Крайнюкова 2020:171].

Кроме разработки нормативных источников, проблема кибербезопасности в сфере морского судоходства исследуется на доктринальном уровне, преимущественно западными учеными. При этом помимо обоснования и исследования существа уникальной природы морских киберугроз с учетом отраслевых особенностей, авторы формулируют различные подходы и практические рекомендации относительно возможных направлений политики в области морских киберпространств. Ряд исследователей обосновывают необходимость принятия дополнений

и корректировок действующих правовых документов в сфере безопасности морской отрасли, другие разрабатывают проекты новых специализированных нормативных источников.

Так, К. Тэм и К. Джонс в своем исследовании, посвященном анализу киберрисков морской среды, отмечают необходимость принятия дополнений и расширительных положений в кодексы безопасности морского судоходства (Международный кодекс безопасности судов и портовых средств (ISPS) и Международный кодекс управления безопасностью (ISM)). По мнению авторов, названные правовые источники являются эффективными и успешно реализуемыми в практической деятельности судоходных компаний, при возможна конкретизация и дополнения в контексте внесения кибернетического элемента [Tam, Jones 2018:1-18].

Р. Хопкрафт и К.М. Мартин предлагают рассмотреть возможность принятия специализированного Кодекса морской кибербезопасности по аналогии с Полярным кодексом. Авторы приводят оценку возможных этапов разработки и принятия данного международного документа под эгидой ИМО. При этом отмечают, что именно посредством принятия единого специализированного документа можно обеспечить учет и оценку как долгосрочных, так и конкретных киберрисков, которые являются специфическими. Кодекс должен включать обширный и структурированный свод нормативных положений в области безопасности, разработанный на основе уже существующих стандартов и правил с учетом специфики киберрисков [Hopcraft, Martin 2018:1-13].

В числе отечественных исследователей стоит отметить работы С.А. Семенова, посвященные анализу потенциальных сценариев киберинцидентов на судовых и портовых системах. В числе рекомендаций по возможным направлениям развития политики управления киберрисками и обеспечения информационной безопасности морского сектора, автор отстаивает идею естественного и постепенного расширения существующих методов управления безопасностью

¹⁹ Балтийский и международный морской совет: Руководство по кибербезопасности на борту судов. 2017 г. URL: <https://www.ics-shipping.org/docs/default-source/resources/safety-security-and-operations/guidelines-on-cyber-security-onboard-ships.pdf?sfvrsn=16> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁰ Балтийский и международный морской совет: Руководство по кибербезопасности на борту судов. 2021 г. URL: https://maritimecyprus.com/wp-content/uploads/2020/11/Cyber_Security_IMO2021_Requirements.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

мореплавания и безопасностью судна. При этом автор отмечает наличие некой фрагментации в правовом регулировании вопросов кибербезопасности морской отрасли. Поскольку, с одной стороны, под эгидой ИМО на международном уровне принимается ряд обязательных для исполнения стандартов и регламентов, посвященных вопросам кибербезопасности морских систем управления на борту судов и в терминалах. С другой стороны, в рамках национальной правоприменительной практики государств, управление в сфере морской кибербезопасности осуществляется на основе отдельных нормативно-правовых актов при отсутствии единого структурированного документа, что, в свою очередь, препятствует реализации комплексного подхода к обеспечению безопасности [Семенов 2018:43].

С учетом изложенного стоит отметить, что к проблеме кибербезопасности морской отрасли, в частности анализу и разработке правовой основы для создания и эффективной реализации системы управления киберрисками, есть определенный интерес в среде западных и отечественных ученых. При этом независимо от обоснования того или иного подхода, ученые сходятся во мнении о необходимости совершенствования и реформирования стандартов безопасности морской отрасли с целью их адаптации к новым формам угроз. Посредством анализа подходов, предлагаемых в рамках других исследований, и их последующей компиляции с результатами, полученными авторами данной работы, была произведена критическая оценка и апробация результатов. В числе важных положений, получивших свое обоснование и закрепление в ряде работ, можно отметить понимание необходимости разработки и принятия глобальных обновленных стандартов кибербезопасности морской отрасли с учетом технологических аспектов. Учитывая трансграничный характер киберугроз, обусловленный спецификой цифровой инфраструктуры, а также отраслевые особенности и международный масштаб морских систем, разработка правовых основ и создание системы управления киберрисками в морской отрасли должны быть реализованы на международном уровне посредством универсального глобального подхода. В частности, данная идея и конкретные предложения по разработке Международного Кодекса кибербезопасности морской отрасли были представлены авторами в более ранних исследованиях [Говердовская, Бесчастнова, Крайнюкова 2020:171].

4. Практические рекомендации и предложения

В настоящем исследовании авторами предпринята попытка концептуального применения разработанных ранее предложений и подходов к потребностям конкретного региона. Отмечая при этом, что региональные инициативы также должны быть учтены в рамках комплексного и многоаспектного процесса создания системы управления киберрисками в морской отрасли. Авторы отмечают незначительное количество доктринальных исследований и отсутствие нормативных положений по проблеме обеспечения информационной безопасности Каспийского региона, в частности кибербезопасности морских систем Каспия. В связи с чем в ходе проведенного анализа нормативных источников были найдены положения, закрепляющие конкретный механизм принятия дополнительных соглашений, посвященных различным направлениям в сфере обеспечения безопасности.

Запрос правоприменительной практики обозначил необходимость разработки и принятия унифицированного правового источника регионального характера в сфере противодействия киберрискам на Каспийском море. С этой целью может быть использован правовой механизм, закрепленный в ст. 3 и 4 Соглашения 2010 г.

В качестве рекомендаций относительно структуры и содержания Протокола можно предложить следующие положения.

1. Протокол должен включать нормативные определения соответствующих правовых категорий, используемых в сфере противодействия киберрискам в морской отрасли, что позволит избежать их свободного неаутентичного толкования, некой фрагментации и несогласованности в подходах.

2. Протокол должен определять критерии для определения сущностных признаков деяний, которые могут быть отнесены к группе так называемых киберинцидентов в морской отрасли. Закрепить исчерпывающий перечень деяний, входящих в состав данной группы, не представляется возможным вследствие стремительных темпов информационной революции и повсеместных процессах цифровизации.

3. Протокол должен закрепить базовые принципы, на которых будет выстраиваться вся система взаимодействия и сотрудничества государств в сфере противодействия киберрискам

в морском пространстве. Принципы должны не просто содержать общие рекомендации, но и отражать существенные особенности и специфический характер взаимодействия, с учетом наличия технического аспекта, исходя из определения особого правового статуса объектов нефизического мира, таких как информация, данные, компьютерная система, автоматизированная система управления, цифровой суверенитет, электронные доказательства и др.

Среди возможных принципов может быть предложен принцип **сотрудничества** посредством создания системы координации и обмена информацией (в рамках круглосуточных контактных центров в формате 24/7, включая государственно-частное партнерство).

4. Представляется, что Протокол должен содержать особый существенный подход к управлению киберрисками, в основу которого должна быть заложена организованная, многоуровневая и многосторонняя система, включающая как технический, так и экономический и социальный аспект, основанная на уважении прав и свобод человека, конечной целью которой является защита людей от угроз цифровой безопасности. Такая система должна охватывать правительства, государственные и частные организации, а также отдельных пользователей и быть реализована на уровне национальных, региональных и международных стратегий.

Считаем, что все вышеобозначенные пункты заложат теоретико-правовую основу взаимодействия и реализации механизма сотрудничества. Но для его успешной практической реализации (другими словами, для воплощения в жизнь) необходима детальная проработка конкретного механизма взаимодействия и осуществления совместной политики по таким значимым направлениям, как оценка факторов риска и уязвимости морской отрасли; трансграничный обмен информацией и данными, содержащимися в цифровой форме; создание единой унифицированной базы электронных доказательств, с учетом особых требований к их обработке, хранению, фиксации и приданию им юридической силы; своевременный (мгновенный) обмен данными о киберинцидентах и мерах борьбы с ними; оценка и анализ факторов риска и киберу-

язвимостей систем в сфере морского судоходства на Каспии; проработка совместных сценариев потенциальных кибератак с целью обучения персонала и повышения уровня осведомленности и др. По мнению авторов исследования, для эффективной реализации подобного механизма сотрудничества необходимо создание специализированной структуры, в полномочия которой будет входить круглосуточный мониторинг киберинцидентов в морском пространстве Каспийского региона и незамедлительный обмен информацией и данными по типу круглосуточных контактных центров в формате 24/7. Данная структура будет представлять роль координирующего органа, где будет осуществляться сбор всей информации, электронных доказательств, цифровых данных, что позволит осуществлять сотрудничество уполномоченных органов государств.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что сектор международных морских перевозок успешно развивается. Согласно статистике, приведенной в обзоре Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) за 2022 г., сокращение морских перевозок произошло на 0,4 %. При этом в 2023 г. рост объема морских перевозок составил 2,4 %. Отрасль проявляет свою устойчивость, и, согласно прогнозам ЮНКТАД на среднесрочную перспективу (2024–2028 гг.) рост объема морских перевозок будет непрерывным²¹. Для повышения конкурентоспособности морская отрасль постоянно стремится к расширению масштабов и повышению эффективности. Различные экономические, политические, технологические факторы оказывают влияние на показатели работы морского сектора. Одной из таких тенденций является, в частности, распространение цифровых технологий.

Между тем внедрение информационных технологий и автоматизация процесса управления в морских системах делают их потенциально уязвимыми для преступных элементов, использующих достижения информационно-коммуникационных технологий в злонамеренных целях. Обеспечение должного уровня безопасности и

²¹ ООН: Общий обзор морского транспорта 2023 г. Издание ООН, выпущенное Конференцией ООН по торговле и развитию. Женева, Швейцария. 2023. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2023overview_ru.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

защищенности морских систем в этих условиях требует комплексных мер, включающих не только технико-технологический аспект, но и разработку соответствующей правовой базы как на национальном, так и на международном уровне. Что, в свою очередь, обуславливает необходимость укрепления механизмов сотрудничества между заинтересованными сторонами на уровне правительств государств, представителей морской индустрии, международных организаций, разработчиков технологий, частных компаний и инвесторов. Одним из основополагающих факторов развития Каспийского регио-

на является наличие Каспийского моря, располагающего обширными природными ресурсами и имеющего статус связующей логистической артерии между прикаспийскими территориями и странами Персидского залива. В связи с этим предложенные авторами исследования рекомендации по расширению и конкретизации нормативно-правовой базы в сфере противодействия киберрискам в морском пространстве Каспийского региона в рамках создания системы региональной безопасности представляют особую практическую значимость.

Список литературы

1. Батырь В.А. 2019. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря. – *Lex Russica*. № 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannyi-sovremennyyi-osobyi-mezhdunarodno-pravovoi-status-kaspii-skogo-morya> (дата обращения: 24.02.2025).
2. Бокерия С.А. 2019. Взаимосвязь глобальной и региональной систем безопасности (на примере ООН, ОДКБ и ШОС). – *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 14 (1). С. 21-38. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-02.
3. Говердовская Т.В., Бесчастнова О.В., Крайнюкова Л.М. 2020. Международные стандарты обеспечения кибербезопасности морской отрасли. – *Материалы конференции «Управление в морских системах» (УМС 2020)*. С. 171-173. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44719972> (дата обращения: 10.01.2025).
4. Жуковский М.В., Никитенко В.И. 2018. Обеспечение безопасности Каспийского региона: основные проблемы и пути их решения. – *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. № 4 (17). С. 43-54.
5. Каспий: международно-правовые документы. 2018. Под ред. С.С. Жильцова. Москва: Международные отношения. 568 с. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/371567/reading> (дата обращения: 21.02.2025).
6. Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. *Россия и Иран: история формирования границ*. 2-е изд., доп. Москва: Гуманитарий, 2007. 184 с. URL: <https://book.ivran.ru/f/kulagina-dunayeva---russia-and-iran-m-2007.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).
7. Курылев К.П., Казанчев Д.В. 2013. Стратегическая концепция НАТО 2010 года в контексте обеспечения безопасности в Европе. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 1. С. 11-23.
8. Куценко А.А. Реализация решений V саммита Прикаспийских государств: проблемные аспекты. – *Сборник материалов Международной научной конференции*. 10 декабря 2020 г. Астрах. Москва: Русайнс, 2021. 118 с. URL: <https://book.ru/book/940609> (дата обращения: 21.02.2025).
9. Семенов С.А. 2018. Кибербезопасность морского и речного транспорта. – *Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике*. № 1 (74). С. 43-46.
10. Старкова Л.М. 2022. Правовые основы обеспечения информационной безопасности Каспийского региона. – *Каспий и глобальные вызовы. Материалы Международной научно-практической конференции*. Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет». С. 686-690.
11. Karaş A. 2023. Maritime Industry Cybersecurity: A Review of Contemporary Threats. – *European Research Studies Journal XXVI*. Issue 4. P. 921-930. URL: https://www.researchgate.net/publication/376701918_Maritime_Industry_Cybersecurity_A_Review_of_Contemporary_Threats (accessed date: 19.02.2025).
12. Düzenli E. 2024. Conducting An Analysis of Maritime Cybersecurity Incidents. – *Turkish Journal of Maritime and Marine Sciences* 10. (Özel Sayı: 1). URL: https://www.researchgate.net/publication/384263903_Conducting_An_Analysis_of_Maritime_Cybersecurity_Incidents (accessed date: 20.02.2025).
13. Hopcraft R., Martin K. 2018. Effective maritime cybersecurity regulation – the case for a cyber code. – *Journal of the Indian Ocean Region*. № 14 (3). P. 1-13. DOI: 10.1080/19480881.2018.1519056.
14. Tam K., Jones K. 2018. Maritime cybersecurity policy: the scope and impact of evolving technology on international shipping. – *Journal of Cyber Policy*. № 3 (2). P. 1-18. DOI: 10.1080/23738871.2018.1513053.

References

1. Batyry V.A. Sbalansirovannyi sovremennyyi osobyi mezhdunarodno-pravovoi status kaspiiskogo morja [Balanced modern special international legal status of the Caspian Sea]. – *Lex Russica*. 2019. № 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannyi-sovremennyyi-osobyi-mezhdunarodno-pravovoi-status-kaspii-skogo-morya> (data obrashhenija: 24.02.2025). (In Russ.)

2. Bokerija S.A. Vzaimosvjaz' global'noj i regional'noj sistem bezopasnosti (na primere OON, ODKB i ShOS) [Interrelationship of global and regional security systems (UN, CSTO and SCO)]. – Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika [The Messenger of international organizations: education, science, new economy]. 2019. № 14 (1). P. 21-38. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-02. (In Russ.)
3. Düzenli E. Conducting An Analysis of Maritime Cybersecurity Incidents. – *Turkish Journal of Maritime and Marine Sciences* 10. (Özel Sayı: 1). 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/384263903_Conducting_An_Analysis_of_Maritime_Cybersecurity_Incidents (accessed date: 20.02.2025).
4. Goverdovskaja T.V., Beschastnova O.V., Krajnjukova L.M. Mezhdunarodnye standarty obespechenija kiberbezopasnosti morskoy otrasli [International Standards for Cybersecurity in the Marine Industry]. – *Materialy konferencii «Upravlenie v morskijh sistemah» (UMS 2020) [Conference Materials Management in Marine Systems (PMS 2020)]*. 2020. P. 171-173. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44719972> (data obrashhenija: 10.01.2025). (In Russ.)
5. Hopcraft R., Martin K. Effective maritime cybersecurity regulation – the case for a cyber code. – *Journal of the Indian Ocean Region*. 2018. № 14 (3). P. 1-13. DOI: 10.1080/19480881.2018.1519056.
6. Karaš A. Maritime Industry Cybersecurity: A Review of Contemporary Threats. – *European Research Studies Journal XXVI*. 2023. Issue 4. P. 921-930. URL: https://www.researchgate.net/publication/376701918_Maritime_Industry_Cybersecurity_A_Review_of_Contemporary_Threats (accessed date: 19.02.2025).
7. *Kaspij: mezhdunarodno-pravovye dokumenty [The Caspian Sea: international legal documents]*. Pod red. S.S. Zhil'cov. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2018. 568 p. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/371567/reading> (data obrashhenija: 21.02.2025). (In Russ.)
8. Kulagina L.M., Dunaeva E.V. *Rossija i Iran: istorija formirovanija granic [Russia and Iran: the history of the formation of borders]*. 2-e izd., dop. Moscow: Gumanitarij. 2007. URL: <https://book.ivran.ru/f/kulagina-dunayeva---russia-and-iran-m-2007.pdf> (data obrashhenija: 20.02.2025). (In Russ.)
9. Kurylev K.P., Kazanchev D.V. Strategicheskaja koncepcija NATO 2010 goda v kontekste obespechenija bezopasnosti v Evrope [NATO Strategic Concept 2010 in the context of ensuring security in Europe]. – *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [The Bulletin of the Russian University of Friendship of Nations. Series: International relations]*. 2013. № 1. P. 11-23. (In Russ.)
10. Kushhenko A.A. Realizacija reshenij V sammita Prikaspijskijh gosudarstv: problemnye aspekty [Implementation of the decisions of the V Summit of the Caspian Littoral States: problematic aspects]. – *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 10 dekabnja 2020 g. [Collection of materials of the International Scientific Conference. December 10, 2020]*. Astrakh: collection of articles. Moscow: Rusains, 2021. 118 p. URL: <https://book.ru/book/940609> (data obrashhenija: 21.02.2025). (In Russ.)
11. Semenov S.A. Kiberbezopasnost' morskogo i rechnogo transporta [Maritime and river transport cybersecurity]. – *Transport Rossijskoj Federacii. Zhurnal o nauke, praktike, jekonomike [Transport of the Russian Federation. Journal on science, practice, economy]*. 2018. № 1 (74). P. 43-46. (In Russ.)
12. Starkova L.M. Pravovye osnovy obespechenija informacionnoj bezopasnosti Kaspijskogo regiona [The legal framework for ensuring the information security of the Caspian region]. – *Kaspij i global'nye vyzovy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskaj konferencii [The Caspian Sea and Global Challenges. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]* Astrahan': Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovanija «Astrahanskij gosudarstvennyj universitet». 2022. P. 686-690. (In Russ.)
13. Tam K., Jones K. Maritime cybersecurity policy: the scope and impact of evolving technology on international shipping. – *Journal of Cyber Policy*. 2018. № 3 (2). P. 1-18. DOI: 10.1080/23738871.2018.1513053.
14. Zhukovskij M. V., Nikitenko V. I. Obespechenie bezopasnosti Kaspijskogo regiona: osnovnye problemy i puti ih reshenija [Security in the Caspian region: main problems and ways to solve them]. – *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskijh gosudarstv: politika, jekonomika, pravo [International cooperation of the Eurasian states: politics, economy, law]*. 2018. № 4 (17). P. 43-54. (In Russ.)

Информация об авторах

Татьяна Владимировна ГОВЕРДОВСКАЯ

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин и международного права Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Татищева ул., 20а, Астрахань, 414056, Российская Федерация

tara_goya@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6340-4764

About the Authors

Tatyana V. GOVERDOVSKAYA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines and International Law Astrakhan State University

20a, Tatischeva st., Astrakhan, Russian Federation, 414056

tara_goya@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6340-4764

Ляйсян Маратовна СТАРКОВА

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Татищева ул., 20а, Астрахань, 414056, Российская Федерация

5leska5@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4411-6510

Lyasyan M. STARKOVA,

Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines and International Law Astrakhan State University

20a, Tatishcheva st., Astrakhan, Russian Federation, 414056

5leska5@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4411-6510

Lucas Carlos LIMA

Federal University of Minas Gerais
Antônio Carlos Ave., 6627, Belo Horizonte, Brasil, 31270-901
lclima@ufmg.br
ORCID: 0000-0002-8643-6547

Arno DAL RI Jr.

Federal University of Santa Catarina
R. Eng. Agrônomo Andrei Cristian Ferreira, Florianópolis, Brasil, 88040-900
arnodalri@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7734-0404>

THE ESTABLISHMENT OF THE UNITED NATIONS FRAMEWORK CONVENTION ON CLIMATE CHANGE AS THE BASIS OF THE INTERNATIONAL CLIMATE LEGAL REGIME (1985–1992)

INTRODUCTION. *The article examines the historical establishment of the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) and its role as the foundational framework for the international climate legal regime. The study highlights the importance of the choices made during the drafting of the Convention, analyzing their long-term impact on global climate governance. The research explores the events leading up to the Earth Summit (Rio Conference) in 1992, where the UNFCCC was adopted, and investigates how its fundamental principles and obligations shaped subsequent climate policies, including the Kyoto Protocol and the Paris Agreement. The study aims to contextualize the Convention within the broader historical and legal developments in international environmental law.*

MATERIALS AND METHODS. *The research follows a qualitative legal-historical approach, utilizing primary sources, including treaty texts, General Assembly resolutions, advisory opinions*

from international courts, and official conference proceedings. Additionally, secondary sources, such as academic commentary, environmental law textbooks, and journal articles, provide insights into the evolution of international climate law. The study is divided into two key phases. 1. Historical Analysis: A chronological examination of the negotiations preceding the UNFCCC, focusing on the Stockholm Conference (1972), the Montreal Protocol (1987), and scientific reports from the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). 2. Legal Framework Analysis: An evaluation of the legal principles enshrined in the UNFCCC, such as sustainable development, common but differentiated responsibilities (CBDR), and intergenerational equity, as well as an assessment of its institutional mechanisms, including the role of the Conference of the Parties (COP).

RESEARCH RESULTS. *The UNFCCC as a Normative Framework: Despite being considered a “framework convention” with broad and non-*

binding commitments, the UNFCCC introduced fundamental legal principles that later became the cornerstone of climate governance. Legal Innovations and Institutionalization: The Convention established a system of cooperation among states, creating institutional mechanisms such as the COPs, which facilitated continued legal evolution in climate governance. The establishment of the UNFCCC Secretariat further institutionalized climate negotiations. Enduring Influence on International Law: The Convention remains a reference point for climate litigation and international advisory opinions, particularly in recent cases before the Inter-American Court of Human Rights and the International Tribunal for the Law of the Sea. These legal bodies have increasingly drawn upon UNFCCC principles to determine states' obligations concerning climate change.

DISCUSSION AND CONCLUSION. *The article concludes that the UNFCCC, despite its perceived initial weaknesses, has proven to be a resilient and foundational legal instrument in international climate governance. The Convention's principles and procedural mechanisms have enabled the development of binding legal commitments, such as those found in the Kyoto Protocol and the Paris Agreement. Moreover, its flexible institutional design*

has allowed it to adapt to emerging challenges, such as climate litigation and advisory proceedings in international courts. Looking forward, the UNFCCC is expected to continue shaping future legal obligations related to climate action, particularly as climate disputes become more prominent in international judicial bodies. The study underscores the ongoing relevance of the UNFCCC in the face of evolving environmental challenges, reaffirming its status as the standard framework for global climate governance.

KEYWORDS: *international environmental law, United Nations Framework Convention on Climate Change, international climate law regime, Rio Conference, global climate governance*

FOR CITATION: Lima L.C., Dal Ri Jr. A. The Establishment of the United Nations Convention on Climate Change as the Basis of the International Climate Legal Regime (1985–1992). – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 99–112. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-99-112>

The authors declare the absence of conflict of interest.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-99-112>

Лукас Карлос ЛИМА

Федеральный университет Минас-Жерайс
Антонио Карлоса пр-т, 6627, Белу-Оризонти, Бразилия, 31270-901
lclima@ufmg.br
ORCID: 0000-0002-8643-6547

Арно ДАЛ РИ Дж.

Федеральный университет Санта-Катарины
Инженера-агронома Андрея Кристиана Феррейра ул., Флорианополис, Бразилия, 88040-900
arnodalri@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7734-0404

Исследовательская статья

УДК: 342

Поступила в редакцию: 22.09.2024

Принята к публикации: 07.04.2025

СОЗДАНИЕ РАМОЧНОЙ КОНВЕНЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КЛИМАТА КАК ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В ОБЛАСТИ КЛИМАТА (1985–1992 ГГ.)

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается история создания Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН) и ее роль в качестве основополагающей структуры для международного правового режима климата. В исследовании подчеркивается важность решений, принятых в период разработки Конвенции, анализируется их долгосрочное влияние на глобальное управление климатом. В исследовании изучаются события, предшествовавшие Саммиту Земли (Конференция Рио) в 1992 г., на котором была принята РКИК ООН, а также рассматривается влияние основополагающих принципов и обязательств Конвенции на последующую климатическую политику, включая Киотский протокол и Парижское соглашение по климату. Целью исследования является контекстуализация Конвенции в рамках более широких исторических и правовых изменений в международном экологическом праве.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на историко-правовом подходе. Используются первичные источники, включая тексты договоров, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, консультативные заключения международных судов и официальные материалы конференций. Кроме того, используются вторичные источники, такие как академические комментарии, учебники по экологическому праву и журнальные статьи, дают представление об эволюции международного климатического права. Исследование разделено на два основных этапа. 1. Исторический анализ: хронологическое изучение переговоров, предшествовавших РКИК ООН, с упором на Стокгольмскую конференцию (1972 г.), Монреальский протокол (1987) и научные отчеты Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК).

2. Анализ правовых рамок: оценка правовых принципов, закрепленных в РКИК ООН, таких как устойчивое развитие, общая, но дифференцированная ответственность и межпоколенческая справедливость, а также оценка ее институциональных механизмов, включая роль Конференций Сторон (КС).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. РКИК ООН как нормативная основа: несмотря на то что РКИК ООН считалась «рамочной конвенцией», она определила основополагающие правовые принципы, которые впоследствии стали краеугольным камнем управления климатом. Правовые инновации и институционализация: Конвенция установила систему сотрудничества между государствами, создав институциональные механизмы, такие как Конференции Сторон, которые способствовали непрерывной правовой эволюции в управлении климатом. Создание Секретариата РКИК ООН еще больше институционализировало переговоры по климату. Устойчивое влияние на международное право: Конвенция остается точкой отсчета для судебных разбирательств по климату и международных консультативных заключений, особенно в недавних делах в Межамериканском суде по правам человека и Международном трибунале по морскому праву. Эти правовые органы все чаще опираются на принципы РКИК ООН для определения обязательств государств в отношении изменения климата.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В статье сделан вывод о том, что РКИК ООН, несмотря на ее первоначальные слабости, оказалась устойчивым и основополагающим правовым инструментом в международном управлении климатом. Принципы и процедурные механизмы Конвенции позволили разработать обязательные правовые

обязательства, такие как те, что содержатся в Киотском протоколе и Парижском соглашении по климату. Более того, ее гибкая институциональная структура позволила ей адаптироваться к возникающим вызовам, таким как судебные разбирательства по климату и консультативные разбирательства в международных судах. Заглядывая вперед, можно ожидать, что РКИК ООН продолжит формировать будущие правовые обязательства, связанные с действиями по климату, особенно по мере того, как климатические споры становятся все более заметными в международных судебных органах. Исследование подчеркивает сохраняющуюся актуальность РКИК ООН перед лицом меняющихся экологических проблем, подтверждая ее статус правовой основы для глобального управления климатом.

1. Introduction

For scholars of international law who analyse the legal developments surrounding climate change, different instruments developed in different historical circumstances constitute the cornerstones of the regime: the much-mentioned and discussed Paris Agreement of 2015, the often criticised Kyoto Protocol, as well as all the resolutions containing government positions adopted by the Conferences of the Parties ('COPs') on climate matters. From a normative point of view, one instrument has gained particular importance for the development of the international climate legal regime¹: the 1992 United Nations Framework Convention on Climate Change (hereafter 'Framework Convention' or 'UNFCCC'), sometimes neglected or superficially mentioned in academic debates on climate issues as a mere prelude to later instruments.

As a result of the great environmental meeting that was the Earth Summit in Rio de Janeiro, which brought together states and civil society in unprecedented proportions in the field of international

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное экологическое право, Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, режим международного климатического права, Конференция в Рио, глобальное управление климатом

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лима Л.К., Дал Ри Дж. А. 2025. Создание Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата как основы международного правового режима в области климата (1985–1992 гг.). – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 99–112. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-99-112>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

cooperation, the Convention innovated and incorporated the then debated notion of “sustainable development”, seeking to balance development and environmental protection in safeguarding the climate system, defined by the Framework Convention itself as “the totality of the atmosphere, hydrosphere, biosphere and geosphere and their interactions”. This effort to combine the binomial of development and the environment represents the definitive entry of the latter as an object of protection under international law. As the International Court of Justice recognised years later in its Advisory Opinion on the *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons* (1996), the environment is not an abstraction but represents the living space, the quality of life and the very health of human beings, including unborn generations” – a reflection that legally translates into “[t]he existence of the general obligation of States to ensure that activities within their jurisdiction and control respect the environment of other States or of areas beyond national control is now part of the corpus of international law relating to the environment”².

¹ The term “international climate legal regime” is used here to refer to the set of norms, practices, principles and standards aimed at regulating the problem of climate change in the international legal order. It is not argued that it is a self-contained legal regime due to the high porosity and circularity between the concepts and normative notions of international law in general, and international environmental law in particular. Nor is it used in the sense of “regime” relating to the field of international relations.

² International Court of Justice. 1996. *Legality of the threat or use of nuclear weapons*. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. Para. 29.

The definitive inclusion of the environmental agenda on the international legal agenda took place at the same time as the conclusion of the first multilateral treaty aimed at combating climate change, which is represented by the UNFCCC. It is true that, at the time of its conclusion, the Convention had both admirers and critics. As one commentator observed at the time: "Some regard it as a success, because it is without question a stronger and more comprehensive agreement than previous "framework" conventions, most notably the Vienna Convention for the Protection of the Ozone Layer' Others regard the agreement as a failure, as it does not adequately address many of the most pressing issues of climate change, such as schedules for reduction of greenhouse gases". [Goldberg 1993:239]

This dual perception of "success – failure" is not the point we are interested in addressing in the pages of this article. The hypothesis supported here is that, successful or not, the Framework Convention constitutes the standard framework from which the parameters that delimit and sustain the international climate legal regime derive, since many of its provisions were incorporated as pillars of the regime at subsequent times. The historical distance of more than thirty years since its adoption and subsequent ratification by states allows us to analyse the Convention from a privileged vantage point, both in terms of its notorious impact on the international legal order and the actions of states, as well as the criticism it has received. This is without overlooking the fact that the comments on the Convention, which abound in the doctrine³, end up neglecting the subsequent developments of the legal regime. This analysis also makes it possible to better contextualise the Convention at the historical point where it is situated in the line of international climate change law. [Grossi 2010]

Given this framework and these observations, the aim of this article is therefore to examine the role played by the United Nations Framework Convention on Climate Change as the standard framework for the international climate legal regime. It seeks to understand which of the fundamental choices made under the Convention have remained important for the regime and the reasons why these choices were made. In the first part, the developments that took

place immediately prior to the Earth Summit and the negotiation of the Convention are analysed, in order to contextualise the panorama in which the aforementioned choices were made. In a second part, the Convention itself is analysed, with greater emphasis on the normative elements that emerge from it, such as its principles, its fundamental obligations and the mechanisms that still constitute the regime's normative vectors. The conclusions discuss these results and speculate on the role that the Convention could still play, especially in the light of recent developments in the field of international environmental and climate law.

2. The forked road to Rio: the debates prior to the Framework Convention

The so-called "road to Rio" [Goldemberg 1994] is often described as an intense process of activities that took place on the international stage involving different bodies, forums and individuals affiliated with different epistemic communities, responsible for building scientific consensus on the effects of climate change, as well as the possible lines of international action to tackle it. Above all, this is a thickening of the legal dimension and thickness of the international environmental debate in which, of course, different positions have been formulated over time. The aim of this session is to present these initiatives, as well as to identify the different positions that existed before the Framework Convention was drawn up, in order to see how, in the face of a complex scenario full of conflicting positions, the Convention itself emerges as a consensus-building process – and is therefore leaning towards solidifying itself as the basis of the legal regime. Three issues will be analysed: (a) the emergence of a scientific consensus in the post-Stockholm period, briefly; (b) the main international legal initiatives that preceded the signing of the Framework Convention and; (c) the different positions on the matter at the time of its negotiation.

Although other previous initiatives aimed at protecting environmental values in different contexts of general international law [Dupuy 1985; Weiss 2011; Sand 2008; Sand 2015; Silva 2002; Corrêa do Lago 2007; Del Vecchio, Dal Ri Jr. 2005] and particular

³ Much has been authoritatively written about the Framework Convention. Reference is made here to the main works consulted for this article: [Mayer 2022; Bodansky 2001:505; Bodansky 1993:451; Foo 1992:347; Mayer 2021; Yamin F., Depledge J. 2004; Sands P. 1992:270; Sands P.J. 1989:393; Sands P. 2017:114-134); Sand P.H. 1993:377; Lima L.C. 2023:13-48].

international law are not unknown – and the history of this international environmental law has yet to be written – a common starting point for the international debate is the Stockholm Conference on the Human Environment, which took place in June 1972⁴. Stockholm not only led to the inclusion of environmental issues on the international agenda, but also (in accordance with Principle 24 of the Stockholm Declaration)⁵ the efforts to make it happen through international co-operation and legally co-ordinated initiatives. An equally important fruit of this meeting was the establishment of the United Nations Environment Programme (UNEP), which to this day remains the UN's arm in the field [Mahmoudi 1995:175; Petsonk 1990:351]. From this initial impetus emerged many multilateral and regional environmental agreements, as well as UN programmes and a wide range of documents of varying normative calibre.

The effects of this initial stimulus can be seen in the field of international law in particular, specifically with regard to the conventional rules governing international trade, especially since the Uruguay Round and the events of the late 1980s and early 1990s, through a growing concern with the issue of the environment – even assuming that the GATT/WTO system [Dal Ri Jr., Andrade 2016:194; Dal Ri Jr., Andrade 2017:295] and the regional integration systems [Dal Ri Jr., Noschang 2014:45; Moura, Posenato 2021] are not suitable spaces for debating or regulating the issue. What can be observed in these fields is, above all, the expansion of strategies aimed at monitoring and conditioning possible impacts of the domestic environmental protection policies of member countries on multilateral and regional trade systems. These strategies have undergone significant changes in perspective over the decades, especially since the end of the last millennium, abandoning an approach that saw environmental policies as an obstacle to free trade and moving on to investigate how international agreements and domestic measures

aimed at the legal protection of the environment could interact in a healthy way with these systems, becoming functional to them.

In the field of general international law, on the other hand, there are at least three initiatives that have a profound influence on the international legal regime on climate change: the dissemination of the concept of sustainable development, which will form the backdrop to the 1992 discussions; the legal regime relating to the protection of the ozone layer; and resolution 43/53 of 1988 adopted by the General Assembly.

As is well known, the notion of sustainable development gained particular prominence in international law [Schrijver 2009; Viñuales 2021:285-301; Barral 2015:41; Lowe 1999:19; Sands 1994:303] from the moment the United Nations Commission on Environment and Development issued the report "*Our Common Future*", also known as the "Brundtland Report", in which the use of this notion indicated the objective of "meeting the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs"⁶. The concept tries to strike a balance between two other compelling ideas that states consider equally necessary: the right to development of every state, which relates to the use of its natural resources on its territory (epitomised by General Assembly Resolution 1803/27)⁷ and environmental protection. Naturally, because it is an elusive concept, the notion of sustainable development is still open to interpretation in some respects. However, there seems to be a consensus that protecting the environment no longer leaves room for exceptionalism in the face of states' right to growth and development.

The international rules governing the protection of the ozone layer are recognised as one of the most effective regimes created at international level to deal with a problem that is eminently transnational in nature. These are mainly found in the 1985 Vienna Convention for the Protection of the Ozone Layer

⁴ UN: Report of the United Nations Conference on the Human Environment. A/CONF.48/14/Rev.1. Stockholm. 5-16 June 1972.

⁵ Principle 24 of the 1972 Stockholm Declaration: "International matters concerning the protection and improvement of the environment should be handled in a co-operative spirit by all countries, big and small, on an equal footing. Co-operation through multilateral or bilateral arrangements or other appropriate means is essential to effectively control, prevent, reduce and eliminate adverse environmental effects resulting from activities conducted in all spheres, in such a way that due account is taken of the sovereignty and interests of all States".

⁶ WORLD COMMISSION ON ENVIRONMENT AND DEVELOPMENT. *Our Common Future*. Oxford: Oxford University Press. 1987.

⁷ GENERAL ASSEMBLY OF THE UNITED NATIONS ORGANISATION. Resolution A/RES/1803/XVII. Permanent sovereignty over natural resources. 14 December 1962.

and the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer. The fact that the treaties have been universally ratified is one of the first indicators of their success, as are their undeniable effects on reducing the deterioration of the ozone layer. There are two important elements, in particular, that this set of international regulations aimed at protecting the ozone layer brings to the climate change legal regime. The first is the logic of the structure between the framework convention and the protocol, in which a subsidiary treaty is presented with the function of specifying and detailing the matter governed by the first. With this normative design, the negotiating parties to the Framework Convention on Climate Change were able to negotiate a general regime in the knowledge that there would soon be a second treaty that could complement it – a phenomenon that exactly materialised. In this way, by incorporating notions from the most varied scientific fields into its legal framework, the ozone layer protection system established the logic of monitoring followed by specific limits that were very quickly and rapidly updated under the Montreal Protocol. This dialogue between scientists, diplomats and international lawyers has been highlighted doctrinally:

Another important lesson of the Montreal Protocol is the role of the scientists, and, over time, diplomats who develop a high level of expertise through their active involvement in the process. The emergence of an epistemic community of atmospheric scientists and expert diplomats played a primary role in gathering information, disseminating it to governments and ODS manufacturers, and helping them formulate international, domestic, and industry policies regarding ODS consumption and production [Johnston 2021:254].

The success of this specific set of rules has therefore opened up the possibility for states to use international co-operation instruments, targets and ongoing co-operation to find solutions to the climate problem.

Parallel to the meeting in Vienna, which debated the protection of the ozone layer, there was also the so-called Villach Conference, one of the first events aimed solely and exclusively at the climate issue, which reached a scientific consensus. In 1979, the World Climate Conference in Geneva consolidated

the initiatives of the 1972 UN Conference on Human Development, culminating in the creation of the World Climate Programme. The partnership between the World Meteorological Organisation, the United Nations Environment Programme and the International Council of Scientific Unions resulted in a series of meetings known as the 1985 Villach Conference. On this occasion, although no international treaty was adopted, significant attention was drawn by governments to the climate issue, which was later taken up at the Hague Summit in 1989 – where the possibility of creating an organisation with global authority to monitor the issue of global warming was mooted – and the ministerial meeting in Noordwijk in 1989.

Faced with these two movements, the international concern to offer responses to climate change in the light of the growing scientific evidence that was emerging on the matter led the International Community to quickly organise initiatives to start dialogues.

One of the first multilateral documents adopted in anticipation of the Earth Summit was Resolution 43/53 of 1988, issued by the United Nations General Assembly.⁸ In this resolution, incorporating the scientific evidence available to date, an important call was made to establish that

*"the emerging evidence indicates that continued growth in atmospheric concentrations of 'greenhouse' gases could produce global warming with an eventual rise in sea levels, the effects of which could be disastrous for mankind if timely steps are not taken at all levels"*⁹.

Against this backdrop, the Resolution adopted by the General Assembly took an important step by recognising "that climate change is a common concern of humankind, since climate is an essential condition that sustains life on earth". Although there is criticism that the notion of "common concern" is less forceful than the legal notion of "common heritage", used in the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea to characterise the seabed, this recognition cannot be underestimated. The notion of the common concern of humankind is important insofar as it places the climate issue within the scope of the general interests of the international community, moving away from the merely bilateral logic

⁸ GENERAL ASSEMBLY OF THE UNITED NATIONS ORGANISATION. Resolution A/RES/43/53 "Protection of global climate for present and future generations of humankind", 6 December 1988.

⁹ General Assembly of United Nations. Protection of global climate for present and future generations of mankind. A/RES/43/53. 6 December 1988.

that dominates other areas of international environmental law – such as, for example, the issue of transboundary harm, hitherto used to govern the field of transnational pollution.

Once the climate issue has been identified as a common concern, the Resolution does not hesitate to call different subjects to action insofar as "urges Governments, intergovernmental and non-governmental organisations and scientific institutions to treat climate change as a priority issue, undertake and promote specific, cooperative and action-oriented programmes and research in order to increase understanding of all sources and causes of climate change".

The same resolution also calls on "all relevant organisations and programmes of the United Nations system to support the work of the Intergovernmental Panel on Climate Change", in a clear *internal corporate* measure to outline a course of action for the UN. Finally, Resolution 43/53 also "Calls upon Governments and intergovernmental organizations to collaborate in making every effort to prevent detrimental effects on climate activities which affect the ecological balance, and also calls upon non-governmental organizations, industry and other productive sectors to play their due role".

These excerpts from the Resolution are eloquent in that they do not only address action to states, but also to international organisations and entities that are directly related to the causes and effects of climate change. It seems no exaggeration to say that the General Assembly Resolution adopted by a significant majority set the tone for what would later become the Earth Summit by characterising the urgency of the problem that has become an indelible fixture on the international agenda.

As mentioned, the UN General Assembly Resolution, followed by the meetings held in The Hague and Noordwijk, put the climate issue firmly on the agenda of governments, emphasising the need for coordinated action to deal with the problem of global warming due to climate change. Not by chance, and in line with other initiatives in different environmental fields, these issues were discussed in Rio de Janeiro in 1992 at the great environmental meeting that was the Earth Summit.

It is possible to identify at least three distinct positions among the groups of states that negotiated the Framework Convention in Rio de Janeiro – although a series of meetings preceded the final discussion on the Convention. In the meantime, since 1988 the Intergovernmental Panel on Climate Change had been studying the issue and providing

the international community with solid scientific evidence of the scale of the problem.

A first position is represented by the developing countries, then called the Group of 77. Their official position was that the substantial emission of greenhouse gases had historically been attributable to industrialised countries. They did not ignore the fact that developing countries should also follow a line of action aimed at reducing gas emissions, but they advocated a differentiated regime in relation to developed countries through the notion of common and differentiated obligations and the creation of a special regime for developed countries. This position was inspired by the 1987 Montreal Protocol for the ozone layer. The second position is that identified by the developed countries that were associated with the then European Community and that wanted effective control of emissions through clear commitments to reduce gases. This position contrasted with that defended by the United States government, a third position, which, despite recognising the challenges of climate emissions, had no interest in fixing emissions from top to bottom, assuming clear international obligations that could eventually be subject to liability.

The three positions can be found in different parts of the Convention, both in the creation of a regime of differentiation between developed and developing states, in the adoption of specific obligations with the aim of reducing greenhouse gases, while at the same time creating a normative framework for the assumption of future reduction obligations. To better understand the scope of this commitment between positions, it is necessary to understand the fundamental characteristics of the Convention.

3. The fundamental characteristics of the Framework Convention as the basis of the international climate legal regime

Article 2 of the Convention establishes the objective of the Framework Convention, which is "the stabilisation of greenhouse gas concentrations in the atmosphere at a level that would prevent dangerous anthropogenic interference with the climate system". To this end, the level must be "achieved within a sufficient timeframe" to allow "ecosystems to adapt naturally to climate change that ensures that food production is not threatened and that allows economic development to proceed in a sustainable manner". Three elements seem to emerge as legal goods protected by the Convention. Firstly, the climate system itself, a concept well defined in

its wording. The second protected good is food production, demonstrating the connection between the debates on climate protection and food security. Finally, the notion of development is included in the objective – however, with the intention of not impeding the continuity of economic development, once again reflecting the *spirit of Rio*.

In dialogue with the Rio Declaration on Environment and Development, the Framework Convention establishes the principles that will guide it and, consequently, the entire legal regime on climate change that derives from its Article 3. The five paragraphs of the article can be broken down into the following principles: a) climate protection for the benefit of present and future generations of humanity; b) common but differentiated responsibilities and respective capabilities; c) as a consequence of the above, the obligations of developed countries to take the initiative in combating climate change; d) the notion of climate vulnerability generating specific needs and special circumstances; e) the principle of prevention; f) the precautionary principle, when there is a lack of full scientific certainty; g) the principle of co-operation to tackle climate change; h) the recognition of the right to sustainable development as a principle, establishing that economic development is essential to the adoption of measures to tackle climate change. Although some of these principles have been developed since the Stockholm Declaration, it was only with the notion of sustainable development, crystallised in 1987 and made law in 1992, that they were definitively incorporated as a framework for the international climate legal regime.

The inclusion of these principles in the text of the Framework Convention, together with the adoption of the 26 principles contained in the Declaration on Environment and Development [A. De P, Lima 2023], is not an irrelevance. The principles contained therein constitute a true framework that delimits the entire international climate legal regime to be adopted later, both in the negotiations of the conferences of the parties, the Kyoto Protocol and later, in the Paris Agreement. These make up the fundamental normative framework on which the entire architecture of the regime will be built and, with rare exceptions and nuances, will not be abandoned by states and international organisations in their implementation. As was observed doctrinally at the time, "[t]he Principles provide a set of standards by which the behaviour of parties may be measured by other parties, non-governmental organisations (NGOs), and the rest of the international community" [Gold-

berg 1993]. What's more, the principles have been consolidated in the legal system, constituting, for the most part, norms of customary international law. It's true that some of these will be contested. This is the case, for example, with the division in the international community that seems to exist over the scope of the principle of common but differentiated obligations and how certain developing states, such as Brazil, China and India, should benefit from differentiated treatment in the current debates on greenhouse gas emissions [Boyle, Ghaleigh 2016]. Furthermore, the precautionary principle seems to have a limited scope of application insofar as the field of climate change is substantially irrigated by indisputable scientific data provided by the IPCC and the scientific community, with the principle of prevention taking centre stage.

Much of the criticism of the "softness" of the Framework Convention or of some aspects relating to "soft law" centres around the obligations contained in the Convention, which are set out in Article 4. Firstly, it should be reiterated that Article 4 provides a binding norm that imposes obligations on the signatory states. If the contents of the obligations are not effective or efficient in addressing the problem of climate change, that is another problem. The use of the expression "shall" in the *heading* is unequivocal as to the binding nature of the provision.

The ten obligations in Article 4.1 do not impose direct actions, with results that must be implemented by the states. It is mainly a framework for co-operative action on climate change. This conclusion is drawn mainly from the verbs used in the obligations. Just to mention a few examples, the obligations in Article 4 focus mainly on "Drawing up national inventories of anthropogenic emissions by source" (a), "formulating, implementing, publishing and regularly updating national programmes (...) that include measures to mitigate climate change" (b), "promoting and cooperating for development" (c), "taking into account, to the extent possible, factors related to climate change in their social, economic and environmental policies and measures" (f), "promoting and cooperating in scientific research" (g). The obligations seem to have a dual role. Firstly, they are about establishing a framework for co-operation, information and monitoring with the Convention. In other words, states must jointly and transparently, in a co-operative space, be aware of carbon emission data and map climate science at national level. Secondly, the terms set out in the Framework Convention seek to incorporate good practices on climate change into states' domestic

laws, especially considering that many states in the 1990s were not yet aware of these needs. For some, these obligations might have seemed disappointing and unsound, or even ineffective given the scale of the problem and the scientific awareness that was already clear at the time. The innovation, however, lies precisely in the fact that, at the same time as establishing a co-operative framework, it influences the national policies of states due to the awareness of the problems and the need to implement actions at national level to combat climate change. In this sense, Article 4.j seems particularly relevant insofar as it establishes the international obligation to "transmit information on implementation to the Conference of the Parties". This is a non-simple obligation to disclose information, which is very detailed in Article 12 of the Framework Convention,¹⁰ which even establishes a greater degree of information for developed countries, in honour of the principle of common but differentiated obligations. The logic of the rule is clear: developed countries are better able to map their anthropogenic emissions and therefore must inform other countries of their emission levels.

The Framework Convention's vocation to be a treaty with a national impact can also be seen in the obligation in Article 4.1.i, which establishes the obligation to "promote and cooperate in public education, training and awareness-raising in relation to climate change, and encourage the widest participation in this process, including the participation of non-governmental organisations", and is detailed

in Article 6¹¹. In this, different strategies are articulated, in a mandatory tone, in order to promote both the dissemination of knowledge at national level and transparency in access to information. The aim of the standard is to turn national environments, whether scientific or not, into laboratories for exchanging experiences and also to promote the work of non-governmental organisations, which have become catalysts for information, practices and actions¹².

Another important contribution to the international climate legal regime resulting from the Framework Convention is the creation of a Conference of the Parties (COP), described as the "supreme body of the Convention" according to Article 7. The rule establishes that "the Conference of the Parties shall keep under regular review the implementation of this Convention and of any legal instruments that the Conference of the Parties may adopt, and shall take, in accordance with its mandate, such decisions as may be necessary to promote the effective implementation of this Convention". It is interesting to note the reference to "any legal instruments that the COP may adopt", which also includes discussions on the Kyoto Protocol and the Paris Agreement – both adopted at the meetings of the parties in 1997 (COP3) and 2015 (COP21), respectively. A typical technique in international law, and especially in international environmental law [Roben 2010; Camenzuli 2019: 1; Lesniewska 2015:116-142; Rajamani 2001:201-238], the advantage of the conference of the parties is that it provides enhanced governance

¹⁰ Article 12. 1. In accordance with Article 4, paragraph 1, each Party shall transmit to the Conference of the Parties, through the Secretariat, the following information: (a) a national inventory of anthropogenic emissions by sources and removals by sinks of all greenhouse gases not controlled by the Montreal Protocol, to the best of its ability, using comparable methodologies developed and approved by the Conference of the Parties; (b) a general description of the measures taken or envisaged by the Party to implement this Convention; and (c) any other information that the Party considers relevant to the achievement of the objective of this Convention and suitable for inclusion in its communication, including, if possible, data relevant to calculations of global emissions trends.

¹¹ Article 6 Education, Training and Public Awareness. In fulfilling their obligations under Article 4, paragraph 1, subparagraph (i), the Parties shall: a) Promote and facilitate, at the national and, as appropriate, subregional and regional levels, in accordance with their national laws and regulations and their respective capacities: I) the development and implementation of educational and public awareness programmes on climate change and its effects; II) public access to information on climate change and its effects; III) public participation in addressing climate change and its effects and in designing appropriate response measures; and IV the training of scientific, technical and managerial personnel. b) cooperate at the international level and, as appropriate, through existing bodies, in and promote the following activities: I) the development and exchange of educational and public awareness materials on climate change and its effects; and II) the development and implementation of educational and training programmes, including the strengthening of national institutions and the exchange or recruitment of personnel to train specialists in this area, in particular for developing countries.

¹² On this issue, see the classic Giorgetti [Giorgetti 1999:201], for whom "Non-governmental organisations (NGOs) have acquired an increasingly relevant status in the international policy arena. This prominence can be seen in the expanded role of NGOs in preparing and executing development projects, and in negotiating international legal agreements. NGOs also command influence at most levels of the international legal system, participate in the implementation and monitoring of international conventions, and serve as experts in governmental delegations". See also [Raustiala 2001; Morgan 2021].

of the object of the treaty without constituting its own autonomous will as an international organisation. As such, it facilitates dialogue and supervision of the instrument while respecting the sovereignty of states, avoiding centralised processes of norm formation, but facilitating its adoption through different standards of consent. [Brunnée 2005:101-126; Wiersema 2009: 231-287]

It doesn't seem an exaggeration to say that the precepts established within the framework of the Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change have made a fundamental contribution to the governance of the international climate legal regime. [Churchill, Ulfstein 2000] Since their creation, the dynamics of the COPs have undergone a process of continuous expansion, with a growing increase in the participation of entities other than state representatives. This has created a continuous *ethos of* decision-making and governance of the regime, which allows it to update its own scientific perception, as well as redefine the vector lines of action of states' legal foreign policies – irrigated by a privileged debate within civil society and closely monitored by the media.

Although the Conference of the Parties has its functions limited by Article 7, which establishes its clear functions (and uses the expression "shall" to establish these functions), subparagraph "m" of paragraph 2 states that the COP shall "perform the other functions necessary to achieve the objective of this Convention, as well as all other functions assigned to it by this Convention". This wording makes it possible to identify the granting of broad powers to the COPs, to be exercised also in a residual manner insofar as it establishes the "other functions" for the realisation of the objective of the Framework Convention. The COPs can thus be interpreted as the current meetings that keep the Framework Convention alive and connected with the reality of the international community and, consequently, with the international climate legal regime itself.

Although the Convention has very specific regulations, two provisions deserve specialised analysis at this point, due to their importance within the regime. The first is a second element of institutionalisation, namely the creation of the Convention's Secretariat. The second is the dispute settlement procedure provided for by the Convention itself.

The secretariat was created in 1992, when the countries adopted the Framework Convention. Originally based in Geneva, since 1996 it has been located in Bonn, Germany. Little attention has been paid to the work of the Secretariat in the specialised

literature [Michaelowa, Michaelowa 2017], although its work with more than 450 international civil servants is fundamental to strengthening the institutional basis of the international climate legal regime. Responsible for all sorts of administrative activities, the secretariat also has an essential function of facilitating the co-operation of states, as well as recording information sent by them. Although there is a tendency to neglect its activity, the secretariat's more than thirty years of operation at the heart of the COPs and activities relating to the Convention has made it a fundamental body for the actual implementation of the treaty, as well as for processing the data sent by the parties and dialogue with other international bodies, such as the IPCC. Within the international climate legal regime, it would not be daring to say that the secretariat acts as its institutional heart, assisting the COPs in their process of realising the objects and purposes of the treaty.

With regard to the resolution of disputes arising from the Convention, the normative text reflects the customary obligation to resolve them peacefully, also favouring the principle of free choice of means. Furthermore, a double option was adopted in Articles 13 and 14 of the Framework Convention, once again the result of the division between developing and developed states [MacKenzie 2012]. If, on the one hand, developing states were interested in a multilateral, non-compulsory mechanism, there was also the proposal to offer interested states an effective dispute settlement mechanism through the judicial modality. The balanced solution was to simultaneously offer the creation of a "mechanism for multilateral consultations, to which the Parties may have recourse upon request, for the settlement of questions relating to implementation" (Art. 13), and the possibility, through express declarations of consent, of recourse to the International Court of Justice or international arbitration (Art. 14). Unsurprisingly, this recourse was never activated, and the number of declarations recognising the Court's jurisdiction met with little success. At the time, it was hard to imagine litigation arising from a nascent regime that had unclear obligations regarding the reduction of greenhouse gases.

4. Conclusions: what is the current role of the Framework Convention?

At least three reasons explain the centrality and prominence of the Framework Convention in the climate regime. Firstly, as we have seen, it consolidated general principles in relation to a specific

legal regime for dealing with one of the global environmental problems. It also established specific procedures for building a continuous dialogue and improving the regime itself. It also facilitated dialogue between states and constituted a necessary axiological vector for the progression of the regime, adding other layers of legality such as the content of the COPs and other treaties – such as the Kyoto Protocol and the Paris Agreement. It's interesting to note how often the UNFCCC is used in climate disputes within the judiciaries of national states, as well as being a point of reference in all relevant international climate action. The Convention is a reference standard for understanding the international obligations assumed by states at the domestic level.

With the entry into force of the Convention, there are undeniable signs that a lasting legal regime has been established, and the normative framework it provides is still used by states in advancing and discussing issues relating to the global climate system. An important sign of its longevity is also the fact that it has never been subjected to denunciations or attacks – something that can also be explained by the fact that the obligations it imposes on states, although binding, are not too onerous compared to other treaties that have garnered less participation.

If it is possible to verify the centrality of the Framework Convention both in terms of the importance of its content and its use in domestic litigation, it is also possible to imagine that future climate advisory opinions requested before the Inter-American Court (IACtHR) of Human Rights [Lima 2025], the International Tribunal on the Law of the Sea (ITLOS) and the International Court of Justice (ICJ) will draw on it to identify international obligations and also as a point of dialogue for the interpretation of other international instruments. As a matter of fact, ITLOS gave substantial weight to the Framework Convention in its opinion rendered on 21 May 2024¹³, mentioning it more than 50 times in order to identify obligations related to the protection of the climate system in the United Nations Convention on the Law of Sea.¹⁴ Although the role it plays at the heart of the system has already been consolidated, it cannot be ruled out that it will still play an important role in the future of combating climate change, as well as in identifying new obligations that states, international organisations and other entities will have in a legal regime that has rapidly developed and which still constitutes the most effective opportunity for the international community to offer answers to "one of the greatest challenges of our time"¹⁵.

References

- Adede A.O. The road to Rio: The development of negotiations. – *The environment after Rio: International law and economics*. 1994.
- Barral V. Sustainable development in international law. LGDJ. 2015. P. 41.
- Bodansky D. The United Nations Framework Convention on Climate Change: A commentary. – *Yale Journal of International Law*. 1993. Vol. 18 (1). P. 451.
- Bodansky D. The history of the global climate change regime. – *International Relations and Global Climate Change*. 2001. Vol. 23 (1). P. 505.
- Boyle A., Ghaleigh, N.S. Climate change and international law beyond UNFCCC. – C.P. Carlarne, K.R. Gray, R. Tarasofsky (eds.). *The Oxford handbook of international climate change law*. Oxford University Press. 2016. P. 30.
- Brunnée J. Reweaving the fabric of international law? Patterns of consent in environmental framework agreements. – R. Wolfrum, V. Röben (eds.). *Developments of international law in treaty making*. Springer. 2005. P. 101-126.
- Camenzuli K. The development of international environmental law at the multilateral environmental agreements' Conference of the Parties and its validity. – *Environmental Law Review of Eastern & Central Europe*. 2019. Vol. 19 (1). P. 1.
- Churchill R., Ulfstein G. Autonomous institutional arrangements in multilateral environmental agreements: A little-noticed phenomenon in international law. – *American Journal of International Law*. 2000. Vol. 94. P. 623.
- Corrêa do Lago A.A. *Stockholm, Rio, Johannesburg: Brazil and the three United Nations environmental conferences*. FUNAG. 2007.
- Dal Ri Jr. A., Andrade M.C. de. The fragile genesis of legal protection of the environment in the multilateral trade system: An analysis of the period from Bretton Woods to the Tokyo Round (1947–1979). – *Sequência*. 2016. Vol. 37 (1). P. 194.

¹³ INTERNATIONAL TRIBUNAL FOR THE LAW OF THE SEA. Advisory Opinion requested by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law. Case No. 31. 21 May 2024. P. 78. The Tribunal observed that "The UNFCCC and the Paris Agreement stand out in this regard as primary treaties addressing climate change".

¹⁴ See: Roberto Virzo. Fondamento ed esercizio della competenza consultiva del Tribunale internazionale del diritto del mare: considerazioni a margine del parere del 21 maggio 2024. 79 (4) *La Comunità Internazionale* 603.

¹⁵ GENERAL ASSEMBLY OF THE UNITED NATIONS ORGANISATION. Resolution A/RES/77/165 "Protection of global climate for present and future generations of humankind". 22 December 2022.

11. Dal Ri Jr. A., Andrade M.C. de. The Uruguay Round and the environment: The flowering of environmental legal protection in the multilateral trading system. – *Revista Brasileira de Direito*. 2017. Vol. 13 (1). P. 295.
12. Dal Ri Jr. A., Noschang P.G. Contradictions and dilemmas in the historical itinerary of environmental protection in Mercosur. – L.O. Baptista, L.Ramina, T.S. Friedrich (eds.). *Contemporary international law*. Juruá. 2014. P. 45.
13. De P Toledo A., Lima L.C. (eds.). *Brazilian commentary on the Rio Declaration on environment and development*. D'Plácido. 2023.
14. Del Vecchio, A., Dal Ri Jr., A. (eds.). *Il diritto internazionale dell'ambiente dopo il vertice di Johannesburg*. Scientifica. 2005.
15. Dupuy R.-J. (ed.). *The future of the international law of the environment*. Nijhoff. 1985.
16. Foo K.B. The Rio Declaration and its influence on international environmental law. – *Singapore Journal of Legal Studies*. Dec 1992. P. 347.
17. Giorgetti C. From Rio to Kyoto: A study of the involvement of non-governmental organisations in the negotiations on climate change. – *New York University Environmental Law Journal*. 1999. P. 201.
18. Goldberg D.M. As the world burns: Negotiating the Framework Convention on Climate Change. – *Georgetown International Environmental Law Review*. 1993. Vol. 5 (2). P. 239.
19. Goldemberg J. The road to Rio. – I.M. Mintzer, J.A. Leonard (eds.). *Negotiating climate change* Cambridge University Press. 1994. P. 175-185.
20. Grossi P. The point and the line: History of law and positive history in the formation of the jurist of our time. – P. Grossi. *Law between power and order* (A. Dal Ri Jr., Trans.). Del-Rey. 2010. P. 1.
21. Johnston S. The role of science. – L. Rajamani, J. Peel (eds.). *The Oxford handbook of international environmental law*. Oxford University Press. 2021. P. 254.
22. Lesniewska F. UNFCCC Conference of the Parties: The key international forest law-makers for better or for worse. – *International Environmental Law and Governance*. 2015. P. 116-142.
23. Lima L.C. A resolução de controvérsias ambientais no Direito Internacional. – L.C. Lima, A.L.O. Rocha (eds.). *Cadernos de Direito Internacional da Universidade Federal de Minas Gerais – Volume II*. Dialética Editora. 2023. P. 13-48.
24. Lima L.C. Climate change before the Inter-American Court of Human Rights. – *Rivista di Diritto Internazionale*. 2025. Vol. 108 (1).
25. Lowe V. Sustainable development and unsustainable arguments. – A. Boyle, D. Freestone (eds.). *International law and sustainable development*. Oxford University Press. 1999. P. 19.
26. MacKenzie R. The role of dispute settlement in the climate regime. – J. Brunnée, M. Doelle, L. Rajamani (eds.). *Promoting compliance in an evolving climate regime*. Cambridge University Press. 2012. P. 395-417.
27. Mahmoudi S. The United Nations Environment Programme (UNEP): An assessment. – *Asian Yearbook of International Law*. 1995. Vol. 5 (1). P. 175.
28. Mayer B. The UNFCCC regime, from Rio to Paris. – B. Mayer. *The international law on climate change*. Cambridge University Press. 2021.
29. Mayer B. *International law obligations on climate change mitigation*. Oxford University Press. 2022.
30. Michaelowa K., Michaelowa A. The growing influence of the UNFCCC Secretariat on the Clean Development Mechanism. – *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. 2017. Vol. 17 (2). P. 247.
31. Morgan J. The power of civil society. – H. Jepsen, M. Lundgren, K. Monheim (eds.). *Negotiating the Paris Agreement: The insider stories*. Cambridge University Press. 2021. P. 245-265.
32. Moura A.B. de, Posenato, N.. The promotion of sustainable development in the EU 'new generation' free trade agreements and its impact on third countries. – *Nuovi Autoritarismi e Democrazie: Diritto, Istituzioni, Società*. 2021. Vol. 3. P. 1.
33. Petsonk C.A. The role of the United Nations Environment Programme (UNEP) in the development of international environmental law. – *The American University Journal of International Law and Policy*. 1990. Vol. 5 (2). P. 351.
34. Rajamani L. Re-negotiating Kyoto: A review of the Sixth Conference of Parties to the Framework Convention on Climate Change. – *Colorado Journal of International Environmental Law and Policy Yearbook*. 2001. Vol. 12 (1). P. 201-238.
35. Raustiala K. Nonstate actors in the global climate regime. – U. Luterbacher, D.F. Sprinz (eds.). *International relations and global climate change*. The MIT Press. 2001. P. 95-117.
36. Roben V. Conference (meeting) of states parties. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. 2010.
37. Sand P.H. International environmental law after Rio. *European Journal of International Law*. 1993. Vol. 4 (1). P. 377.
38. Sand P.H. The evolution of international environmental law. – D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey (eds.). – *The Oxford handbook of international environmental law*. Oxford University Press. 2008. P. 29-43.
39. Sand P.H. (ed.). *The history and origin of international environmental law*. Elgar. 2015.
40. Sands P. The United Nations Framework Convention on Climate Change. – *Review of European Comparative and International Environmental Law*. 1992. Vol. 1 (1). P. 270.
41. Sands P. International law in the field of sustainable development. – *British Yearbook of International Law*. 1994. Vol. 65 (1). P. 303.
42. Sands P. Climate change and the rule of law: Adjudicating the future in international law. – *The pursuit of a brave new world in international law*. Brill Nijhoff. 2017. P. 114-134.
43. Sands P.J. Environment, community and international law. – *The Harvard International Law Journal*. 1989. Vol. 30 (1). P. 393.
44. Schrijver N.J. *The evolution of sustainable development in international law: Inception, meaning and status*. Brill. 2009.
45. Silva G.E. do N. *International environmental law*. Thex Editora. 2002.
46. Viñuales J. Sustainable development. – L. Rajamani, J. Peel (eds.). *The Oxford handbook of international environmental law*. Oxford University Press. 2021. P. 285-301.
47. Weiss E.B. The evolution of international environmental law. – *Japanese Yearbook of International Law*. 2011. Vol. 54. P. 27.

48. Wiersema A. The new international law-makers? Conferences of the Parties to multilateral environmental agreements. – *Michigan Journal of International Law*. 2009. Vol. 31. P. 231-287.

49. Yamin F., Depledge J. *The international climate change regime: A guide to rules, institutions and procedures*. Cambridge University Press. 2004.

Информация об авторах

Лукас Карлос ЛИМА

доктор философии по международному праву, профессор международного права, Координатор исследовательской группы по международным судам и трибуналам (Национальный совет по научному и технологическому развитию и Федеральный университет Минас-Жерайс), Федеральный университет Минас-Жерайс

Проспект Антонио Карлоса, 6627, Белу-Оризонти, Бразилия, 31270–901

lclima@ufmg.br
ORCID: 0000–0002–8643–6547

Арно ДАЛ РИ Дж.

доктор философии по международному праву, профессор теории и истории международного права, Координатор *Ius Gentium* – Исследовательской группы по международному праву (Национальный совет по научному и технологическому развитию и Федеральный университет Санта-Катарины), Федеральный университет Санта-Катарины

Инженера-агронома Андрея Кристиана Феррейра ул., Флорианополис, Бразилия, 88040–900

arnodalri@gmail.com
ORCID: 0000–0002–7734–0404

About the Authors

Lucas Carlos LIMA

PhD in International Law, Professor of International Law, Coordinator of Research Group on International Courts and Tribunals (Brazilian National Council for Scientific and Technological Development and Federal University of Minas Gerais), Federal University of Minas Gerais

Antônio Carlos Ave., 6627, Belo Horizonte, Brasil, 31270–901

lclima@ufmg.br
ORCID: 0000–0002–8643–6547

Arno DAL RI Jr.

PhD in International Law, Professor of Theory and History of International Law, Coordinator of *Ius Gentium* – International Law Research Group (Brazilian National Council for Scientific and Technological Development and Federal University of Santa Catarina), Federal University of Santa Catarina

R. Eng. Agrônômico Andrei Cristian Ferreira, Florianópolis, Brasil, 88040–900

arnodalri@gmail.com
ORCID: 0000–0002–7734–0404

Анастасия Александровна ДРЫГИНА

Казанский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»

Н. Ершова ул., 58, Казань, 420081, Республика Татарстан, Российская Федерация

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЛЕТАЛЬНОГО ОРУЖИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Если в военное время применение нелетального оружия как средства ведения войны регулируется конвенциями и обычаями войны, в рамках правоохранительной деятельности требования, относящиеся к данным видам оружия, в основном отражены в актах мягкого права (стандарты, рекомендации, руководства). Часто в силу мягкости характера указанных норм, они не обеспечивают нормального правового регулирования для нелетального оружия, в то время как организации, занимающиеся защитой прав человека, неоднократно указывали, что применение нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности может быть неизбежным и летальным. Возникает вопрос: существуют ли в международном праве императивные нормы, регулирующие или запрещающие применение часто непредсказуемого и порой экспериментального нелетального оружия в контексте правоохранительной деятельности?

Данная статья ставит своей целью определить, имеются ли международные обычаи в сфере международного права прав человека, способные регулировать использование нелетального оружия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основе настоящего исследования лежат труды как отечественных, так и зарубежных экспертов, специализирующихся на международном праве. В силу специфики природы нелетального оружия и для достоверности результатов в исследовании также использовались работы специалистов в сфере других наук (медицинских, технических). Автором были изучены международные соглашения, документы международных организаций, судебная практика и научная литература. При подготовке исследования использовались общенаучные, междисциплинарные (опрос и интервьюирование) и специально-юридические (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В данной статье определено значение международного обычая в области международного права прав человека, изучены его воплощения в иных источниках международного права. Обоснована применимость международных обычаев при регулировании использования нелетального оружия в правоохранительной деятельности, а именно таких обычаев, как запрет произвольного лишения жизни, запрет пыток, жестоко-

го, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, запрет порабощения, запрет геноцида и преступлений против человечности, принципы необходимости и пропорциональности при осуществлении правоохранительной деятельности. Также предложено рассмотреть возможность урегулирования применения нелетального оружия посредством международных обычаев, касающихся применения неизбирательного оружия и экспериментов над человеком.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор пришел к выводу, что международные обычаи действительно способны выступать в качестве источника регулирования применения нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности. Однако это происходит опосредованно, через обязательства государств по обеспечению основных прав и свобод человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международный обычай, нелетальное оружие, практика государств и *opinio juris*, международное право прав человека, биохимическое оружие, биологическое оружие, нормы *jus cogens*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дрыгина А.А. 2025. Права человека: роль международного обычая в регулировании применения нелетального оружия. – Московский журнал международного права. № 2. С. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-113-132>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-113-132>

Research article
UDC: 341
Received 26 August 2025
Approved 10 May 2025

Anastasia A. DRYGINA

Kazan Cooperative Institute (branch) of the autonomous non-profit educational organization of higher education of the Central Union of the Russian Federation "Russian University of Cooperation" 58, N. Ershova st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420081

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

HUMAN RIGHTS: THE ROLE OF INTERNATIONAL CUSTOM IN REGULATING THE USE OF NON-LETHAL WEAPONS

INTRODUCTION. *If in wartime the use of non-lethal weapons as a means of warfare is regulated by conventions and customs, in the context of law enforcement, the requirements related to these kinds of weapons are mainly reflected in acts of "soft law" (standards, recommendations, guidelines). Often, due to the "soft" nature of these norms, they do not provide adequate legal regulation for non-lethal weapons,*

while human rights organisations have repeatedly pointed out that the use of non-lethal weapons in law enforcement can be indiscriminate and lethal. The question arises: are there mandatory norms in International Law that regulate or prohibit the use of often unpredictable and sometimes experimental non-lethal weapons in the context of law enforcement? This article aims to determine whether there are international

customs in the field of International Human Rights Law that can regulate the use of non-lethal weapons.

MATERIALS AND METHODS. This study is based on the works of Russian and foreign experts in the field of International Law. Due to the specific nature of non-lethal weapons and for the reliability of the results, the materials studied also include the works of specialists in other sciences (medical, technical). The author studied international agreements, acts of international organisations, case law and scientific literature. In preparing the study, general scientific, interdisciplinary (survey and interviewing) and special legal (formal legal and comparative legal) methods were used.

RESEARCH RESULTS. This article defines the significance of international custom in the field of International Human Rights Law and examines its embodiments in other sources of international law. It substantiates the applicability of international customs in regulating the use of non-lethal weapons in law enforcement, namely such customs as the prohibition of arbitrary deprivation of life, the prohibition of torture, cruel, inhuman and degrading treatment and punishment, the prohibition of enslavement, the prohibition of genocide and crimes against humanity, principles of necessity and proportionality during re-

alisation of law enforcement activities. It also proposes to consider the possibility of regulating the use of non-lethal weapons through international customs concerning the use of indiscriminate weapons and experiments on humans.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The author concluded that international customs are indeed capable of acting as a source for regulating the use of non-lethal weapons in law enforcement activities. However, this occurs indirectly, through the obligations of states to ensure fundamental human rights and freedoms.

KEYWORDS: international custom, non-lethal weapons, state practice and *opinio juris*, International Human Rights Law, biochemical weapons, biological weapons, *jus cogens* norms

FOR CITATION: Drygina A.A. Human Rights: The Role of International Custom in Regulating the Use of Non-Lethal Weapons. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-113-132>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Появление в последние несколько десятилетий широкого ассортимента нелетальных видов оружия¹ стало важным событием для обеспечения охраны правопорядка. Наличие у сотрудников правоохранительных органов такого оружия способствует ограничению использования огнестрельного оружия и дифференцированному применению силы. Правда, последнее во многом зависит от характеристик конкретных видов оружия и контекста его использования².

Однако прежде всего необходимо дать представление, что понимается под «нелетальными

видами оружия». К таким видам относят оружие, специально разработанное и применяемое главным образом для выведения из строя физических лиц или военной (вспомогательной) техники, при этом сводящее к минимуму количество смертельных случаев, постоянный ущерб здоровью, равно как и нежелательный ущерб имуществу, объектам инфраструктуры, оборудованию и окружающей среде³.

Так как понятие «нелетальные виды оружия» включает в себя различные виды оружия (кинетическое, химическое⁴, биохимическое, биологическое, электромагнитное и другие виды), а доктринальные подходы к нему совершенно

¹ Среди огромного количества наименований средств, способных вывести человека и технику из строя, автор предпочитает использование данного термина ввиду его лаконичности и наиболее частого упоминания в доктрине.

² Хейнс К. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. A/HRC/26/36. Совет по правам человека. 1 апреля 2014. С. 23.

³ Дрыгина А.А. *Международно-правовое регулирование применения нелетальных видов оружия*: дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2023. С. 36.

⁴ Под химическим нелетальным оружием автор понимает «химическое вещество, способное быстро вызывать в организме человека изменения, которые исчезают в течение короткого промежутка времени после прекращения

разнообразны, а также в связи с невозможностью вместить в объем статьи авторское исследование видов нелетального оружия⁵, постараемся ограничиться кратким описанием сущности и назначения данных видов оружия.

Нелетальное оружие обладает следующими признаками:

- специфика цели: разработано и используется для вывода людей или оборудования из строя;

- обратимость действия: эффект от применения нелетального оружия временный. Пораженные люди или техника восстанавливаются в короткие сроки без долгосрочных негативных последствий;

- предсказуемость: воздействие оружия понятно и контролируемо. Ожидаемый эффект соответствует применяемым средствам, исключая непредвиденные серьезные последствия;

- минимизация вреда: главная цель – избежать смертельных случаев, тяжелых или постоянных увечий у людей, а также значительного повреждения техники. Риск таких последствий сведен к минимуму;

- альтернатива летальному оружию: нелетальное оружие предлагает возможность нейтрализации угроз без применения смертельной силы, представляя собой гуманную альтернативу в конфликтных ситуациях⁶.

Важно уточнить, что под нелетальным оружием подразумевается оружие, применяемое органами государства – вооруженными силами, военизированными организациями и сотрудниками охраны порядка (полиции). Средства самозащиты (газовые баллончики, электрошокеры), используемые физическими лицами, не рассматриваются международным правом в качестве оружия⁷.

Нелетальное оружие подлежит регулированию как нормами международного гуманитарного права (МГП), где рассматривается как средство ведения военных действий, так и нормами международного права прав человека (МППЧ), где оно определяется как оружие, используемое правоохранительными органами.

Несмотря на это разделение, МППЧ применимо и в контексте вооруженных конфликтов, поскольку его действие распространяется на любые ситуации, связанные с нарушением прав человека, независимо от того, происходят ли они в мирное время или в условиях войны.

Согласно положениям Руководства ООН по соблюдению прав человека при применении менее смертоносного оружия в правоохранительной деятельности 2020 г.⁸ (Руководство 2020), его действие распространяется на любые акты поддержания правопорядка в соответствии с МППЧ и принципами применения силы. В частности, это касается:

- контртеррористических операций вне рамок ведения боевых действий во время вооруженного конфликта;

- возникновения внутренних беспорядков и напряженности, включая отдельные и sporadic акты насилия;

- правоохранительных действий, осуществляемых за пределами национальной территории;

- случаев, когда функции по поддержанию правопорядка выполняются военнослужащими.

Правовые режимы войны и мира, согласно подходу взаимодополнения и гармонии [Давлетгильдеев 2013:23], не противопоставляются друг другу, однако в некоторых случаях требования к оружию в каждом из них существенно различаются. В данной ситуации необходимо

воздействия». Фактически нелетальное химическое оружие – это то, что в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (1993) (Конвенция о химическом оружии) понимается под средствами борьбы с беспорядками (ирритантами). Примеры применения химического нелетального оружия: 1) раздражение органов чувств и причинение физических расстройств: стерниты, раздражающие верхние дыхательные пути (OS), лакриматоры, вызывающие слезотечение (CN), комплексные ирританты (CS, CR); 2) использование против материальных объектов (в отношении конструкций или транспортных средств): загрязнители топлива, суперкоррозионные вещества, охрупчивающие вещества, суперадгезивы и деполимеризирующие вещества); 3) уничтожение посевов и растительности: дефолианты и гербициды (Agent Orange); 4) контроль пространства (липкая пена, скользкие вещества).

⁵ Более подробное исследование видов нелетального оружия см.: Дрыгина А.А. Указ. соч.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ См. также: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. 2002. 19 марта. № 48. П. 9.

⁸ Руководство ООН по соблюдению прав человека при применении менее смертоносного оружия в правоохранительной деятельности 2020 года. – УВКПЧ. Нью-Йорк и Женева. ООН. 2020.

руководствоваться принципом *lex specialis derogat lex generalis*, в частности если толкование сходных понятий в различных отраслях международного права приводит к различным результатам.

К примеру, в период вооруженного конфликта право на жизнь регулируется нормами МПП («право не быть произвольно лишенным жизни применяется также и во время военных действий. Однако критерий того, что является произвольным лишением жизни, в таком случае должен определяться применимым *lex specialis*, а именно правом, применимым в вооруженном конфликте»⁹).

В то же время МППЧ также применяется в ситуациях вооруженного конфликта¹⁰. Так, Межамериканский суд по правам человека отметил, что МПП не заменяет применимость ст. 4 Американской конвенции о правах человека 1969 г., а вместо этого усиливает толкование положения, запрещающего произвольное лишение жизни, когда факты имеют место в рамках и в связи с вооруженным конфликтом¹¹.

Мы считаем, что некоторые нормы МПП также могут применяться к отношениям вне вооруженного конфликта. Э. Давид считает: то, «что запрещено в военное время, продолжает быть запрещенным и в мирное время» [Давид 2011:208-209]. Международный суд ООН (МС ООН) указал на существование «элементарных соображений человечности, носящих еще более абсолютный характер в мирное время, чем в военное»¹². Руководство 2020 ссылается на ст. 36 Дополнительного Протокола I (ДП I), обязывающую государства перед закупкой нелетального оружия провести правовую экспертизу с тем, чтобы убедиться, что приобретаемое оружие не будет использовано таким образом, который противоречит внутреннему или международному праву, в частности праву прав человека¹³. Таким образом, можно сделать вывод, что ст. 36 ДП I, являясь нормой гуманитарного права,

распространяет свое действие и на мирное время, так как предполагается, что на момент начала военных действий государства уже будут обладать проверенным в соответствии с нормами международного права оружием.

Сложности во взаимодействии правовых режимов, регулирующих, по сути, один и тот же объект, обусловлены существенными расхождениями в государственных подходах к использованию нелетального оружия в условиях вооруженных конфликтов и правоохранительных операций. Ряд стран применяет единые стандарты к такому оружию вне зависимости от контекста, тогда как другие проводят четкое различие: термин «нелетальное оружие» закрепляется за военной сферой, а в деятельности правоохранительных органов используется понятие «специальные средства».

В современной системе международного права выделяют два основных правовых режима, регулирующих применение нелетального оружия. В рамках настоящей работы мы сфокусируемся на анализе норм МППЧ, действующих в мирное время, а также тех положений МППЧ, которые продолжают применяться в период вооруженных конфликтов. Нормы МПП, непосредственно касающиеся ведения военных действий, не являются предметом исследования данной статьи.

2. Обычай как источник МППЧ

Ряд важных областей международного права (в том числе применение различных видов оружия) по-прежнему регулируется международным обычным правом ввиду следующих причин:

– в случае если государство не ратифицировало договоры о правах человека, оно все равно связано нормами обычного международного права. Все государства также связаны обязательствами в сфере прав человека, когда эти обязательства являются нормами *jus cogens*

⁹ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 1996. P. 226. Para 25; Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 2004. P. 136. Paras. 105 to 113.

¹⁰ Комитет ООН по правам человека: Замечание общего порядка № 31 (80): Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. 26 мая 2004 г.

¹¹ I/A Court H.R. Case of Cruz Sánchez et al. v. Peru. Preliminary Objections. Merits, Reparations and Costs. Judgment of April 17, 2015. Para 272.

¹² Corfu Channel Case, Judgment of April 9th, 1949. – *ICJ Reports*. 1949. P. 4, 22.

¹³ Руководство 2020. С. 16.

[Dixon, McCorquodale, Williams 2011:200]. Обычай применяются в отношениях с государствами, не являющимися участниками договора, и между ними¹⁴;

– несмотря на мнения некоторых исследователей, общепризнанным является вывод, что обычай не предусматривает выхода из него¹⁵. Действительно, обычай невозможно денонсировать, что является важным обстоятельством в современных отношениях между государствами;

– согласно позиции ряда исследователей, современные международно-правовые обычаи представляют собой более подходящий механизм регулирования межгосударственных отношений. Особую значимость они приобретают в сферах, требующих оперативного реагирования, поскольку, по мнению данных авторов, обычное право демонстрирует большую эффективность и прогрессивность по сравнению с другими источниками международного права [Bederman 2010:43; Helfer, Wuerth 2016:597]. Обычай может появиться в весьма «сжатые сроки, в отличие от многосторонних договоров» [Исполинов 2023:76] и «в отличие от договорных норм, которые зачастую сознательно формулируются нечетко и даже двусмысленно для достижения компромисса среди государств, современные обычные нормы могут быть более детальными и ясными, если они формулируются в резолюциях международных организаций или в решениях международных судов» [Scharf 2014:310].

Еще одна, скорее факультативная, но значимая в рамках данной статьи причина – это отсутствие договорных норм, посвященных нелетальному оружию, а также малочисленность специализированных соглашений, напрямую

касающихся применения оружия в рамках правоохранительной деятельности.

Если в системе МГП вопросы применения оружия, включая нелетальное, прямо закреплены в конкретных международных договорах¹⁶, могут быть выведены через эволютивное толкование из договоров, касающихся данного вида оружия¹⁷, то в рамках МППЧ регулирование данного вопроса опирается исключительно на универсальные принципы и стандарты в области прав человека. При этом национальное законодательство государств демонстрирует крайнюю степень разобщенности в подходе к правовому статусу нелетального оружия.

Правда, необходимо отметить, что нормы, регулирующие применение нелетального оружия в правоохранительной деятельности, упомянуты в Конвенции о химическом оружии (ирританты, некоторые токсичные химикаты); косвенно, фразой «запрещены токсины и агенты, непредназначенные для профилактических, защитных или других мирных целей», подразумеваются в Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972)¹⁸. В то же время в отношении кинетического, акустического, электрического и электромагнитного оружия не предусмотрены специальные международно-правовые акты [Фидлер 2005:193].

Таким образом, в отсутствие применимого международно-договорного регулирования при возможности выхода из договора, в том числе того, что регулирует права человека, а также при некотором пренебрежении государствами, не соблюдающими нормы даже «жесткого» права, стандартами МППЧ в форме рекомендаций,

¹⁴ Текст проектов выводов о выявлении международного обычного права, принятый Комиссией (Текст проектов). Доклад Комиссии международного права. 68 сессия (2 мая – 10 июня и 4 июля – 12 августа 2016 г.). – *Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты*. A/71/10. С. 135. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁵ См.: North Sea Continental Shelf Cases. Judgment. – *ICJ Reports*. 1969. P. 39-40. Para 63. К. Брэдли и М. Гулати в своих исследованиях поднимали вопрос о выходе из обычая, но в то же время отмечали, что сама идея о запрете на выход из обычая окончательно устоялась к середине столетия, превратившись в наше время в некую данность, не подвергаемую сомнению [Bradley, Gulati 2010:226].

¹⁶ Конвенция о химическом оружии. Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии. 1995 г.

¹⁷ Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении. 1997 г.; Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.); VIII Гагская конвенция о постановке подводных автоматически взрывающихся от соприкосновения мин. 1907 г.

¹⁸ Олеорезин Капсикум (ОС) – вытяжка из жгучего перца, применяется государствами в качестве средства борьбы с беспорядками как раздражающее вещество.

возможность урегулирования применения нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности посредством международного обычая чрезвычайно важна.

Однако прежде всего необходимо разобраться с тем, что из себя представляет обычай в качестве источника международного права. Обычай состоит из материального элемента (практика государств) и духовного элемента (*opinio juris*)¹⁹.

Практика должна быть всеобщей, т. е. распространенной, репрезентативной и последовательной²⁰. Практика – это поведение государств в той мере, в какой оно соответствует предполагаемой норме [Tasioulas 2016:97]. Если долгое время в международном праве среди обязательных условий всеобщей практики указывалась еще и продолжительность, сейчас она уже не является обязательной составляющей. При условии, что практика является всеобщей, какой-либо конкретной продолжительности не требуется²¹. Данное положение очень важно для вопросов регулирования оружия, тем более нового, ведь когда-то данный подход не позволил МС ООН сделать вывод о запрете ядерного оружия ввиду его новизны.

Международный суд ООН выразил позицию, согласно которой «достаточно, чтобы поведение государств в целом соответствовало такой норме, и чтобы примеры поведения государств, не соответствующего данной норме, рассматривались как ее нарушения, а не как свидетельства признания новой нормы»²². Таким образом, «всеобщность должна быть не атрибутом практики, создавшей обычную правовую норму, а атрибутом признания созданной нормы» [Кожевников, Корецкий 1967:180]. Из этого следует, что всеобщая практика изначально обусловлена вторым элементом: чтобы быть юридически значимой, она должна сопровождаться уверенностью в ее правомерности и необходимости в силу международного права [Вылегжанин, Каламкарян 2012:9-10].

Opinio juris – это осознание того, что данная общая практика государств соответствует праву [Вылегжанин, Каламкарян 2012:19]. Признавая норму международного права, государство:

1) принимает на себя обязательство соблюдать ее в качестве императивного правила поведения перед другими государствами, не имея возможности в одностороннем порядке от него отказаться;

2) приобретает корреспондирующее право требовать соблюдения данной нормы от иных субъектов международного права [Тункин 1970:142].

Таким образом, юридическая природа обязательств, вытекающих из международного обычая, идентична правовым связям, устанавливаемым международно-договорными нормами. Оба источника являются публичными, дискурсивными и аргументированными [Postema 2012:732].

Практика необходима, потому что обычай – это норма, которая регулярно «подстраивается» под обстоятельства, в то время как *opinio juris* необходим для того, чтобы отличать обязательный для всех государств правовой обычай от других обычаев и обыкновений [Postema 2007:280].

Обычай – это формирование общего консенсуса в отношении определенного правила поведения, которое устанавливается как объективное право²³. Сущность обычая проявляется в единообразном реагировании различных субъектов сообщества на определенный тип социальных отношений. Такое поведение свидетельствует о существовании еще не формализованной нормы, в отношении которой у участников сложилось устойчивое представление о ее правомерности и обязательности [Scelle 1948:574-575]. В сходных словах Ж. Пикте описывал принцип гуманности – это «нечто понятное, но не выраженное на самом деле» [Pictet 1956:14].

Л. Оппенгейм отмечал, что обычай – это первоначальный источник международного права [Оппенгейм 1948:45-46]. Вместе с тем международный обычай – самый противоречивый [Petersen 2017:357], проблематичный [Исполинов 2023:72] его источник.

Источник права рассматривается как внешняя форма закрепления, выражения или существования принятых государствами правовых

¹⁹ Международное право. В 2 т. Под. ред. А.Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2019. Т. 1. Общая часть. С. 89.

²⁰ Толстых В.Л. Курс международного права. Учебник. М.: Международные отношения. 2022. С. 216.

²¹ Текст проектов. Вывод 8. Указ. соч. С. 132.

²² Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment. – *ICJ Reports*. 198. P. 98.

²³ Международное право. Указ. соч. С. 91-92.

норм [Даниленко 1988:8]. Источниками международного права являются формы, в которых оно воплощается, существует [Черниченко 2014:38].

Теория не вызывает сомнений, однако на практике все намного проблематичнее. В чем воплощается международный обычай – это порой загадка для исследователей и практиков (особенно для представителей романо-германской правовой семьи). Где найти норму, которая не написана на бумаге и должна быть выражена поведением государств, их заявлениями, а также верой в нее как в истинное право? Международный суд ООН пояснил, что «материалы обычного международного права следует искать в первую очередь в практике и *opinio juris* государств»²⁴. Говорят, что обычай «происходит из», его «ищут» или «находят в» его элементах [Postema 2007].

А в какой форме существует его элементы?

3. В поисках международного обычая

Оба элемента международного обычая проявляют себя в рамках сотрудничества между государствами – в решениях МС ООН²⁵, межгосударственных арбитражей, в документах универсального уровня, принятых ООН, другими межправительственными организациями и конференциями [Daillier 2009:356-358] (причем обычаи в области МППЧ часто отражаются в деятельности именно международных органов).

В доктрине называют такие свидетельства *практики* государств, как деятельность органов государственной власти, дипломатические действия, заявления от имени руководства государства и т. п. [Show 2008:82].

Доказательства признания нормы в качестве правовой (*opinio juris*) могут включать следующие формы: официальные акты государств (публичные заявления официальных представителей, правовые позиции государственных органов, дипломатическая переписка, действия, связанные с принятием резолюций международными организациями и конференциями; судебная практика национальных судов; положения

заключаемых государством международных договоров)²⁶.

Также обычай, несомненно, может воплощаться через другие источники международного права.

Договоры. Международное право прав человека сформировалось на основе договорного и мягкоправового регулирования (декларации, основные принципы и т. д.). Тем не менее нормы, сформулированные в договорах, касающихся прав человека, во многом опирались на международный обычай.

Ю.С. Ромашев отмечает, что «включение правила поведения, соответствующего складывающейся или сложившейся практике, в международный договор может оцениваться как *opinio juris*, если его рассматривать как акт одностороннего признания со стороны государства» [Ромашев 2018:138].

В разработанном Комиссией международного права ООН в 1950 г. перечне критериев определения международно-правового обычая тексты договоров занимают приоритетную позицию²⁷ [Ильинская 2012:119].

Однако в контексте дискуссии о генезисе источников международного права существует альтернативная точка зрения, согласно которой «положения Всеобщей декларации прав человека (1948), как нормы международного мягкого права, были признаны сначала в договорном порядке, а затем получили всеобщую практику. В данном случае признание подобного рода правил в качестве правовой нормы опережает практику, но без ее наличия не может возникнуть обычно-правовая норма». [Ромашев 2018:139]

Нормы, изложенные в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), рассматриваются как нормы международного обычного права. Например, Управление Верховного Комиссара по правам человека (УВКПЧ) подчеркивает, что запрет пыток представляет собой норму обычного международного права, имеющую императивный характер для всех членов международного сообщества вне зависимости от их участия либо

²⁴ International Court of Justice: Continental Shelf case (Libyan Arab Jamahiriya v. Malta). Judgement of 3 June 1985. – *ICJ Reports*. 1985. P. 29.

²⁵ Fisheries case (United Kingdom v. Norway). Judgment of December 18th. 1951. – *ICJ Reports*. 1951. P. 116.

²⁶ Текст проектов. Вывод 10. Указ. соч. С. 157.

²⁷ Yearbook of the International Law Commission. 1950. N. Y. 1957. Vol. 1. P. 367.

неучастия в каких-либо международных договорах, запрещающих применение пыток²⁸.

Ссылка в Руководстве 2020 на ст. 36 ДП I при том что положения Дополнительных Протоколов, в отличие от положений Женевских конвенций 1949 г., не признаны обычными нормами, косвенно может свидетельствовать о том, что УВКПЧ все-таки рассматривает именно ст. 36 ДП I в качестве обычая (сложно делать объективные выводы, поэтому просто отмечаем тенденцию).

Договоры и обычаи хоть и взаимосвязаны, но не сцеплены намертво: «Норма международного обычного права может сохраняться и применяться отдельно от договора даже при одинаковом с ним содержании и даже между сторонами договора»²⁹.

Общие принципы права «по своей природе наиболее основные положения международного обычного права» [Дурденевский 1956:45].

Так, Королевская комиссия, назначенная для рассмотрения закона, касающегося обвинительных преступлений, указала, что в силу принципа общего права, допущение применения силы для предотвращения преступлений, сохранения общественного спокойствия и привлечения преступников к ответственности все же подчиняется ограничению необходимости применения силы³⁰.

Мягкое право (резолуции международных организаций и межправительственных конференций) – часто недооцениваемый феномен, хотя его важность в современном процессе международного нормотворчества несомненна [Dixon, McCorquodale, Williams 2011:48].

Современные исследования подтверждают непосредственную роль международных организаций в формировании норм международного обычного права [Daugirdas 2020:203]. Многие положения рекомендательных документов по правам человека, благодаря их глобальному

признанию, приобрели статус международно-правового обычая³¹.

Резолюции сами по себе не создают норму обычного международного права, однако могут ее отражать³². «Резолюция констатирует, что определенные правила уже сложились как международный обычай... Их цель – облегчить восприятие содержания международного обычая» [Черниченко 1999:294-295].

Большая часть регулирования применения нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности происходит посредством мягкого права. К сожалению, данная ситуация характеризуется двумя ключевыми проблемами: во-первых, действующие стандарты носят для государств необязательный характер; во-вторых, большинство из них не учитывает потенциал современных технологических разработок [Korlow 2005:734]. Однако, как отмечается в доктрине, международные стандарты выполняют важную функцию закрепления прав человека и соответствующей обязанности государств – как правоприменителей международного обычного права – обеспечивать соблюдение этих прав [Лазутин, Лихачев 2021:39].

Два документа, которые получили широкое признание в сфере правоохранительной деятельности – это *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979) (Кодекс)* и *Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (1990) (Основные принципы)*³³. Эти документы были разработаны на основе активного диалога между экспертами в области охраны правопорядка и прав человека; в процесс их разработки и принятия было вовлечено большое число государств, что указывает на почти повсеместный консенсус относительно их содержания³⁴.

²⁸ Борьба против пыток. Изложение фактов № 4. Rev.1. – *Human Rights Fact Sheet # 4: Methods of Combating Torture*. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/commission/Rhrtsfactsheet4.html> (дата обращения: 16.01.2025).

²⁹ См.: *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Merits. Judgment. – *ICJ Reports*. 1986. P. 14, 93-96. Paras. 174-179; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*. – *Judgment of the International Court of Justice*. 3 February 2015. Para. 88.

³⁰ *Royal Commission appointed to consider the law relating to indictable offences* ([1879] 36 House of Lords Papers 117, at p. 167).

³¹ *Международная и внутригосударственная защита прав человека*. Учебник. Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут. 2011. – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

³² Толочко О.Н. *Международное публичное право*. Учебник. Минск: Вышэйшая школа, 2023. С. 25.

³³ Хейнс К. *Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях*. A/HRC/26/36. Совет по правам человека. 1 апреля 2014 г. С. 9.

³⁴ Mr Ph. Alston. *Внесудебные, суммарные и произвольные казни: Записка Генерального секретаря. Промежуточный доклад*. A/61/311. 2006. С. 13-14.

Некоторые положения данных документов, несмотря на свою «мягкость», являются конкретным отражением обычного международного права. В их число входят основные положения этих документов, касающиеся применения силы – принцип крайней необходимости (применение силы только в случае крайней необходимости – ст. 3 Кодекса) и принцип пропорциональности (применение силы только в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей – ст. 3 Кодекса, преднамеренное применение силы со смертельным исходом может иметь место лишь тогда, когда оно абсолютно неизбежно для защиты жизни – принцип 9 Основных принципов)³⁵.

Кодекс характеризуется максимально общими нормами в отношении применения силы. В Основных принципах упоминания нелетального оружия содержится в двух положениях.

Принцип 2 призывает правительства и правоохранительные органы разработать и обеспечить должностных лиц различными видами оружия и боеприпасов, позволяющими дифференцированно применять силу, в том числе не приводящими к смерти, нейтрализующими видами оружия.

Принцип 3, почему-то повторяя положение о необходимости разработки «не приводящих к смерти, но нейтрализующих видов оружия», призывает также рассмотреть вопрос об их использовании и предписывает «осуществлять строгий контроль в отношении использования такого оружия».

Указанные концепции нашли неоднократное отражение в резолюциях Совета по правам человека. В частности:

- Резолюция 25/38: рекомендация по обеспечению правоохранительных структур нелетальным вооружением;
- Резолюция 38/11: рекомендация о необходимости обучения применению этому оружию с акцентом на его летальный потенциал.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что нормы об осуществлении правоохранительной деятельности с минимальными негативными последствиями для жизни и здоровья человека являются нормами международного обычного права. И даже не столько всеобщая

практика является таким подтверждением (которая практически во всех государствах характеризуется постоянными нарушениями), сколько *opinio juris* (все мировое сообщество признает принципы применения силы устоявшимися, а нарушения этих принципов – не соответствующими международному праву).

Конечно, основным актом мягкого права в сфере регулирования применения нелетального оружия является *Руководство по нелетальному оружию 2020 г.* – результат работы сообщества ученых и УВКПЧ.

Руководство основано на нормах МППЧ. Начиная с положений об основных принципах применения силы, документ переходит к общим вопросам нелетального оружия, а завершается детальным анализом возможных сценариев применения данного оружия и рекомендациями по использованию конкретных его видов.

Хотя рассматриваемое руководство представляет собой в настоящее время наиболее комплексный источник, регламентирующий применение нелетального оружия в правоохранительной сфере, оно тем не менее не углубляется в правила применения нелетального оружия в ситуациях экстерриториального характера; набор анализируемого оружия крайне ограничен, а также, что принципиально важно, в нем мало ссылок на обычаи. Хотя многие нормы, которые упоминает руководство, – это обычные нормы, в ссылках указываются декларации и договоры.

Также важное значение для урегулирования применения нелетального оружия имеют следующие документы мягкого права.

Справочное пособие по применению силы и огнестрельного оружия в рамках охраны правопорядка – в нем упоминаются право на жизнь и запрет пыток во время правоохранительной деятельности как международные обычаи³⁶.

Упомянутая выше резолюция Совета по правам человека от 6 июля 2018 г. 38/11 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов» указывает на то, что неизбежное применение силы против толпы является незаконным в соответствии с МППЧ, напоминает о необходимости предоставить своим должностным лицам менее смертоносное оружие, а также, что интересно, также подчеркивает

³⁵ Mr Ph. Alston. Внесудебные, суммарные и произвольные казни: Записка Генерального секретаря. Промежуточный доклад. A/61/311. 2006. С. 15-20.

³⁶ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR): *Resource book on the use of force and firearms in law enforcement*. United Nations. New York. 2017.

важность тщательной и независимой проверки менее смертоносного оружия до его закупки (снова отсылка к ст. 36 ДП I).

Руководство для инструкторов по правам человека для полиции «Права человека и правоохранительная деятельность» указывает, что международные стандарты в области прав человека обладают обязательной силой для всех государств и их должностных лиц, в том числе для сотрудников правоохранительных структур³⁷. В документе указывается на обязательность этих норм для всех государств, что придает им характер международного обычного права.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными были признаны в качестве международного обычного права³⁸. В этом документе нас интересуют средства усмирения. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания определяет их как «меры обеспечения безопасности, которые не имеют терапевтического обоснования»³⁹. Сразу приходит на ум возможное использование нелетального оружия (например, биохимических веществ) в качестве средства усмирения.

Однако принципы разрешают их применение только в трех случаях:

- 1) для недопущения побегов во время перемещения заключенных;
- 2) по причинам медицинского характера;
- 3) если существует риск нанесения вреда заключенным самому себе или окружающим, а альтернативные методы не дают результата.

Также в правиле 1 устанавливается запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания, а правило 82 подчеркивает, что

применяемая сила должна быть пропорциональна угрозе, исходящей от лица, против которого она применяется.

Итак, в МППЧ выработано достаточное количество общих правовых обязательных стандартов в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, опираясь на которые государства вполне могут давать оценку законности применения того или иного вида нелетального оружия. Причем базируются эти стандарты на нормах обычного права.

Тем не менее акты международных организаций, за исключением наиболее давних и исторически значимых (Всеобщая декларация прав человека)⁴⁰, являются нормами мягкого права и даже не указаны в ст. 38 Статута МС ООН.

Важность существования актов мягкого права подчеркивает М.Л. Энтин: «Мягкое право – с возможностью его превращения в жесткое – нужно брать на вооружение и пользоваться им»⁴¹.

Судебная практика. Международные судебные органы, особенно МС ООН, являются «поставщиками» международных обычаев. Часто именно суды подтверждают существование обычая как источника, в то время как их решения являются вспомогательными. «Международный обычай иногда имеет сумеречное существование, в течение которого оно с трудом отличается от морали или справедливости, до того момента, когда суд подтвердит его юридическое качество»⁴².

Так, МС ООН указал, что «принцип самоопределения народов подтвержден Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества

³⁷ *Human Rights & Law Enforcement: A Manual on Human Rights Training for the Police* (Professional Training Series Number 5). January 1, 1997. UN Centre for Human Rights High Commissioner for Human rights. P. 22.

³⁸ Mr Ph. Alston. Op. cit. P. 13-14.

³⁹ Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. *Средства усмирения в психиатрических учреждениях для взрослых (Пересмотренные стандарты КПП)*. Страсбург, 21 марта 2017 г. С. 2.

⁴⁰ Воспроизведение содержания Декларации в последующих обязательных документах, ее признание государствами, не участвующими в соответствующих международных договорах, дает основание рассматривать положения Декларации как нормы обычного права. См.: *Международная и внутригосударственная защита прав человека*. Учебник. Под ред. Л.Х. Мингазова. М.: Проспект. 2021. С. 485.

⁴¹ *Международное право: вечный двигатель нуждается в ремонте? – XII Петербургский международный юридический форум*. 26 июня 2024 г. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/5351/#broadcast> (дата обращения: 16.01.2025).

⁴² *New Jersey v. Delaware*. 295 U.S. 694 (1934).

между государствами»⁴³ (положения которой в силу универсальности признаны обычными); что «резолюции и иные документы органов ООН могут иметь нормативное значение, обеспечивать доказательство существования права»⁴⁴.

В деле *Вопросы, касающиеся обязательств осуществлять судебное преследование или выдавать (Бельгия против Сенегала)* МС ООН установил, что запрет пыток является частью корпуса прав *jus cogens*. В деле *Амаду Садио Диалло (Республика Гвинея против Демократической Республики Конго)* Суд сделал вывод, что запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения относится к нормам международного права, которые являются обязательными при любых обстоятельствах, даже в случае отсутствия договорных обязательств.

Одним из знаковых примеров применения международного обычая в рамках *национального судопроизводства* стало решение по делу *Filártiga v. Peña-Irala*⁴⁵. В данном деле суд, изучив источники, из которых, по его мнению, выводится международный обычай – практику государств, судебные решения и работы правоведов – нашел, что запрет пыток – это международный обычай.

Тем не менее международный обычай и решение суда как источники международного права должны быть разграничены. Суд не может устанавливать обычай, он может только интерпретировать факты международной жизни, выявляя практику и/или *opinio juris*. Как отмечает В.Л. Толстых: «Оба элемента обычая находятся за пределами границ судебного познания: суд не может устанавливать их непосредственно»⁴⁶.

Уникальность источников международного права в том, что они существуют и взаимодействуют между собой по принципу «круг не имеет

начала». Часто акты мягкого права являются подтверждениями основных источников. И наоборот, документы мягкого права являются средствами выражения основных источников.

4. Применимость международных обычаев при урегулировании отношений, связанных с нелетальным оружием

Изученный материал уже на этом этапе позволяет сделать вывод, что вряд ли можно сформулировать какой-либо международный обычай в отношении нелетального оружия в целом и какого-то из его видов в частности. Это связано со следующими факторами:

- даже самые «старинные» его виды (кинетическое, химическое, электрическое) не сильно интересуют международное право. Учитывая, что не существует конкретных обычаев даже для некоторых видов смертоносного оружия, однозначную и согласованную практику и *opinio juris* государств в отношении применения резиновых пуль, средств борьбы с беспорядками, электрошокеров выявить на данный момент невозможно;

- что же касается новых видов нелетального оружия, то тут происходит ситуация, сходная с вопросом применения ядерного оружия – слишком мало времени, чтобы сформировать практику.

Неоднородность (и, скорее всего, намеренная скрытность) практики применения нелетального оружия, разные подходы государств – все это говорит об отсутствии элементов обычая. Наиболее значимой и широкомасштабной ситуацией применения новых видов нелетального оружия (инкапаситанты⁴⁷, усыпляющий газ) остается «Норд-Ост» (теракт на Дубровке в 2002 г.), который вызвал общественный резонанс, однако,

⁴³ Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 2004. P. 40. Para. 87.

⁴⁴ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 1996. P. 254-255. Para 70.

⁴⁵ *Filártiga v. Peña-Irala*. 630 F.2d 876 (2d Cir. 1980).

⁴⁶ Толстых В.Л. Указ. соч. С. 222.

⁴⁷ Инкапаситанты – средства, временно выводящие из строя живую силу на период от нескольких часов до нескольких дней с момента его воздействия на организм [Cooper, Rice 2001:388-391] Действие инкапаситантов основано на вмешательстве в функционирование высших регуляторных механизмов центральной нервной системы. См.: Non-Lethal Weapons and Future Peace Enforcement Operations: RTO Technical Report (TR-SAS-040). – *NATO Research and Technology Organization*. Brussels: NATO. November 2004.

он не достиг такого уровня, чтобы государства сформировали правило поведения в отношении инкапситуантов.

Учитывая, что указанные виды оружия являются средством нарушения, а в избыточном регулировании нет необходимости, применение нелетального оружия необходимо рассматривать с точки зрения более обширных и основополагающих запретов и ограничений, например, запрет подвергаться пыткам, запрет на произвольное лишение жизни, рабство, геноцид и т. д. Хотя МППЧ не устанавливает *per se* запрета на применение оружия, отдельные способы его эксплуатации способны представлять собой нарушение прав человека и, соответственно, быть незаконным в соответствии с международным правом [Casey-Maslen 2010:25].

Основное право, которое обеспечивает нелетальное оружие – это право на жизнь. Запрет на произвольное лишение жизни является абсолютным и не допускающим отступлений и является нормой обычного международного права⁴⁸ [Moeskli et al. 2010:221]. Его также считают частью корпуса *jus cogens* [Nowak 2005:122].

Право на жизнь может быть защищено надлежащим образом только в случае соблюдения всех ограничений в отношении применения силы, предусмотренных международным правом⁴⁹. В определенных ситуациях нелетальное оружие является на самом деле довольно летальным и может причинить серьезные повреждения. Риски зависят от типа оружия, контекста его использования и уязвимости объекта применения.

Например, в Руководстве 2020 приводятся примеры нарушающего право на жизнь использования нелетального оружия:

Резиновые дубинки – «следует избегать тычковых ударов дубинкой и ударов наотмашь по грудной клетке, шее и голове ввиду опасности

повреждения и даже разрыва жизненно важных органов».

Ирританты – «под воздействием больших доз могут произойти некроз тканей дыхательных путей и пищеварительной системы, отек легких и внутреннее кровотечение. Существует повышенный риск воспламенения, например, если такой аэрозоль применен против человека, который в этот момент курит».

Электрошоковое оружие – «не следует применять против лиц, находящихся на возвышении, в связи с опасностью получения ими травм головы в результате падения». Определенные условия повышают риск причинения смерти при применении электрошока, например: сердечно-сосудистые заболевания, эпилепсия, прием рецептурных препаратов, употребление наркотиков или алкоголя, удар в область сердца и другие чувствительные участки тела, детский возраст и худощавость (подверженность риску повреждения внутренних органов из-за меньшей толщины покровов), пожилой возраст (подверженность травмам опорно-двигательного аппарата), проблемы с психическим здоровьем или невосприимчивость к боли (например, из-за нарушения нейромышечной связи).

И это руководство не упоминает о повреждениях, которые могут нанести инкапситуанты и электромагнитное оружие, считающиеся самыми опасными видами нелетального оружия.

Абсолютный и не допускающий отступлений запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания сегодня признается всеми в качестве ключевого принципа международного обычного права⁵⁰. Запрет на пытки также является императивной нормой (*jus cogens*)⁵¹.

Этот запрет основан на широко распространенной международной практике и *opinio juris* государств. Он появляется в многочисленных

⁴⁸ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR). *Resource book on the use of force and firearms in law enforcement*. United Nations. New York. 2017. P. 11; African Commission on Human and Peoples' Rights. General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples' Rights: The Right to Life. Article 4. Adopted in November 2015. Para. 27.

⁴⁹ Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса. A/HRC/26/36, 2014; Резолюция Европейского парламента об использовании ударных беспилотников (2014/2567(RSP)).

⁵⁰ Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012. – *ICJ Reports*. 2012. Para. 99; Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo). Judgment of 30 November 2010. 50 ILM 37 (2011). Para. 87; резолюция 8/8 Совета по правам человека; резолюция 70/146 Генеральной Ассамблеи.

⁵¹ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания A/72/178. 2017 г. С. 10; Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012. – *ICJ Reports*. 2012. Para. 99.

международных документах универсального применения и был введен во внутреннее право почти всех государств; наконец, акты пыток регулярно осуждаются на национальных и международных форумах⁵².

Руководство 2020 отмечает, что в зависимости от обстоятельств излишнее или чрезмерное применение силы может быть равносильно пыткам или жестокому обращению.

Поскольку государства должны предотвращать применение разрешенного законом оружия, если его применение является нарушением запрета на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, они в обязательном порядке и безотносительно к своим обязательствам по договорам несут обязанность по регулированию применения оружия⁵³.

Тем не менее нарушение запрета пыток с помощью нелетального оружия достаточно часто происходит, причем в разных странах. Так, Европейский Суд по правам человека рассматривал дела, связанные с незаконным применением ирритантов и резиновых дубинок: *Ali Güneç v. Turkey*⁵⁴, *Tali v. Estonia*⁵⁵, *Антипенков против РФ*⁵⁶. В 2022 г. на пограничном переходе Мелилья силы безопасности Испании и Марокко совершили действия, которые могут быть приравнены к пыткам и другим видам жестокого обращения, чтобы остановить людей, пытающихся пересечь границу. Сотрудники полиции и пограничной стражи обеих стран применяли дубинки, слезоточивый газ, резиновые пули. Также утверждается, что сотрудники правоохранительных органов с близкого расстояния обстреляли резиновыми пулями группу мигрантов на испанской стороне погранперехода⁵⁷.

Электрическое, кинетическое, химическое, оружие направленной энергии вызывают особую озабоченность, так как их применение чаще всего нарушает право не подвергаться пыткам, жестокому и бесчеловечному обращению и наказанию. Специфика нелетальных средств, вызывающих болевой эффект без видимых физических повреждений, создает потенциальные риски их использования в качестве инструментов пыток⁵⁸.

Практика использования пыток остается, к сожалению, распространенным явлением [Roberts 2001:769]. Что делать, если в законе установлен запрет на пытки, а исполнительная власть практикует их? Можно ли сказать, что в данном случае указанные действия – практика органа исполнительной власти и, соответственно, практика государства?

На этот вопрос дает ответ Текст проектов – «Следует учитывать всю имеющуюся практику конкретного государства, ... [и] оценивать во всей совокупности»⁵⁹. Действительно, если в государстве существует хотя бы одна норма об уважении прав человека или отсылка на международный акт – наверно, невозможно в таком случае говорить о всеобщей и согласованной практике государства/группы государств.

Также следует отметить, что, во-первых, все-таки данные нарушения, несмотря на их фактическую распространенность, не афишируются государствами в качестве легальной практики. Во-вторых, такая логика могла бы сработать с другими отраслями международного права, но не в рамках МППЧ, где запрет пыток установлен в качестве нормы *jus cogens*.

Еще одна проблема, связанная с использованием ряда видов оружия несмертельного дей-

⁵² Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012. – ICJ Reports. 2012. Para. 99.

⁵³ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. A/72/178. 2017. С. 24-25.

⁵⁴ European Court of Human Rights. Case of Ali Güneç v Turkey. Judgment (App. No.9829/07). 10 April 2012.

⁵⁵ Report to the Government of Bosnia and Herzegovina on the visit to Bosnia and Herzegovina carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 19 to 30 March 2007. CPT/Inf (2009) 25. Strasbourg. 14 October 2009; European Court of Human Rights. Tali v. Estonia. Judgment (App.No. 66393/10). 13 February 2014. Para. 78.

⁵⁶ European Court of Human Rights. Antipenkov v. Russia, Judgment (App. no. № 33470/03). 15 October 2009.

⁵⁷ Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира. Доклад Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 2023. URL: https://mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/Press_Service/23.06.22_report_hr.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

⁵⁸ Amnesty International's Concerns about Taser Use: Statement to the U.S. Justice Department Inquiry into Deaths in Custody. – *Amnesty International*. 2007. P. 4. URL: <https://www.amnesty.org/en/wpcontent/uploads/2021/05/AMR511512007ENGLISH.pdf> (accessed date: 16.01.2025).

⁵⁹ Текст проектов. Вывод 7. Указ. соч. С. 150.

ствия заключается в его *неизбирательности*⁶⁰. Оружие, которое не может быть применено по отношению к отдельно взятому лицу⁶¹, относится к неизбирательному оружию. Большинство видов нелетального оружия неизбирательны: химическое, биохимическое, биологическое, акустическое. Неизбирательным оружием может быть и кинетическое, если выпускать снаряды в автоматическом или веерном режиме, электромагнитное, типа ADS⁶², площадь воздействия которого может быть достаточно большой и т. д.

Неизбирательное оружие может приносить сопутствующий ущерб: например, в ситуации мирного митинга применением оружия могут быть затронуты не только отдельные провокаторы, но и спокойно стоящие рядом граждане; при операции по освобождению заложников – захваченные заложники («Норд-Ост» – инкапсультанты, посольство в Лиме – акустическое оружие⁶³).

Принципы необходимости и пропорциональности в таком случае несколько размываются. Однако сам по себе неизбирательный характер оружия не означает, что оно является незаконным. В то же время оно может стать таковым в случае, если влечет за собой тяжелые последствия (массовые смерти из-за инкапсультантов при штурме театра на Дубровке) или используется в определенных обстоятельствах (например, распыление слезоточивого газа в закрытом помещении, применение электрошокеров и дубинок к тому, кто уже взят под контроль)⁶⁴.

Таким образом, мы снова приходим к тому, что любое применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка должно соответствовать принципам законности,

предосторожности, необходимости, пропорциональности, недискриминации и подотчетности⁶⁵. Как указывалось выше, *принципы необходимости и пропорциональности* отражают международный обычай в рамках МППЧ.

Более конкретные запрещения, носящие характер международного обычая, относятся к таким видам нелетального оружия, как биологическое и биохимическое. Оба этих вида оружия являются неизбирательными.

Биологическое нелетальное оружие. Международное право разрешает использование биологических веществ исключительно в защитных или иных мирных целях. Вопрос о соответствии правоохранительной деятельности данным целям остается дискуссионным. Тем не менее биологические нелетальные средства, такие как ОС, широко применяются в практике многих государств для контроля массовых беспорядков.

Что касается нелетального биологического оружия, применяющегося по отношению к технике, Д. Коплоу отмечает, что «современные биотехнологии предлагают множество возможностей, которые могут быть адаптированы для полицейских миссий: микробы для разъедания резиновых шин на транспортных средствах, вещества, которое делает технику хрупкой и т. д. [Koplow 2005:723].

В научной литературе дискутируется гипотетическая возможность создания этноселективного оружия, основанного на применении генетически модифицированных патогенов и токсинов, избирательно воздействующих на представителей конкретных расовых или этнических групп⁶⁶ [Weber 1998:24-25]. Не вдаваясь в научную составляющую вопроса

⁶⁰ Omega Research Foundation and Amnesty International “The human rights impact of less lethal weapons”. P. 17-18, 26; резолюция 25/38 Совета по правам человека. П. 9.

⁶¹ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания A/72/178. 2017 г. С. 23.

⁶² Active Denial System (система активного сдерживания). Представляет собой установку, излучающую электромагнитные колебания, которая оказывает кратковременное тепловое воздействие на людей.

⁶³ Технически, в Лиме не было использовано акустическое оружие «как средство, предназначенное для вывода человека из строя». Во время осады воспроизводилась музыка на высокой громкости в сочетании с провокационными приемами (перемещение танков и другой тяжелой техники вдоль периметра посольства, полеты вертолетов над местом действия и стрельба в воздух). Эти действия служили, в том числе, для дезориентации, лишения сна и запугивания террористов. Однако абсолютно такое же целеполагание останется, если применить в данной ситуации акустическое оружие.

⁶⁴ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. A/72/178. 2017.

⁶⁵ Резолюция, принятая Советом по правам человека 6 июля 2018 г. 38/11 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов».

⁶⁶ Mahnaimi U., Colvin M. Israel planning ‘ethnic’ bomb as Saddam caves. – *Sunday Times*. 15 November 1998. URL: <https://homepages.uc.edu/~chengy/times.html> (accessed date: 16.01.2025).

о возможности проведения генетического различия, отметим, что разработка и применение такого оружия нарушали бы императивные нормы международного права (*jus cogens*), включая *принцип равенства народов, запрет дискриминации и порабощения*. Также использование подобных средств подпадает под определение геноцида, поскольку предполагает целенаправленное причинение серьезного вреда членам определенной группы с целью ее полного или частичного уничтожения, и, соответственно, регулируется международным обычаем о *запрете геноцида*.

Биохимическое нелетальное оружие. Данный вид оружия применяется в качестве транквилизирующего средства или как психоактивное вещество. Если в первом случае мы можем говорить об инкапситах как о неизбирательном нелетальном оружии, то во втором мы сталкиваемся с вопросами *запрета порабощения, геноцида, преступлений против человечности* и выходим на уровень норм *jus cogens*.

Инкапсита могут иметь как синтетическое химическое, так и естественное биологическое происхождение [Lewer, Davison 2005:44]. Они могут вызывать седативный эффект, дезориентацию, потерю сознания и т. д. [Casey-Maslen 2010:6].

Применительно к ситуации «Норд-Оста», думается, можно говорить о *запрете экспериментов над человеком без его согласия* как норме международного обычая. Формула усыпляющего газа так и не была раскрыта ни общественности⁶⁷ [Дронова 2012:18], ни даже Европейскому Суду по правам человека⁶⁸. По предположениям, спецназ применил наркотический анальгетик фентанил или его производную. Можно предположить, что применение неизвестного биохимического вещества в таких масштабах в нетерапевтических целях является экспериментальной

техникой, а отсутствие согласия участников наводит на мысль о его незаконности.

Согласно Нюрнбергскому кодексу, «абсолютно необходимым условием является добровольное согласие испытуемого» на эксперимент. Кодекс изначально является судебным решением, однако, в последующие годы было принято немало других документов, более детально и строго регламентирующих практику биомедицинских экспериментов [Юдин 1998:172]. Все эти акты⁶⁹ содержат определенный перечень прав испытуемых. Основными из них являются: право на жизнь, личную неприкосновенность, здоровье, уважение частной жизни [Тарасьянц 2008:81]. В дальнейшем запрет на проведение опытов без свободного согласия лица закреплен в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966).

Что касается применения психоактивных веществ, интерес у государств вызывают соединения, вызывающие избирательную потерю памяти, волну паники и провоцирующие депрессию [Уиллис, Дэндо 2005:212], да и вообще любые вещества, способные дать контроль над поведением человека. М. Дэндо и М. Уиллис смоделировали последствия использования таких веществ в рамках правоохранительной деятельности в нескольких сценариях (табл. 1) [Уиллис, Дэндо 2005:217].

Таблица 1

Сценарии последствий использования веществ, способных влиять на поведение человека (по версии М. Дэндо и М. Уиллиса)

Сценарий	Метод
Массовая модификация поведения	Контаминация пищевых и водных ресурсов
Получение информации при допросе	Фармакологическое воздействие («сыворотка правды»)
Политический контроль	Применение инкапсита для умиротворения населения

⁶⁷ См.: Adams P. What was the gas? – *BBC News**. 28 October 2002. URL: <http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2366913.stm> (дата обращения: 07.05.2025).

* Русская служба BBC внесена Роскомнадзором в реестр интернет-ресурсов, содержащих призывы к массовым беспорядкам, экстремизму и участию в незаконных массовых акциях.

⁶⁸ Постановление Европейского суда по правам человека от 20 декабря 2011 г. «Дело «Финогенов и другие (Finogenov and others) против Российской Федерации» (жалобы № 18299/03 и 27311/03). – *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. 2012. № 9.

⁶⁹ Хельсинкская декларация «О принципах проведения научных исследований с участием человека в качестве объекта». Руководство по надлежащей клинической практике, разработанное ICH. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г.

Такое применение биохимических веществ, или, как их называет Дж. Морено, «нейрооружия», перемещает правоприменителей туда, где можно «подвергнуть опасности сущностную природу или личность» [Moreno 2006:19]. Управление людьми с помощью подобных методов может быть приравнено к рабству, а запрещение рабства является нормой обычного международного права, нормой *jus cogens*, что, несомненно, ограничивает применение данного нелетального оружия в области МППЧ.

5. Выводы

Итак, международно-правовой обычай сохраняет свою значимость⁷⁰, в том числе в вопросах регулирования применения нелетального оружия в правоохранительной деятельности.

В действительности ни одно государство не ставит под сомнение необходимость защиты права на жизнь, недопустимость пыток, обеспечение гуманного и достойного обращения и наказания и т. д. Именно эти аспекты являются ключевыми, по нашему мнению, при рассмотрении вопросов регулирования применения нелетального оружия в условиях мирного времени.

Когда неясно, где искать норму, когда во фрагментированном международном праве нет ничего, чтобы хоть как-то официально регулировало данный вопрос, когда у государств диаметрально противоположная позиция по вопросу, когда вообще непонятно, откуда брать информацию – а информацию брать надо – то обычай приходит на помощь. Достаточно часто такое случается в ситуациях урегулирования применения нелетального оружия.

К сожалению, обычаев в МППЧ, регулирующих или запрещающих применение оружия, большая часть которого является, во-первых, новым, во-вторых – относительно безопасным, обнаружить не удалось. В МПП ситуация чуть позитивнее, тем не менее для обоснования применимости международных обычаев к отдельным видам нелетального оружия нужна очень сильная аргументация.

Таким образом, в рамках МППЧ к международным обычаям, регулирующим применение нелетального оружия, можно подойти только через общие принципы применения силы и защиты прав человека.

Пытки, жестокое и бесчеловечное отношение, нарушение права на жизнь, и даже рабство и геноцидальные практики существуют, и, к сожалению, часто практикуется в мирное время, в том числе посредством применения нелетального оружия. Тем не менее соблюдение международных стандартов прав человека – это международные обязанности государства [Лазутин, Лихачев 2021:39]. Обычай может успешно применяться, когда государство, нарушая международные обязанности, декларирует, что конкретные нормы отсутствуют, что оно не брало на себя никакие обязательства.

Именно в этом заключается фундаментальное различие между общими принципами международного права и многими национальными системами прав человека. Если во многих национальных правовых системах приоритет отдается охране закона и правопорядка, то главная цель международного права состоит в сохранении жизни и физической неприкосновенности⁷¹.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2012. Значение международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 5-29.
2. Давид Э. 2011. *Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанный на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета*. Москва: Международный Комитет Красного Креста. 1141 с.
3. Давлетгильдеев Р.Ш. 2013. К вопросу о подходах к фрагментации международного права. – *Российский юридический журнал*. № 3. С. 20-25.
4. Даниленко Г.М. 1988. *Обычай в современном международном праве*. Москва: Наука. 192 с.
5. Дронова К.С. 2012. «Финогенов и другие против России»: защита права на жизнь на грани мира и войны. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2011 года. – *Международное правосудие*. № 3 (4). С. 16-23.

⁷⁰ Толочко О.Н. Указ. соч. С. 26.

⁷¹ Хейнс К. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. A/HRC/26/36. Совет по правам человека. 1 апреля 2014. С. 15.

6. Дурденевский В.Н. 1956. Пять принципов. – *Международная жизнь*. № 3. С. 45-53.
7. Ильинская О.И. 2012. Вопросы применения международных обычно-правовых норм. – *Журнал российского права*. № 11 (191). С. 114-125.
8. Исполинов А. 2023. Риски современного международного обычая и пути их минимизации. – *Международное правосудие*. № 2 (46). С. 70-91.
9. Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2021. Права человека: единство российского и международного права, конкуренция решений судов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 31-44.
10. Оппенгейм Л. 1948. *Международное право*. Перевод с 6-го английского издания, дополненного Г. Лаутерпахтом. Под ред. и с предисловием С.Б. Крылова. Том I, полутом 1. Москва: Государственное издательство иностранной литературы. 480 с.
11. Ромашев Ю.С. 2018. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 124-148.
12. Тарасьянц Е.В. 2008. Международно-правовые аспекты защиты прав человека при проведении биомедицинских исследований. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 62-82.
13. Тункин Г.И. 1970. *Теория международного права*. Москва: Международные отношения. 511 с.
14. Уилис М., Дэндо М. 2005. Нейробиология: к вопросу о неминуемой милитаризации биологии. – *Международный журнал Красного Креста*. Т. 87. № 859. С. 199-223.
15. Фидлер Д.П. 2005. Значение происшедшего в Москве: оружие «несмертельного действия» и международное право в начале XXI века. – *Международный журнал Красного Креста*. Т. 87. № 859. С. 157-197.
16. Черниченко С.В. 2014. *Контуры международного права. Общие вопросы*. Москва: Научная книга. 592 с.
17. Черниченко С.В. 1999. *Теория международного права. Старые и новые теоретические проблемы*. В 2-х т. Москва: НИМП. Т. 2. 531 с.
18. Юдин Б.Г. 1998. Горький юбилей. – *Биоэтика: принципы, правила, проблемы*. Ред. Б.Г. Юдин. Москва. 472 с.
19. Bederman D.J. 2010. Acquiescence, Objections and the Death of Customary International Law. – *Duke Journal of Comparative & International Law*. Vol. 21. P. 31-45.
20. Bradley C.A., Gulati M. 2010. Withdrawing from International Custom. – *Yale Law Journal*. Vol. 120. № 2. P. 202-275.
21. Casey-Maslen S. 2010. Non-kinetic-energy weapons termed 'non-lethal'. – *A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law*. Geneva: ICRC. 86 p.
22. Cooper G., Rice P. 2001. Special issue – chemical casualties: Centrally acting incapacitants. – *Journal of the Royal Army Medical Corps*. Vol. 148 (4). P. 388-391.
23. Daillier P. 2009. *Droit international public*. 8 ed. Paris: L.G.D.J. 1709 p.
24. Daugirdas K. 2020. International Organizations and the Creation of Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. Vol. 31. Issue 1. P. 201-233.
25. Dixon M., McCorquodale R., Williams S. 2011. *Cases and Materials on International Law*. Oxford: Oxford University Press. 708 p.
26. Helfer L.R., Wuerth I.B. 2016. Customary International Law: An Instrument Choice Perspective. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 37. № 4. P. 563-609.
27. Koplow D.A. 2005. Tangled up in Khaki and Blue: Lethal and Non-Lethal Weapons in Recent Confrontations. – *Georgetown Journal of International Law*. Vol. 36. № 3. P. 703-808.
28. Lewer N., Davison N. 2005. Non-lethal technologies – an overview. – *Disarmament Forum*. № 1. P. 37-51.
29. Moeckli [et al.] (eds.) 2010. *International Human Rights Law*. New York: Oxford University Press. 784 p.
30. Moreno J. 2006. *Mind Wars: Brain Research and National Defense*. New York: Dana Press. 250 p.
31. Nowak M. 2005. *U.N. Covenant on Civil and Political Rights – CCPR-Commentary*. 2nd ed. Kehl am Rhein, Germany; Arlington, VA: N.P. Engel Publishers. 1277 p.
32. Petersen N. 2017. The International Court of Justice and the Judicial Politics of Identifying Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. Vol. 28. Issue 2. P. 357-385.
33. Pictet J. 1956. *Red Cross Principles*. Geneva: ICRC.
34. Postema G.J. 2007. Custom in international law: a normative practice account. – A. Perreau-Saussine, J.B. Murphy (eds.). *The Nature of Customary Law: Legal, Historical and Philosophical Perspectives*. Cambridge University Press. P. 279-306.
35. Postema G.J. 2012. Custom, Normative Practice, and the Law. – *Duke Law Journal*. Vol. 62. P. 707-738.
36. Roberts A. 2001. Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. – *American Journal of International Law*. Vol. 95. № 4. P. 757-791.
37. Scelle G. 1948. *Manuel de droit international public*. Paris: Domat-Montchrestein. 1008 p.
38. Scharf M.P. 2014. Accelerated Formation of Customary International Law. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. Vol. 20. No. 2. P. 305-341.
39. Show M.N. 2008. *International Law*. 6th ed. Cambridge University Press. 1542 p.
40. Tasioulas J. 2016. Custom, Jus Cogens, and Human Rights. – C.A. Bradley (ed.). *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge University Press. P. 95-116.
41. Weber M. 1998. Israel is Developing "Ethnic Bomb" for Growing Biological Weapons Arsenal. – *The Journal of Historical Review*. Vol. 17. № 6. P. 24-25.

References

1. Bederman D. J. Acquiescence, Objections and the Death of Customary International Law. – *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2010. Vol. 21. P. 31-45.
2. Bradley C.A., Gulati M. Withdrawing from International Custom. – *Yale Law Journal*. 2010. Vol. 120. № 2. P. 202-275.
3. Casey-Maslen S. *Non-kinetic-energy weapons termed "non-lethal"*. – *A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law*. Geneva: ICRC. 2010. 86 p.
4. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy* [Contours of International Law. General Issues.]. Moscow: Nauchnaja kniga. 2014. 592 s. (In Russ.)
5. Chernichenko S.V. *Teorija mezhdunarodnogo prava. Starye i novye teoreticheskie problemy*. [Theory of Inter-

- national Law. Old and New Theoretical Problems*]. V 2-h t. Moscow: NIMP. 1999. T. 2. 531 p. (In Russ.)
6. Cooper G., Rice P. Special issue – chemical casualties: Centrally acting incapacitants. – *Journal of the Royal Army Medical Corps*. 2001. Vol. 148 (4). P. 388-391.
 7. Daillier P. *Droit international public*. 8 ed. Paris: L.G.D.J. 2009. 1709 p.
 8. Danilenko G.M. *Obychaj v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Custom in modern international law]. Moscow: Nauka. 1988. 192 p. (In Russ.)
 9. David E. *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov: kurs lektsii, pročitannyi na yuridicheskom fakul'tete Otkrytogo Bryussel'skogo universiteta* [Principles of the law of armed conflict: a lecture course delivered at the Faculty of Law of the Open University of Brussels]. Moscow: Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta [ICRC]. 2011. 1144 p. (In Russ.)
 10. Daugirdas K. International Organizations and the Creation of Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. 2020. Vol. 31. Issue 1. P. 201-233.
 11. Davletgil'deev R.Sh. K voprosu o podkhodakh k fragmentatsii mezhdunarodnogo prava. – [On the issue of approaches to the fragmentation of international law. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Law Journal]. 2013. № 3. P. 20-25. (In Russ.)
 12. Dixon M., McCorquodale R., Williams S. *Cases and Materials on International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 708 p.
 13. Dronova K.S. «Finogenov i drugie protiv Rossii»: zashchita prava na zhizn' na grani mira i voyny. Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 20 dekabrya 2011 goda [“Finogenov and Others v. Russia”: Defending the Right to Life on the Brink of Peace and War. Judgment of the European Court of Human Rights of 20 December 2011]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice]. 2012. № 3 (4). P. 16-23. (In Russ.)
 14. Durdenevskij V.N. *Pjat' principov* [Five principles]. – *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Life]. 1956. № 3. P. 45-53. (In Russ.)
 15. Fidler D.P. Znachenie proisshedshego v Moskve: oruzhie «nesmertel'nogo dejstvija» i mezhdunarodnoe pravo v nachale XXI veka [The Significance of What Happened in Moscow: Non-Lethal Weapons and International Law at the Beginning of the 21st Century]. – *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta* [The International Review of the Red Cross]. 2005. Issue 87. № 859. S. 157-197. (In Russ.)
 16. Helfer L.R., Wuertth I.B. Customary International Law: An Instrument Choice Perspective. – *Michigan Journal of International Law*. 2016. Vol. 37. № 4. P. 563-609.
 17. Il'inskaya O.I. Voprosy primeneniya mezhdunarodnykh obychno-pravovykh norm [Issues of application of international customary legal norms]. – *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2012. № 11 (191). P. 114-125. (In Russ.)
 18. Ispolinov A. Riski sovremennogo mezhdunarodnogo obychnaja i puti ih minimizacii [Risks of modern international custom and ways to minimize them]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice]. 2023. № 2 (46). P. 70-91. (In Russ.)
 19. Koplou D.A. Tangled up in Khaki and Blue: Lethal and Non-Lethal Weapons in Recent Confrontations. – *Georgetown Journal of International Law*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 703-808.
 20. Lazutin L.A., Lihachev M.A. Prava cheloveka: edinstvo rossijskogo i mezhdunarodnogo prava, konkurencija reshenij sudov [Human rights: unity of Russian and International Law, competition of court decisions]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2021. № 3. P. 31-44. (In Russ.)
 21. Lewer N., Davison N. Non-lethal technologies – an overview. – *Disarmament Forum*. 2005. № 1. P. 37-51.
 22. Moeckli [et al.] (eds.). *International Human Rights Law*. New York: Oxford University Press. 2010. 784 p.
 23. Moreno J. *Mind Wars: Brain Research and National Defense*. New York: Dana Press. 2006. 250 p.
 24. Nowak M. *U.N. Covenant on Civil and Political Rights – CCPR-Commentary*. 2nd ed. Kehl am Rhein, Germany; Arlington, VA: N.P. Engel Publishers. 2005. 1277 p.
 25. Oppenheim L. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Perevod s 6-go anglijskogo izdanija, dopolnenno go G. Lauterpahtom. Pod red. i s predislovom S.B. Krylova. Vol. 1. Peace. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranno j literatury. 1948. 480 p.
 26. Petersen N. The International Court of Justice and the Judicial Politics of Identifying Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. Issue 2. P. 357-385.
 27. Pictet J. *Red Cross Principles*. Geneva: ICRC. 1956.
 28. Postema G.J. Custom in international law: a normative practice account. – A. Perreau-Saussine, J.B. Murphy (eds.). *The Nature of Customary Law: Legal, Historical and Philosophical Perspectives*. Cambridge University Press. 2007. P. 279-306.
 29. Postema G.J. Custom, Normative Practice, and the Law. – *Duke Law Journal*. 2012. Vol. 62. P. 707-738.
 30. Roberts A. Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. – *American Journal of International Law*. 2001. Vol. 95. № 4. P. 757-791.
 31. Romashev Ju.S. Priznanie praktiki v kachestve pravovoj normy (opinio juris) pri formirovanii mezhdunarodnogo obychnaja [Recognition of practice as a legal norm (opinio juris) in the formation of international custom]. – *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of Higher School of Economics]. 2018. № 2. P. 124-148. (In Russ.)
 32. Scharf M.P. Accelerated Formation of Customary International Law. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. 2014. Vol. 20. № 2. P. 305-342.
 33. Scelle G. *Manuel de droit international public*. Paris: Domat-Montchrestein. 1948. 1008 p.
 34. Show M.N. *International Law*. 6th ed. Cambridge University Press. 2008. 1542 p.
 35. Tasioulas J. Custom, Jus Cogens, and Human Rights. – C.A. Bradley (ed.). *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge University Press. 2016. P. 95-116.
 36. Taras'yants E.V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty zashchity prav cheloveka pri provedenii biomeditsinskikh issledovanii [International legal aspects of human rights protection during biomedical research]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2008. № 2. P. 62-82. (In Russ.)
 37. Tunkin G.I. *Teorija mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1970. 511 p. (In Russ.)

38. Vylegzhanin A.N., Kalamkarjan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychnaja v sovremennom mezhdunarodnom prave [The importance of international custom in modern international law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2012. № 2. P. 5-29. (In Russ.)
39. Weber M. Israel is Developing 'Ethnic Bomb' for Growing Biological Weapons Arsenal. – *The Journal of Historical Review*. 1998. Vol. 17. № 6. P. 24-25.
40. Wheelis M., Dando M. Nejobiologija: k voprosu o neinuemoj militarizacii biologii [Neuroscience: Towards the Inevitable Militarization of Biology]. – *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta [International Journal of the Red Cross]*. 2005. T. 87. № 859. P. 199-223. (In Russ.)
41. Yudin B.G. Gor'kii jubilei. Bioetika: printsipy, pravila, problem [Bitter Jubilee. Bioethics: principles, rules, problems]. Moscow. 1998. 472 p. (In Russ.)

Информация об авторах**Анастасия Александровна ДРЫГИНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела, Казанский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»

Н. Ершова ул., 58, Казань, 420081, Республика Татарстан

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

About the Authors**Anastasia A. DRYGINA**

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Affairs, Kazan Cooperative Institute (branch) of the autonomous non-profit educational organization of higher education of the Central Union of the Russian Federation "Russian University of Cooperation"

58, N. Ershova st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420081

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

Habib BADAWI

Lebanese University

Georges Matta St., Tal Zaatar, Dekwaneh, Beirut, Lebanon, 1107

habib.badawi@ul.edu.lb

ORCID: 0000-0002-6452-8379

THE 25TH AMENDMENT AND PRESIDENTIAL SUCCESSION: A CONSTITUTIONAL ANALYSIS IN LIGHT OF RECENT DEBATES

INTRODUCTION. *This comprehensive analysis examines the 25th Amendment of the United States Constitution, focusing on its historical context, current political relevance, and potential implications for American governance. The study explores the amendment's provisions for presidential succession and incapacity against the backdrop of contemporary political debates.*

MATERIAL AND METHODS. *The research employs a multidisciplinary methodology combining historical analysis of presidential incapacity cases, a comprehensive literature review of constitutional law and governance studies, evaluation of ethical implications through democratic theory, and examination of current political discourse surrounding the amendment.*

RESEARCH RESULTS. *The study reveals the complex interplay between the amendment's four sections and their practical applications, highlighting the unprecedented nature of Section 4's potential invocation. Analysis demonstrates significant legal costs associated with its implementation, including institutional strain between branches of government, challenges to democratic legitimacy, and the establishment of potentially problematic precedents for future executive-legislative relations.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The findings underscore that the 25th Amendment represents both a constitutional safeguard and a complex governance challenge, requiring delicate navigation of legal frameworks, political realities, and ethical considerations. The potential invocation of Section 4 carries profound implications for separation of powers, democratic norms, and constitutional interpretation that extend well beyond immediate political considerations. This analysis illuminates the amendment's dual nature as both solution and challenge to the American constitutional system.*

KEYWORDS: *Constitutional Law, Executive Incapacity, Governance Stability, Presidential Disability, Presidential Succession, Political Institutions, Public Trust, United States Constitution*

FOR CITATION: Badawi H. The 25th Amendment and Presidential Succession: a Constitutional Analysis in Light of Recent Debates. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 133–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-133-147>

The author declares the absence of conflict of interest.

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-133-147>

Исследовательская статья

УДК: 342

Поступила в редакцию: 30.07.2024

Принята к публикации: 20.05.2025

Хабиб БАДАВИ

Ливанский университет

Жоржа Матта ул., Таль Заатар, Декванех, Бейрут, Ливан, 1107

habib.badawi@ul.edu.lb

ORCID: 0000-0002-6452-8379

25-Я ПОПРАВКА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ АНАЛИЗ В СВЕТЕ НЕДАВНИХ ДЕБАТОВ

ВВЕДЕНИЕ. Исследование предлагает всесторонний анализ 25-й поправки к Конституции Соединенных Штатов Америки (США), уделяя особое внимание ее историческому контексту, текущей политической значимости и потенциальным последствиям для американской системы управления. Исследование изучает положения поправки о преемственности и недееспособности президента на фоне современных политических дебатов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В исследовании используется междисциплинарная методология, объединяющая исторический анализ случаев недееспособности президента, обзор литературы по конституционному праву и государственному управлению, а также оценку этических последствий с применением демократической теории и на основе изучения текущего политического дискурса вокруг поправки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование раскрывает сложное взаимодействие между четырьмя разделами поправки и их практическим применением, подчеркивая беспрецедентный характер потенциального применения Раздела 4. Анализ демонстрирует значительные юридические издержки, связанные с его реализацией, включая институциональную напряженность между ветвями власти, проблемы демо-

кратической легитимности и создание потенциально опасных прецедентов для отношений между исполнительной и законодательной властью.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Результаты исследования подтверждают, что 25-я поправка представляет собой как механизм конституционной защиты, так и сложную проблему управления, в связи с этим ее возможное применение требует деликатного ориентирования в правовых нормах, современных политических реалиях, соблюдения принципов этики. Потенциальное применение Раздела 4 может иметь значимые последствия для принципа разделения властей, демократических норм и толкования Конституции, выходя далеко за рамки политических соображений. Проведенный анализ проливает свет на двойственную природу поправки – одновременно как решения и вызова для конституционной системы США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конституционное право, недееспособность исполнительной власти, стабильность управления, недееспособность президента, преемственность президента, политические институты, общественное доверие, Конституция США

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бадави Х. 2025. 25-я поправка и преемственность президентской власти: конституционный анализ в свете недавних дебатов. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 133–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-133-147>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

The 25th Amendment to the United States Constitution has been a subject of renewed scholarly interest, particularly considering recent political events and debates surrounding presidential capacity. This literature review examines the key themes and perspectives in the academic discourse on the amendment, its historical context, and its potential contemporary applications.

1. *Constitutional Interpretation and Legal Challenges:* The legal intricacies of the 25th Amendment have been extensively analyzed by several scholars. Kalt provides a series of in-depth examinations of the amendment's provisions, particularly focusing on the complexities of Section 4 [Kalt 2012; Kalt 2019; Kalt 2021]. His work is particularly valuable in exploring the potential scenarios and legal challenges that could arise from invoking the amendment. Amar offers a broader constitutional perspective, situating the 25th Amendment within the larger framework of American constitutional history and development [Amar 2005; Amar 2021]. His analysis helps to contextualize the amendment within the evolving understanding of executive power and constitutional governance. Tribe and Matz further contribute to this discourse by examining the 25th Amendment in relation to other constitutional mechanisms for addressing presidential misconduct or incapacity, providing a comprehensive view of the legal landscape surrounding executive accountability [Tribe, Matz 2018].

2. *Historical Context and Development:* The historical development of the 25th Amendment is thoroughly explored in Feerick's comprehensive work, which traces its origins from the aftermath of President Kennedy's assassination to its ratification in 1967 [Feerick 2022]. Feerick's analysis provides crucial insights into the constitutional gaps that the amendment sought to address, particularly regarding presidential succession and incapacity. Gould and Cooper offer valuable historical context through

their examinations of the modern American presidency and Woodrow Wilson's incapacitation, respectively [Gould 2009; Cooper 2009]. These works highlight the evolving nature of executive power and the challenges posed by presidential health crises before the amendment's existence.

3. *International Perspectives and Democratic Norms:* Several scholars situate the 25th Amendment discourse within a broader context of global democratic norms. Diamond and Carothers examine how debates surrounding executive capacity and succession in the U.S. impact perceptions of democratic governance worldwide [Diamond 2020; Carothers 2022].

4. *Medical and ethical considerations:* The intersection of medical assessment and constitutional processes is an emerging area of study. Gilbert and Berger provide important analyses of the challenges in assessing presidential cognitive health and the potential role of medical professionals in 25th Amendment scenarios [Gilbert 2020; Berger 2021]. Annas with Grodin and Lachman contribute valuable perspectives on the ethical considerations surrounding medical assessments of political leaders and the broader implications for public health and governance [Annas, Grodin 2018; Lachman 2012].

5. *Political Implications and Contemporary Relevance:* The contemporary political implications of the 25th Amendment have been a focus of recent scholarship. Levinson and Balkin explore the amendment in the context of broader issues of democratic dysfunction, highlighting the challenges of applying constitutional provisions in a highly polarized political environment [Levinson, Balkin 2019]. Goldstein provides valuable insights into the evolving role of the vice presidency, which is crucial for understanding the potential dynamics of invoking the 25th Amendment [Goldstein 1982; Goldstein 2017]. His work illuminates the complex relationship between the president and vice president in modern governance. Jamieson and Drezner offer perspectives on how recent political events and

media dynamics have shaped public understanding and discourse around presidential capacity and the potential use of the 25th Amendment [Jamieson 2020; Drezner 2020].

This literature on the 25th Amendment reveals a complex interplay of constitutional law, political reality, historical precedent, and contemporary challenges. While there is a robust body of work on the amendment's history and legal framework, emerging scholarship increasingly focuses on its potential application in modern political contexts, the role of medical expertise in governance, and the broader implications for democratic norms and institutions. As political and societal dynamics continue to evolve, further research is needed to fully understand the amendment's role in ensuring stable and capable executive leadership in the 21st century.

The United States Constitution, a living document that has guided the nation for over two centuries, provides crucial mechanisms to ensure the stability and continuity of executive leadership [Amar 2005]. Among these constitutional safeguards, the 25th Amendment, ratified in 1967, has garnered renewed attention in contemporary political discourse [Goldstein 1982]. This amendment, born out of the tragedy of President John F. Kennedy's assassination, addresses the intricate issues of presidential succession and incapacity [Feerick 2022].

The 25th Amendment's provisions have become increasingly relevant in recent years, as debates surrounding presidential fitness and succession have intensified [Kalt 2019]. These discussions reflect not only the amendment's legal implications but also its intersection with political realities, public perception, and the evolving nature of executive power in the modern era [Levinson, Balkin 2019].

This analysis seeks to examine the 25th Amendment's provisions in depth, exploring their historical context, legal framework, and potential applications in contemporary political scenarios. By delving into

the amendment's four sections, we aim to elucidate the complex interplay between constitutional law, political pragmatism, and democratic principles that underpin this crucial aspect of American governance [Neale 2018]. Moreover, this study will contextualize the current debates surrounding the 25th Amendment within broader discussions of presidential power, partisan politics, and the challenges of governance in an increasingly polarized political landscape [Posner, Vermeule 2018]. By doing so, we hope to contribute to a more nuanced understanding of this constitutional provision and its significance in maintaining the stability and integrity of the American political system.

As we navigate these complex issues, it is imperative to approach the topic with academic rigor, historical perspective, and a commitment to constitutional principles. This analysis aims to provide a comprehensive examination of the 25th Amendment, its potential implications, and its role in shaping the future of American democracy.

This study employed a multidisciplinary approach, combining historical analysis, legal interpretation, and political science perspectives. The methodology included:

- Analysis of historical case studies related to presidential incapacity and succession;
- Comprehensive literature review of constitutional law, political history, and contemporary governance studies;
- Evaluation of ethical and governance implications through the lens of democratic theory and institutional analysis;
- Examination of current political debates and public discourse surrounding the 25th Amendment.

This approach allowed for a holistic examination of the 25th Amendment's role in modern American politics and its potential impact on democratic institutions (*Table 1*).

Table 1. Methodological framework for constitutional analysis of the 25th Amendment

Table 1: Methodological Framework for Constitutional Analysis		
Research Component	Approach	Application to 25th Amendment Study
Historical Analysis	Examination of precedent cases and contextual factors	Analysis of Wilson, Reagan, and post-January 6 cases
Legal Interpretation	Textual and intent-based analysis of constitutional provisions	Detailed examination of all four sections
Political Science Perspective	Analysis of institutional dynamics and partisan factors	Consideration of political feasibility and electoral implications
Ethical Framework	Application of democratic theory and governance principles	Assessment of balance between individual rights and national interests

2. 25th Amendment: An Overview

The 25th Amendment, ratified on February 10, 1967, addresses critical issues of presidential suc-

cession and incapacity that had long been subjects of constitutional ambiguity [Feerick 2022]. This amendment comprises four sections, each addressing specific scenarios related to executive leadership continuity (Table 2).

Table 2. Structural overview of the 25th Amendment's four sections

Table 2: Structural Overview of the 25th Amendment			
Section	Primary Function	Historical Application	Key Provisions
Section 1	Presidential Succession	Codified Tyler precedent	Vice President automatically becomes President upon death, resignation, or removal of President
Section 2	Vice Presidential Vacancy	Invoked twice (1973, 1974)	President nominates new Vice President, confirmed by majority vote of both Houses of Congress
Section 3	Voluntary Transfer of Power	Used for presidential medical procedures	President voluntarily transfers power temporarily to Vice President as Acting President
Section 4	Involuntary Removal	Never fully invoked	Vice President and Cabinet majority can declare President unable to discharge duties; includes provisions for dispute resolution by Congress

Section 1: Presidential Succession

Section 1 of the amendment states, “*In case of the removal of the President from office or of his death or resignation, the Vice President shall become President*” [U.S. Const. amend. XXV. § 1]. This provision clarifies the automatic nature of succession, resolving historical uncertainties about the Vice President's role in such circumstances [Goldstein 1982]. It codifies the precedent set by John Tyler in 1841, who assumed the full powers of the presidency upon William Henry Harrison's death rather than merely acting as president.

Section 2: Vice Presidential Vacancy

This section provides that “*whenever there is a vacancy in the office of the Vice President, the President shall nominate a Vice President who shall take office upon confirmation by a majority vote of both Houses of Congress*” [U.S. Const. amend. XXV. § 2]. This provision has been invoked twice: in 1973 with the nomination of Gerald Ford following Spiro Agnew's resignation and in 1974 when Ford, as President, nominated Nelson Rockefeller [Neale 2018]. This process ensures continuous leadership in the executive branch and maintains the line of succession [Kalt 2012].

Section 3: Voluntary Transfer of Power

Section 3 allows for a temporary, voluntary transfer of power from the President to the Vice President. It states that when the President transmits a written declaration of inability to discharge powers and duties, “*such powers and duties shall be discharged by the Vice President as Acting President*” [U.S. Const. amend. XXV. § 3]. This provision has

been used for brief periods during presidential medical procedures, demonstrating its utility in planned scenarios [Kassop 2020].

Section 4: Involuntary Removal

Perhaps the most controversial and least understood section, Section 4, provides a mechanism for removing a president deemed unable to discharge the duties of the office. It requires the Vice President and most of the principal officers of the executive departments (or another body designated by Congress) to declare the President's inability [U.S. Const. amend. XXV. § 4]. This section has never been invoked, leading to significant scholarly debate about its potential application and implications.

The complexity of this provision lies in its potential for political misuse and the challenges of defining presidential inability [Levinson, Balkin 2010]. It raises profound questions about the balance of power within the executive branch and the role of medical expertise in determining fitness for office [Kalt 2019].

3. Current Political Context

The 25th Amendment has recently gained significant attention in public and academic discourse, reflecting the complex interplay between constitutional law, political dynamics, and public perception of executive leadership. This renewed focus stems from several interconnected factors:

Concerns over Presidential Capacity

Recent debates have centered on questions of presidential cognitive capacity and fitness for office,

a topic that has historical precedents but has gained new urgency in the current political climate [Posner, Vermeule 2018]. These discussions often involve:

- *Age-related concerns*: With the increasing age of recent presidents, there has been growing scrutiny of cognitive decline and its potential impact on executive function [Berger 2021];

- *Medical transparency*: Calls for more comprehensive and transparent medical evaluations of presidential candidates and sitting presidents have intensified [McDermott 2007];

- *Public appearances and performances*: Instances of perceived confusion, verbal missteps, or other behaviors during public engagements have fueled speculation about presidential capacity [Jamieson 2020].

Calls for Leadership Change within the Democratic Party

The internal dynamics of the Democratic Party have contributed to discussions about potential leadership transitions:

- *Electoral strategy*: Concerns about electability and the ability to effectively campaign have led some party members to advocate for alternative candidates [Enten 2022];

- *Generational shift*: There is an ongoing debate about the need for younger leadership within the party, reflecting broader demographic and ideological shifts [Azari 2024];

- *Policy direction*: Disagreements over policy priorities and the overall direction of the party have fueled discussions about potential leadership changes.

Speculation about Potential Succession Scenarios

The possibility of invoking the 25th Amendment has led to various speculative scenarios:

- *Impact on governance*: Scholarly examinations of how a potential invocation might affect policy-making, international relations, and public trust in government institutions [Levinson, Balkin 2019];

- *Involuntary removal*: Analysis of the practical and political challenges involved in invoking Section 4, including the role of the Cabinet and Congress [Goldstein 2017];

- *Voluntary invocation*: Discussions about the potential for a president to voluntarily invoke Section 3 for an extended period [Kalt 2019].

These discussions reflect broader concerns about the stability of American democratic institutions and the adaptability of the Constitution to contemporary challenges [Amar 2021]. They also highlight the tension between legal mechanisms and political realities in addressing questions of executive capacity and succession [Tribe, Matz 2018]. It is crucial to note that while these debates are ongoing, they remain largely speculative and theoretical. The 25th Amendment, particularly Section 4, has never been fully invoked, leaving many questions about its practical application unanswered [Neale 2018].

4. Constitutional Mechanisms and Political Realities

The 25th Amendment provides constitutional mechanisms for addressing presidential inability or vacancy, but these provisions intersect with complex political realities. This section examines the interplay between legal frameworks and practical considerations (*Table 3*).

Table 3. Key stakeholder groups in 25th Amendment deliberations

Table 3: Stakeholders in 25th Amendment Deliberations		
Stakeholder Group	Primary Role	Key Considerations
Vice President	Central figure in both voluntary and involuntary processes	Political loyalty vs. constitutional duty
Cabinet Members	Required for Section 4 invocation	Professional obligations vs. political appointments
Congress	Confirmation (Section 2) and dispute resolution (Section 4)	Partisan dynamics and constitutional responsibilities
Medical Professionals	Assessment of presidential capacity	Ethical obligations and definitional challenges
Media	Information dissemination	Balance between public interest and responsible reporting
Public	Democratic legitimacy	Trust in institutions and understanding of constitutional processes

Voluntary Resignation [Section 3]

Section 3 of the 25th Amendment allows for a temporary or permanent transfer of power initiated by the President [U.S. Const. amend. XXV. § 3].

1. Temporary Transfer of Power:

- Enables the President to transfer power voluntarily and temporarily to the Vice President [Goldstein 1982];

- Has been used for short periods during planned medical procedures, demonstrating its utility in controlled scenarios [Neale 2018];

2. Preservation of Presidential Dignity:

- Allows the President to maintain agency in the decision-making process [Kalt 2019];

- Potentially mitigates political fallout by framing the transfer as a responsible act of leadership [Levinson, Balkin 2019].

However, the voluntary nature of this provision may limit its applicability in situations where a president is unwilling or unable to recognize their own incapacity [Posner, Vermeule 2018].

Involuntary Removal [Section 4]

Section 4 provides a mechanism for involuntary removal of the president, a process fraught with legal and political complexities.

1. Procedural Requirements:

- Requires a declaration by the Vice President and a majority of either the principal officers of the executive departments or another body as Congress may by law provide [U.S. Const. amend. XXV. § 4];

- Involves a potential four-day waiting period if the President contests the declaration, followed by a Congressional decision process [Feerick 2022].

2. Challenges and Controversies:

- Raises questions about the definition of “*inability*” and who is best positioned to make such determinations [Kalt 2012];

- Potential for political misuse or perception thereof, potentially undermining public trust [Tribe, Matz 2018].

The complexity and gravity of this process make its invocation highly unlikely except in the most extreme circumstances [Amar 2005].

Political Considerations

The potential use of the 25th Amendment is inextricably linked to broader political considerations.

1. Party Unity and Electoral Strategies:

- Any discussion of presidential succession inevitably impacts party cohesion and electoral prospects [Azari 2024];

- The timing of such discussions relative to election cycles can significantly influence political calculations [Enten 2022];

2. Public Perception and Democratic Legitimacy:

- The invocation of the 25th Amendment, particularly Section 4, could be perceived as subverting the will of the electorate [Levinson, Balkin 2019];

- Media coverage and public understanding of the amendment's provisions play crucial roles in shaping public opinion [Jamieson 2020].

2. Precedent-Setting Nature:

- The first full invocation of Section 4 would set significant legal and political precedents, potentially influencing future applications [Goldstein 2017];

- Concerns about lowering the bar for future removals may deter its use in all but the most clear-cut cases.

3. International Implications:

- Presidential succession discussions can impact international relations and perceptions of U.S. stability [McDermott 2007];

- The geopolitical context may influence decision-making regarding the amendment's invocation [Berger 2021].

Overall, while the 25th Amendment provides constitutional mechanisms for addressing presidential inability, their application is deeply intertwined with complex political realities. The tension between legal provisions and practical considerations underscores the challenges of navigating presidential succession in the modern political landscape. As debates continue, scholars and policymakers must grapple with balancing constitutional fidelity, political pragmatism, and the preservation of democratic norms.

Historical Precedents and Comparisons

While the 25th Amendment has never been fully invoked for extended periods, historical examples provide crucial context for understanding its potential application and the challenges of addressing presidential incapacity. These precedents illuminate the evolution of constitutional thought and political practice regarding executive leadership continuity (Table 4).

Table 4. Timeline of major events related to presidential succession and the 25th Amendment

Table 4: Timeline of Key Events Related to Presidential Succession and the 25th Amendment.		
Year	Event	Significance
1841	Death of President William Henry Harrison	John Tyler established precedent by assuming full presidential powers rather than merely acting as president
1919	President Woodrow Wilson's stroke	Exposed constitutional ambiguity regarding presidential incapacity; First Lady Edith Wilson and advisors effectively ran executive branch
1955	President Eisenhower's heart attack	Led to informal agreements about power transfer, influencing later constitutional discussions
1963	Assassination of President John F. Kennedy	Directly contributed to the creation of the 25th Amendment
1967	Ratification of the 25th Amendment	Established formal procedures for presidential succession and incapacity
1973	Resignation of Vice President Spiro Agnew	First invocation of Section 2; President Nixon nominated Gerald Ford as Vice President
1974	Resignation of President Nixon	Gerald Ford became the first president to take office under the 25th Amendment's provisions
1974	Nomination for Nelson Rockefeller	Second invocation of Section 2; President Ford nominated Rockefeller as Vice President
1980s	Concerns about President Reagan's cognitive health	Raised questions about gradual cognitive decline in a sitting president
2021	January 6 Capitol events	Prompted renewed interest in and calls for invoking the 25th Amendment

A comparative analysis of presidential incapacity cases is presented in table 5, which examines different constitutional frameworks and their management approaches (Table 5).

Table 5. Comparative analysis of presidential incapacity cases across different constitutional frameworks

Table 5: Comparative Analysis of Presidential Incapacity Cases			
Case	Constitutional Framework	Management Approach	Long-term Impact
Wilson's Incapacitation (1919)	Pre-25th Amendment ambiguity	De facto governance by First Lady and small circle of advisors	Later discussions influenced on presidential succession
Reagan's Cognitive Health	25th Amendment in place but not invoked	Internal management within administration	Led to retrospective assessments and debate about cognitive fitness standards
January 6, 2021, Discussions	Full 25th Amendment framework	Political feasibility challenges prevented invocation	Prompted scholarly examinations of amendment's applicability to misconduct vs. medical incapacity

Woodrow Wilson's Incapacitation [Pre-25th Amendment]

President Woodrow Wilson's stroke in October 1919 represents a significant case study in presidential incapacity before the 25th Amendment's ratification:

- Constitutional Ambiguity: Wilson's incapacitation exposed the lack of clear constitutional provisions for handling presidential inability [Gould 2009];
- De Facto Governance: First Lady Edith Wilson and a small circle of advisors effectively ran the executive branch, raising questions about democratic legitimacy and transparency [Cooper 2009];
- Long-term Impact: This episode significantly influenced later discussions on presidential succession and incapacity, contributing to the eventual formulation of the 25th Amendment [Feerick 2022].

Discussions Surrounding Ronald Reagan's Cognitive Health

Concerns about President Ronald Reagan's cognitive health during his second term have become a subject of historical analysis and debate:

- Constitutional Implications: This case highlights the challenges of assessing gradual cognitive decline in a sitting president, a scenario not explicitly addressed by the 25th Amendment [Gilbert 2020];
- Political Considerations: The handling of Reagan's potential cognitive issues demonstrates the complex interplay between medical privacy, public interest, and political loyalty [Cannon 2008];
- Retrospective Assessments: Post-presidency revelations about Reagan's Alzheimer's diagnosis have led scholars to reexamine their later years in office [Abrams 1994].

Debates Following January 6, 2021, Capitol Events

The aftermath of January 6, 2021, the Capitol insurrection sparked renewed interest in the 25th Amendment:

- Constitutional Analysis: This period prompted scholarly examinations of the amendment's applicability in cases of alleged presidential misconduct rather than medical incapacity [Kalt 2021];
- Immediate Discussions: In the wake of the events, there were calls from some political figures and scholars to invoke the 25th Amendment [Bowman 2021];
- Political Feasibility: The ultimate decision not to invoke the amendment highlighted the practical and political challenges of its application, even in extreme circumstances [Tribe, Matz 2018].

Other Relevant Historical Contexts

1. Eisenhower's Health Crises: President Dwight D. Eisenhower's heart attack in 1955 and subsequent health issues led to informal agreements about power transfer, influencing later constitutional discussions [Conklin 2016].
2. Kennedy Assassination: The tragic death of President John F. Kennedy in 1963 exposed gaps in succession planning and directly contributed to the 25th Amendment's creation [Neale 2018].
3. Nixon's Resignation: While not related to incapacity, President Richard Nixon's resignation in

1974 evaluated related aspects of executive succession, with Gerald Ford becoming the first president to take office under the 25th Amendment's provisions [Kassop 2020].

These historical precedents underscore the complex interplay between constitutional theory and political reality in addressing presidential incapacity or succession. They demonstrate that while the 25th Amendment provides a framework for managing such situations, its application remains subject to political, ethical, and practical considerations.

The evolution of these cases over time reflects changing attitudes towards presidential health, the role of medical expertise in governance, and the balance between transparency and privacy in executive leadership. As contemporary debates continue, these historical examples provide valuable insights into the challenges and nuances of interpreting and applying constitutional provisions in real-world scenarios.

Ethical and Governance Implications

The ongoing debate surrounding the potential invocation of the 25th Amendment raises profound ethical and governance questions that extend beyond mere constitutional interpretation. These issues touch upon fundamental principles of democracy, individual rights, and the nature of executive power in the modern era (Table 6).

Table 6. Ethical dimensions of presidential capacity assessment

Table 6: Ethical Dimensions of Presidential Capacity Assessment		
Dimension	Core Tension	Related Constitutional Value
Privacy vs. Public Interest	President's medical privacy vs. public's right to information	Transparency in democratic governance
Individual Rights vs. National Interests	Personal autonomy vs. effective leadership	Constitutional duty and public service
Medical Assessment Standards	Objective measures vs. contextual judgment	Equal application of constitutional standards
Democratic Will vs. Constitutional Safeguards	Electoral mandate vs. fitness requirements	Balance of powers and constitutional limitations
Institutional Integrity	Separation of powers vs. inter-branch cooperation	Constitutional checks and balances

Balance Between Individual Rights and National Interests

1. Privacy vs. Public Interest:
 - The tension between a president's right to medical privacy and the public's right to know about their leader's health status [Annas, Grodin 2018];
 - Ethical considerations in disclosing medical information of elected officials [Berger 2021].
2. Personal Autonomy vs. Constitutional Duty:

- The ethical dilemma of removing a democratically elected leader against their will [Levinson, Balkin 2019];
- Balancing respect for individual agency with the constitutional imperative of effective governance [Posner, Vermeule 2018].

Role of Medical Assessments in Determining Fitness for Office

1. Standardization of Presidential Health Evaluations:

- Debates over implementing comprehensive, standardized health assessments for presidents and candidates [McDermott 2007];

- Challenges in defining and measuring cognitive fitness for high-office roles [Gilbert 2020].

2. Medical Expertise in Constitutional Processes:

- The potential role of medical professionals in 25th Amendment deliberations [Kalt 2019];

- Ethical considerations for physicians involved in assessing presidential capacity [Lachman 2012].

Transparency in Executive Branch Operations

1. Public Trust and Democratic Accountability:

- The impact of perceived secrecy on public trust in government institutions [Hetherington, Rudolph 2015];

- Balancing national security concerns with the need for transparency in executive function [Levi, Stoker 2000].

2. Media's Role in Informing the Public:

- The responsibility and challenges of the press in reporting on presidential health and capacity [Jamieson 2020];

- Ethical journalism in the age of rapid information dissemination and misinformation [Tumber, Zelizer 2019].

Potential Impact on Global Perception of U.S. Leadership

1. International Relations and Diplomatic Stability:

- The effect of perceived instability in U.S. leadership on global diplomatic relations [Drezner 2020];

- Historical precedents of how presidential health crises have affected international perceptions [Abrams 1994].

2. Democratic Norms and Global Influence:

- The symbolic importance of U.S. democratic processes on the global stage [Diamond 2020];

- Potential implications for democracy promotion efforts worldwide [Carothers 2022].

Institutional Integrity and Separation of Powers

1. Inter-branch Dynamics:

- The role of Congress and the judiciary in potential 25th Amendment scenarios [Tribe, Matz 2018];

- Implications for the balance of power among the three branches of government [Ackerman 2010].

2. Long-term Constitutional Implications:

- The precedent-setting nature of invoking the 25th Amendment and its impact on future governance [Goldstein 2017];

- Potential for constitutional amendments or legislative clarifications considering contemporary challenges [Amar 2021].

In sum, the ethical and governance implications of the current debate surrounding the 25th Amendment are far-reaching and multifaceted. They challenge us to reconsider fundamental aspects of democratic governance, individual rights, and the evolving nature of executive power in the 21st century. As scholars, policymakers, and citizens grapple with these issues, it is crucial to approach them with a nuanced understanding of the complex interplay between constitutional principles, political realities, and ethical considerations.

5. Constitutional Precedent and Legal Costs: The Institutional Implications of Invoking the 25th Amendment

The potential invocation of the 25th Amendment, particularly its never-utilized Section 4, represents not merely a constitutional mechanism but a profound legal watershed with far-reaching institutional consequences. While previous sections have explored the ethical and governance dimensions of presidential succession, this analysis would be incomplete without a thorough examination of the substantial legal costs that would be incurred by both legislative and executive branches should this constitutional provision be activated. These considerations are not merely theoretical but represent tangible institutional challenges that would fundamentally reshape inter-branch dynamics in the American system.

1. *Bureaucratic Disruption and Executive Function:* The practical implementation of Section 4 would generate significant disruption within the executive branch bureaucracy, creating substantial legal costs related to administrative continuity. Goldstein highlights that “presidential transitions, even planned ones, create inevitably disjointed policy implementation” [Goldstein 1982] An involuntary and contested transition would magnify these challenges exponentially, potentially leaving agencies without clear leadership during a period of already heightened instability. This bureaucratic disruption extends to questions of authority over the

military, foreign affairs, and emergency powers—areas where legal clarity is paramount. As McDermott observes, “The constitutional chain of command becomes critically important during national security emergencies”, yet Section 4’s implementation would potentially create precisely the kind of command ambiguity that national security frameworks are designed to prevent [McDermott 2007]. This functional disruption represents a tangible legal cost that would reverberate throughout the executive branch.

2. *Constitutional Ambiguity and Interpretive Challenges:* The 25th Amendment’s Section 4 contains notable ambiguities that would generate substantial legal costs upon implementation. Chief among these is the definition of “inability” itself. Kalt highlights that “the amendment deliberately leaves ‘inability’ undefined, creating an interpretive vacuum that would likely be filled in the heat of a political crisis – precisely when dispassionate legal reasoning is most difficult” [Kalt 2012]. This ambiguity creates significant legal uncertainty that would need to be resolved through potentially contentious processes. The amendment’s procedural specifications likewise present interpretive challenges. As Tribe and Matz note, “The four-day waiting period specified in Section 4 raises complex questions about who exercises presidential authority during that interim – questions with no clear textual resolution” [Tribe, Matz 2018]. These procedural ambiguities would require resolution in real-time, either through hasty political compromise or through judicial intervention, neither of which represents an ideal approach to constitutional interpretation.

3. *Democratic Legitimacy and Constitutional Authority:* Perhaps the most profound legal cost of invoking Section 4 lies in its potential impact on the democratic legitimacy of the presidency itself. As Levinson and Balkin observe, “Constitutional mechanisms that allow for the removal of a democratically elected leader without the explicit involvement of the electorate inevitably raise questions about democratic legitimacy” [Levinson, Balkin 2019]. This legitimacy question represents a fundamental legal cost, as it potentially undermines public confidence in constitutional governance. The tension between democratic selection and constitutional restriction presents a particularly challenging legal dilemma. Amar notes that “the amendment attempts to reconcile two competing values: democratic selection of the president and ensuring capable executive leadership” [Amar 2005]. When these values conflict, the resulting legal resolution inevitably imposes costs on one principle or the other. This balancing act rep-

resents perhaps the most consequential legal cost of invoking Section 4 – the potential erosion of either democratic legitimacy or constitutional authority at a moment of national vulnerability.

4. *Institutional Strain and Separation of Powers:* The invocation of Section 4 would generate unprecedented institutional tension between the executive and legislative branches, potentially destabilizing the delicate balance of powers established by the Constitution. As Posner and Vermeule [Posner, Vermeule 2018] argue, “Constitutional crises often emerge not from clear violations of legal norms but from the friction generated when different institutional actors exercise competing legitimate authorities.” The 25th Amendment creates precisely such a friction point, as it positions the Vice President and Cabinet in potential opposition to the President within the executive branch itself, while simultaneously drawing Congress into what might otherwise be an internal executive matter. The potential for institutional paralysis is substantial. Kalt notes [Kalt 2019] that “the Amendment’s procedures create a legal limbo during which the identity of the legitimate wielder of executive power remains contested”, a situation that could profoundly undermine governmental effectiveness during periods of national vulnerability. This institutional strain extends beyond mere administrative inefficiency; it threatens the fundamental legitimacy of executive action during a period when decisive leadership may be most critical.

5. *Judicial Entanglement and Constitutional Review:* The invocation of Section 4 would inevitably draw the judicial branch into what is textually designed as a political process. As Amar [Amar 2021] argues, “While the amendment itself provides no explicit role for the courts, judicial review is implicit in our constitutional system when fundamental questions of governmental power arise.” This judicial dimension adds another layer of legal complexity and cost, raising questions about justiciability, standing, and the appropriate standard of review. The potential for judicial intervention creates additional uncertainty about the amendment’s implementation. Posner suggests that “courts would likely be extremely reluctant to intervene in what appears to be a purely political question, yet equally reluctant to avoid a genuine constitutional crisis” [Posner, Vermeule 2018]. This judicial uncertainty represents a significant legal cost, as it introduces the possibility of conflicting authorities and competing claims to legitimacy during a period of already heightened institutional stress.

6. *Precedential Impact on Executive Authority*: Perhaps the most significant legal cost of invoking Section 4 lies in its precedent-setting nature. As Goldstein observes, “Constitutional innovations, once introduced, rarely remain confined to their original contexts”. [Goldstein 2017] The first-ever invocation of this mechanism would establish parameters for its future use that could permanently alter the nature of presidential power. This precedential dimension raises profound questions about the threshold for determining presidential “inability” in future scenarios. The danger, as articulated by Levinson and Balkin, is that “once normalized, constitutional emergency powers tend to become available for increasingly less emergency-like situations” [Levinson, Balkin 2019]. What begins as an extraordinary remedy for clear incapacity might, through precedential evolution, transform into a more routinely available check on presidential authority. This slippery slope concern represents a significant legal cost, as it potentially introduces a new dynamic of vulnerability to the presidency that the farmers of the amendment may not have intended.

Accordingly, the potential legal costs of invoking the 25th Amendment, particularly Section 4, are substantial and multifaceted. From institutional strain and precedential impacts to interpretive challenges and democratic legitimacy concerns, these costs would fundamentally reshape inter-branch dynamics in ways that extend far beyond the immediate question of presidential succession. As Kalt concludes, “The amendment represents both a constitutional safeguard and a profound challenge to our system – a solution that itself creates new constitutional problems” [Kalt 2021].

Understanding these legal costs is essential not merely for academic purposes but for pragmatic evaluation of the amendment's utility. As debates about presidential capacity continue to evolve, a clear-eyed assessment of these potential institutional costs must inform the political and constitutional calculus surrounding any consideration of the 25th Amendment's invocation. Only through such careful analysis can we ensure that this constitutional safeguard fulfills its intended purpose without undermining the very system of governance it was designed to protect.

6. Discussion

The 25th Amendment stands as a pivotal constitutional safeguard, meticulously crafted to ensure the continuity of capable leadership within the ex-

ecutive branch. As contemporary debates surrounding its potential application intensify, it becomes increasingly imperative to approach this topic with a nuanced understanding of its multifaceted implications. The amendment, born out of historical necessity, now finds itself at the intersection of modern political realities, evolving medical understanding, and changing public expectations of leadership. This convergence necessitates a delicate balance between adhering to constitutional principles and adapting to the complexities of 21st-century governance. The 25th Amendment is not merely a procedural mechanism; it reflects the enduring tension between stability and democratic responsiveness in the American political system.

The potential application of the 25th Amendment, whether through voluntary action or formal invocation, carries profound implications for the fabric of American democracy. It challenges our understanding of executive power, raises questions about the nature of leadership capacity, and assesses the resilience of our constitutional framework. These considerations extend beyond mere legal interpretation, touching upon fundamental aspects of democratic legitimacy, public trust, and institutional stability. The amendment's provisions, particularly Section 4, which has never been invoked, remain a subject of intense scholarly debate and public speculation. The very existence of such a mechanism underscores the farmers' foresight in anticipating scenarios where the executive branch might face incapacitation or dysfunction. Yet, the practical application of these provisions is fraught with complexities, as it requires navigating the intricate interplay between constitutional law, political pragmatism, and ethical considerations.

As these uncharted waters are navigated, it is incumbent upon a diverse array of stakeholders – political leaders, constitutional scholars, medical professionals, and an engaged citizenry – to participate in a thoughtful, non-partisan dialogue. This discourse must transcend immediate political considerations, focusing instead on the long-term health of democratic institutions and the principles they uphold. The 25th Amendment is not a tool for political expediency; it is a solemn constitutional responsibility that demands judicious application. The amendment's invocation, particularly in cases of involuntary removal, raises profound questions about the balance of power within the executive branch and the role of medical expertise in determining fitness for office. The definition of “inability” remains deliberately ambiguous, allowing for flexibility in in-

terpretation but also creating potential for misuse or political manipulation [Kalt 2019].

The ongoing deliberations surrounding the 25th Amendment serve as a crucible for examining broader questions of governance in a complex, rapidly changing world. They prompt a reevaluation of the delicate balance between individual rights and collective interests, the role of expertise in democratic decision-making, and the mechanisms for ensuring accountability at the highest levels of government. The amendments' provisions, particularly Section 3, which allows for a voluntary transfer of power, demonstrate the farmers' recognition of the need for flexibility in addressing temporary incapacitation. However, the voluntary nature of this provision may limit its applicability in situations where a president is unwilling or unable to recognize their own incapacity [Posner, Vermeule 2018]. This tension between voluntary and involuntary mechanisms highlights the inherent challenges of designing constitutional safeguards that are both effective and resistant to abuse.

As this situation continues to evolve, it is paramount to prioritize the nation's enduring interests over short-term political expediency. This entails a commitment to upholding constitutional integrity, fostering transparency in governance, and nurturing public trust in democratic institutions. It requires a willingness to engage with puzzling questions and to consider perspectives that may challenge preconceptions. The 25th Amendment is not merely a legal text; it is a living framework that must adapt to the realities of modern governance. The amendment's provisions, crafted in response to historical contingencies, now find themselves at the forefront of contemporary debates on executive power, democratic norms, and the very nature of leadership in our republic. Moreover, these discussions must be situated within a global context. The United States' approach to questions of executive capacity and succession reverberates far beyond its borders, influencing perceptions of democratic governance worldwide. As Diamond argues, the symbolic importance of U.S. constitutional processes on the global stage cannot be overstated [Diamond 2020]. The way these challenges are addressed carries implications not just for American democracy but for the broader landscape of global political thought. The 25th Amendment, as a constitutional safeguard, serves as a model for other nations grappling with similar issues of leadership continuity and incapacity. However, its application must be guided by a profound respect for constitutional processes, a commitment to the rule of law,

and an unwavering dedication to the principles of democratic governance.

Accordingly, the current debate surrounding the 25th Amendment presents both a challenge and an opportunity. It challenges a rigorous examination of the constitutional framework and its applicability to contemporary realities. Simultaneously, it offers an opportunity to reaffirm a commitment to democratic principles, engage in meaningful civic dialogue, and strengthen the foundations of governance structures. The amendment's provisions must be viewed not as political tools but as solemn constitutional responsibilities to be exercised with the utmost care and consideration. As Levinson and Balkin note, the first full invocation of Section 4 would set significant legal and political precedents, potentially influencing future applications. The stakes are high, and the implications are far-reaching [Levinson, Balkin 2019].

Moving forward, it is essential to approach these issues with intellectual rigor, ethical consideration, and a steadfast commitment to the democratic ideals that have long guided the nation. By doing so, the response to these constitutional questions will not only address immediate concerns but also reinforce the resilience and adaptability of American democracy for generations to come.

7. Conclusion

The 25th Amendment stands as a testament to the foresight of the Constitution's framers and the adaptability of the U.S. governing framework. In the context of modern governance, this amendment functions not only as a procedural safeguard but also as a reflection of the United States' institutional commitment to stable and capable leadership. Discussions surrounding the 25th Amendment underscore the dynamic nature of the U.S. Constitution – a document that evolves in interpretation and application when confronted with new challenges. The amendment's provisions, crafted in response to historical contingencies, now occupy a central position in contemporary debates about executive power, democratic norms, and the nature of leadership in the American political system.

The potential invocation of the 25th Amendment necessitates careful consideration of the delicate balance it embodies. While it provides a critical mechanism for ensuring governance continuity during crises or presidential incapacity, its application requires judiciousness to avoid perceptions of undermining electoral mandates. This tension reflects

the core principles of the U.S. constitutional system, which prioritizes both institutional stability and democratic accountability.

Scholarly and public discourse in the 25th Amendment plays a vital role in democratic practice. Such discourse facilitates reexamination of constitutional principles, scrutiny of executive power boundaries, and assessment of evolving expectations for the presidency. This engagement perpetuates the longstanding tradition of constitutional interpretation that has sustained the republic. Any evaluation of the 25th Amendment must be grounded in respect for constitutional processes, adherence to the rule of law, and dedication to democratic govern-

ance principles. The amendment's provisions should be regarded as constitutional obligations requiring rigorous, nonpartisan deliberation rather than instruments of political expediency.

In summary, the 25th Amendment exemplifies the Constitution's enduring role as a living framework shaping U.S. governance. It underscores the necessity of maintaining leadership standards, preserving institutional integrity, and ensuring governmental responsiveness to public will. Addressing these constitutional questions demands rigorous analysis, historical perspective, and sustained commitment to the democratic foundations of the United States.

APPENDICES

Appendix A

Glossary of Key Terms

Term	Definition	Relevance to Study
Presidential Succession	The process by which leadership transfers upon vacancy in the presidency	Core focus of 25th Amendment Sections 1 and 2
Presidential Incapacity	Inability of a president to discharge powers and duties of office	Addressed by Sections 3 and 4 of the Amendment
Acting President	Vice President temporarily assuming presidential powers	Status during temporary transfers under Sections 3 and 4
Constitutional Ambiguity	Lack of clear textual guidance on constitutional questions	Pre-25th Amendment condition regarding presidential incapacity
Transfer of Power	Process of shifting executive authority between officials	Central mechanism of the Amendment's practical application
Democratic Legitimacy	Authority derived from adherence to democratic processes	Key consideration in debates about involuntary removal
Executive Branch Continuity	Maintenance of stable leadership within administration	Primary purpose of the Amendment's provisions

References

- Abrams H.L. *'The President Has Been Shot': Confusion, Disability, and the 25th Amendment*. Stanford University Press. 1994.
- Ackerman B. *The decline and fall of the American republic*. Harvard University Press. 2010. T. 12.
- Amar A.R. *America's constitution: A biography*. Random House Incorporated. 2005.
- Amar A.R. *The Words that Made Us: America's Constitutional Conversation. 1760–1840*. Basic Books. 2021.
- Annas G.J., Grodin M.A. Reflections on the 70th anniversary of the Nuremberg doctors' trial. – *American journal of public health*. 2018. No. 1. Issue 108. P. 10-12.
- Azari J. Weak Parties, Strong Partisanship. – *The Making of the Presidential Candidates*. 2024.
- Berger S.A. The President's Brain: Executive Function and the Challenges of Cognitive Aging. – *Political Psychology*. 2021. No. 3. Issue 42. P. 441-458.
- Bowman F.O. *The Constitutional Case for Impeaching Donald Trump [Again]*. The University of Missouri School of Law. Legal Studies Research Paper Series. 2021.
- Cannon L. *President Reagan: The role of a lifetime*. Hachette UK. 2008.
- Carothers T. *Democracy Support in Hard Places*. Carnegie Endowment for International Peace. 2022.
- Conklin M. Eisenhower's Stroke: The Call for a "Fully Functioning" Vice President. – *Presidential Studies Quarterly*. 2016. No. 1. Issue 46. P. 89-112.
- Cooper Jr.J.M. *Woodrow Wilson*. Vintage. 2009.
- Diamond L. *Ill winds: Saving democracy from Russian rage, Chinese ambition, and American complacency*. Penguin. 2020.
- Drezner D.W. *The toddler in chief: What Donald Trump teaches us about the modern presidency*. University of Chicago Press. 2020.
- Enten H. The Role of Age in Presidential Politics: A Statistical Analysis. – *Electoral Studies*. 2022. No. 81.
- Feerick J.D. *The twenty-fifth amendment: Its complete history and applications*. Fordham University Press. 2022.
- Gilbert R.E. The Politics of Presidential Medical Care: Ronald Reagan and the 25th Amendment. – *Politics and the Life Sciences*. 2020. T. 39. No. 1. P. 40-53.

18. Goldstein J.K. *The Modern American Vice Presidency: The Transformation of a Political Institution*. Princeton University Press. 1982.
19. Goldstein J.K. *The White House vice presidency: The path to significance, Mondale to Biden*. University Press of Kansas. 2017.
20. Gould L.L. *The modern American presidency*. University Press of Kansas. 2009.
21. Hetherington M.J., Rudolph T.J. Why Washington won't work: Polarization, political trust, and the governing crisis. – *Why Washington Won't Work*. University of Chicago Press. 2015.
22. Jamieson K.H. *Cyberwar: how Russian hackers and trolls helped elect a president: what we don't, can't, and do know*. Oxford University Press. 2020.
23. Kalt B.C. *Constitutional Cliffhangers: A Legal Guide for Presidents and Their Enemies*. Yale University Press. 2012.
24. Kalt B. C. *Unable: The Law, Politics, and Limits of Section 4 of the Twenty-Fifth Amendment*. Oxford University Press. 2019.
25. Kalt B.C. The Twenty-fifth Amendment and Incapacity from Outside Force. – *Fordham Law Review*. 2021. No. 5. Issue 89. P. 1951-1974.
26. Kassop N. The Twenty-fifth Amendment: Its Crafting and Use Today. – *Presidential Studies Quarterly*. 2020. No. 3. Issue 50. P. 712-732.
27. Lachman V.D. Ethical challenges in the era of health care reform. – *MedSurg Nursing*. 2012. No. 4. Issue 21. P. 248.
28. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness. – *Annual review of political science*. 2000. No. 1. Issue 3. P. 475-507.
29. Levinson S., Balkin J.M. *Democracy and dysfunction*. University of Chicago Press. 2019.
30. McDermott R. *Presidential leadership, illness, and decision making*. Cambridge University Press. 2007.
31. Neale T.H. Presidential Disability Under the Twenty-Fifth Amendment: Constitutional Provisions and Perspectives for Congress. – *Congressional Research Service*. 2018. Vol. 45394.
32. Posner E.A., Vermeule A. *The executive unbound: after the madisonian republic*. Oxford University Press. 2018.
33. Tribe L., Matz J. *To end a presidency: the power of impeachment*. Hachette UK. 2018.
34. Tumber H., Zelizer B. Special 20th anniversary issue: The challenges facing journalism today. – *Journalism*. 2019. No. 1. Issue 20. P. 5-7.

Информация об авторе

Хабиб БАДАВИ

доктор философии, профессор факультета литературы и гуманитарных наук, Ливанский университет

Жоржа Матта ул., Таль Заатар, Декванех, Бейрут, Ливан, 1107

habib.badawi@ul.edu.lb

ORCID: 0000-0002-6452-8379

About the Authors

Habib BADAWI

Doctor of Philosophy, Professor at the Faculty of Letters and Human Sciences, Lebanese University

Georges Matta St., Tal Zaatar, Dekwaneh, Beirut, Lebanon, 1107

habib.badawi@ul.edu.lb

ORCID: 0000-0002-6452-8379